SOCIOM

2022

ISSN 2658-5855

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 7 № 1

SOCIAL COMPETENCE

+12

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

сетевое издание № 1 2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 7 № 1

2022

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Заместитель главного редактора – Коршунова Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Школы педагогики Дальневосточного федерального университета

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Ларионова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия

Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Поветкина Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Пятковская Юлия Валерьевна, доктор юридических наук, проректор по научной работе Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области (г. Иркутск, Россия)

Швецов Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», профессор кафедры педагогики и психологии развития (г. Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Хабаровск, Россия)

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан, ЕАО, Россия)

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета. Президент Международной Академии психологических наук (г. Ярославль, Россия)

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Россия)

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий (г. Улан-Батор, Монголия)

Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе и качеству образования Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук (г. Краснодар, Россия)

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия)

network edition No. 1 2022

SCENTIFIC JORNAL

Vol 7 No. 1

2022

SOCI@COM

SOCIAL COMPETENCE

Editorial collegium

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – Korshunova Natalia Leonidovna - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the School of Pedagogy of the Far Eastern Federal University
Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Larionova Larisa Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Pakharukov Aleksandr Anatolyevitch, Candidate of Juridical Sciences, Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Povetkina Natalia Alekseevna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Financial, Tax and Budget Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of State and Legal Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Pyatkovskaya Julia Valeryevna, Doctor of Juridical Sciences, Vice-Rector for Research, Baikal State University (Irkutsk, Russia)
Sidorova Natalia Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region (Irkutsk, Russia)
Shvetsov Mikhail Yurievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Pedagogy and Development Psychology (Vladivostok, Russia)

Editorial board

Baikov Nikolay Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Khabarovsk, Russia)
Vorotilkina Irina Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department, Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, Russia)
Kozlov Vladimir Vasilyevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences (Yaroslavl, Russia)
Lipatova Lyudmila Nikolayevna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic” (Saransk, Russia)
Podlinyaev Oleg Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department of Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Irkutsk, Russia)
Romashov Roman Anatolyevich, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Activities Department of Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honored Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
Tuya Gotovyn, PhD, Professor, Head of European Studies Department of Mongolian State University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia)
Hagurov Temyr Aitechevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, Kuban State University, Leading Researcher of Sociology Institute, Russian Academy of Sciences. Full member of the Russian Academy of Social Sciences (Krasnodar, Russia)
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department of Mongolian State University (Ulan Bator, Mongolia)

сетевое издание № 1 2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 7 № 1

2022

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Содержание 4

Юридические науки

Воронина К.А. Становление и развитие российского законодательства в сфере осуществления деятельности по разведке и освоению нефтегазовых месторождений 5
Пахаруков А.А. Правовое положение собрания кредиторов в деле о банкротстве 15

Педагогические науки

Белан Н.В., Калугина Н.А. Образовательная среда как условие развития профессиональной субъектности магистрантов 26
Korshunova N.L., Matveeva E.F. Teacher evaluation documents and Procedures in High-performing APR Countries in Hong Kong and Singapore 35
Петухова А.В. Инженерное образование в условиях транзитивного периода 47
Рошко Е.П. Необходимость повышения финансовой грамотности школьников в регионе 57
Скоморохова Н.А., Коршунова Н.Л. Школьные учебники по обществознанию (гендерный аспект) 68
Церельникова А.Ю., Булавенко О.А. Инклюзивное образование как фактор формирования готовности будущих педагогов 76

Социологические науки

Дыня А.О., Струк Е.Н. Исследовательская традиция изучения феномена социальной дистанции в социальном знании 83
Короленко А.В. Внешние факторы активного долголетия в оценках населения Вологодской области 95
Сухарькова М.П. Ценности и жизненные приоритеты олимпийских волонтеров 110
Ткачук Т.В. Ценности и самоидентификация коренных малочисленных народов Югры 119

Contents

Contents 4

Juridical sciences

Voronina K.A. Formation and development of Russian legislation in the field of exploration and development of oil and gas deposits 5
Pakharukov A.A. Legal status of the meeting of creditors in a bankruptcy case 15

Pedagogical sciences

Belan N.V., Kalugina N.A. The educational environment of the university as a condition for the development of professional subjectivity of undergraduates 26
Korshunova N.L., Matveeva E.F. Teacher evaluation documents and Procedures in High-performing APR Countries in Hong Kong and Singapore 35
Petukhova A. V. Technical education in a transitive period of development 47
Roshko E.P. The need to improve financial literacy of schoolchildren in the region 57
Skomorokhova N.A., Korshunova N.L. School textbooks on social studies (gender aspect) 68
Tsirelnikova A.Yu., Bulavenko O.A. Inclusive education as a factor of formation of readiness of future teachers 76

Sociological sciences

Diny A.O., Struk E.N. The research tradition of studying the phenomenon of social distance in social knowledge 83
Korolenko A.V. External factors of active longevity in the estimates of the Vologda Oblast population 95
Sukharkova M.P. Values and priorities of Olympic volunteers 110
Tkachuk N.V. Values and self-identification of the indigenous peoples of Ugra 119

Юридические науки

Оригинальная статья
УДК 340

Становление и развитие российского законодательства в сфере осуществления деятельности по разведке и освоению нефтегазовых месторождений

Ксения Александровна Воронина[1]
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)

Аннотация: *В статье рассматривается система правового регулирования недропользования в Российской Федерации, представлены этапы становления и развития законодательства в сфере разведки, освоения и добычи углеводородных ресурсов. Проанализированы основные нормативные акты, ключевые положения относительно рассматриваемой темы, подробно описаны особенности лицензионно-разрешительной системы предоставления прав на геологическое изучение, разведку и добычу углеводородов. Изложены позиции ведущих экспертов относительно правового механизма регулирования недропользования на территории Российской Федерации. В статье описаны основные пробелы в законодательстве, в заключении представлены общие выводы по статье.*

Ключевые слова: *недропользование, недра, углеводороды, разведка и добыча, лицензирование, право пользования участком, участок федерального значения, система мониторинга.*

Для цитирования: *Воронина К.А. Становление и развитие российского законодательства в сфере осуществления деятельности по разведке и освоению нефтегазовых месторождений // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 5–14.*

Juridical sciences

Original article

Formation and development of Russian legislation in the field of exploration and development of oil and gas deposits

Ksenia A. Voronina
Moscow State Institute of International Relations

Abstract: *The article examines the system of legal regulation of subsoil use in the Russian Federation, presents the stages of formation and development of legislation in the field of exploration, development and production of hydrocarbon resources. The main legal acts, key provisions on the topic under consideration are analyzed, the features of the licensing system for granting rights to geological exploration, exploration and production of hydrocarbons are described in detail. The positions of leading experts on the legal mechanism of regulation of subsoil use in the territory of the Russian Federation are outlined. The article describes the main gaps in the legislation, the general findings of the article are presented in the conclusion.*

Keywords: *subsurface use, subsoil, hydrocarbons, exploration and development, licensing system, right to use a site, a site of federal significance, monitoring system.*

For citation: *Voronina K.A. Formation and development of Russian legislation in the field of exploration and development of oil and gas fields // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 5-14.*

Введение

Законодательное регулирование недропользования как явление возникло в России несколько веков назад, однако оно значительно моложе, чем горная промышленность в целом. По мнению А.Е. Воробьёва, правовое регулирование отношений недропользования в России, несмотря

[1] © Воронина К.А.

на высокий темп развития отрасли добычи и переработки полезных ископаемых, начало формироваться только в Средние века – в то же время, что и в феодальной Европе [1].

Историю развития отечественного нормативно-правового регулирования деятельности недропользователей принято разделять на три основных стадии:

1. Императорский период (1700-1917 гг.);
2. Советский период (1920-1992 гг.);
3. Современный период.

Многие учёные, такие как М.В. Саудаханов, связывают начало течения первого периода с изданием Императором Петром I таких законодательных актов, как Именной указ «Об утверждении Приказа Рудокопных Дел» от 24 августа 1700 года. Данный нормативный правовой акт стал первым в своём роде законодательным актом, положения которого закрепляли регулирование отношений недропользования на государственном уровне.

Не меньшую роль в рамках данного периода сыграла Берг Привилегия Петра I «Об учреждении Берг Коллегии и о свободе рудосыскного предпринимательства», принятая 10 декабря 1719 года и приведшая к ряду значительных изменений [2]:

- провозглашены горная регалия и горная свобода. Суть первой состояла в том, что все недра на территории Российской Империи были признаны её собственностью. При этом принцип горной свободы означал, что лицо, обнаружившее месторождение, наделялось первостепенным правом на его дальнейшие изучение и разработку;
- пользователи недр получили равный доступ к открытым месторождениям. Наличие у них права собственности на участок, на котором располагалось месторождение, более не играло определяющей роли;
- для лиц, открывших месторождение, были предусмотрены определённые субсидии и льготы;
- установлен лимит размера для участков, предоставляемых недропользователям для осуществления их деятельности;
- для лиц, открывших месторождение и не сообщивших об этом в установленном порядке был предусмотрен ряд карательных мер, наиболее радикальной из которых являлась смертная казнь [3].

Не менее важным законом в рамках данного периода стал первый в стране Горный Устав под названием «Свобода учреждений и уставов горного управления», принятый в 1832 году.

Положениями данного законодательного акта были упорядочены внутренние процессы пользования недрами и горной индустрии в целом, порядок назначения и отстранения от исполнения обязанностей должностных лиц в рамках данной сферы, а также многие другие смежные отношения. Более того, данным нормативным правовым актом были предусмотрены особые правовые режимы, применявшиеся в зависимости от вида добываемых полезных ископаемых, таких как цветные металлы, драгоценные камни, а также углеводороды.

Стоит также отметить, что Горным Уставом было впервые введено обособленное регулирование отношений недропользования, связанных с добычей на дне водоёмов.

Введение особых правовых режимов добычи конкретных видов полезных ископаемых стало первой ступенью в становлении специализированного законодательства и послужило толчком к развитию регулируемых ими добывающих отраслей.

В то же время Горный Устав не был лишён ряда недостатков. Среди них выделяют следующие: 1) несмотря на императивный характер многих его положений, данный законодательный акт причислялся к Гражданским законам; 2) за собственниками земельных участков, на которых располагались месторождения, закреплялось право собственности на их недра.

Советский период становления законодательного регулирования недропользо-

вания начинается в 1917 году с принятия на Втором Всероссийском Съезде Советов на Декрета «О земле». Характерной особенностью данного Декрета являлось то, что земли и леса были переведены из частной собственности в «народную».

Помимо названного нормативного правового акта, в России в первой половине XX века был принят целый ряд иных законов в сфере недропользования, таких как Декрет «О социализации земли» (1918 г.), Декрет «О недрах земли» (1920 г.), «Положение о недрах и их разработке» (1923 г.), Горное положение СССР (1927 г.). Последнему стоит уделить особое внимание, так как им было установлено право государственной собственности на недра на весь Советский период.

Более того, положениями данного нормативного правового акта было установлено следующее:

- принципы предоставления недропользователям права пользования участками недр;
- порядок функционирования индустрии разработки месторождений;
- основы государственного контроля в сфере недропользования, а также систематизации и учета информации об открытых месторождениях;
- ужесточённые меры государственного контроля, равно как и повышенная ответственность лиц, осуществляющих деятельность по освоению нефтяных месторождений.

Очередной вехой в истории развития российского законодательства о недропользовании стало принятие Верховным Советом СССР «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах» в 1976 году. Данный комплекс правовых норм был также взят за основу при формировании соответствующих кодексов отдельных союзных республик.

Впервые недра были признаны «общим достоянием всего советского народа». При этом основным принципом недропользования стали «интересы настоящего и будущего поколений».

Немаловажную роль в развитии законодательного регулирования процессов пользования недрами сыграли принимаемые компетентными государственными органами многочисленные нормативные правовые акты инструктивно-методического характера, ставшие основной частью законодательного регулирования в данной сфере.

Начало течения современного периода становления российского законодательства о недрах приурочивается к принятию Закона РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 года №2395-1 [4].

Система государственного регулирования недропользования в России была разделена на два уровня: федеральное законодательство и законодательство субъектов РФ. Такое разделение было обусловлено пунктом «в» статьи 72 Конституции РФ, согласно которому вопросы владения, пользования и распоряжения недрами отнесены к предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ [5].

В Закон РФ «О недрах» неоднократно вносились коррективы в целях его адаптации к российским реалиям, в частности на фоне переходного периода конца XX – начала XIX века.

Среди наиболее значимых реформ стоит выделить:

- передачу большей части полномочий по распоряжению недрами федеральным органам исполнительной власти в 2004 году (отмена «второго ключа»);
- ужесточение государственного контроля за иностранными инвестициями в деятельность по недропользованию, введение режима участков недр федерального значения в 2008 году;
- установление в 2009 году прозрачного режима деятельности по обогащению полезных ископаемых, а также пользования подземными водами, что было необходимо для ведения недропользователями работ в соответствии с полученной лицензией;
- с 2012 года право пользования участками недр федерального значения (УНФЗ)

приобретается заинтересованными лицами исключительно на основании аукциона. Полномочия по принятию решений о проведении аукционов на право пользования УНФЗ, определению условий их проведения, а также состава и порядка осуществления своих функций аукционными комиссиями переданы Правительству Российской Федерации.

Устаревшие положения Закона Российской Федерации «О недрах», Федеральных законов «О континентальном шельфе Российской Федерации» и «О газоснабжении в Российской Федерации», в соответствии с которыми торги на право пользования УНФЗ могли проводиться в порядке конкурса, были признаны недействительными [6].

На сегодняшнем этапе развития российского законодательства о недрах ему характерны следующие тенденции:

-передача всё большего объема полномочий по регулированию недропользования федеральным органам исполнительной власти;

- ужесточение требований к пользователям недр в сфере экологии;

- введение особого правового режима для определённых видов участков недр;

- тенденция к глобализации, использование зарубежного опыта в развитии отечественного законодательства, регулирующего процесс недропользования, возрастающая роль международных правовых режимов, в частности в отношении недр арктического шельфа [7].

Материалы и методы

При проведении научного исследования были использованы следующие методы исследования: общенаучные методы анализа и синтеза, системно-структурный метод, логический метод, а также частно – научные, формально-юридический, сравнительно – правовой методы и метод толкования норм права. Информационную базу исследования составили нормативные документы, а также научные публикации российских ученых по теме исследования.

Основные результаты исследования

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим процесс недропользования в Российской Федерации, является Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах». Данную позицию разделяет множество учёных, среди которых – Д.А. Ламерт [8].

Законом «О недрах» установлены, помимо прочего, основные принципы и порядок регулирования отношений, возникающих в сфере недропользования, определён круг полномочий государственных органов в отношении недр, регламентирован процесс выдачи лицензий, определены существующие виды деятельности недропользователей и другие необходимые для регулирования данной сферы процедуры.

Исходя из содержания данного закона, на сегодняшний день в Российской Федерации можно выделить следующие принципы недропользования:

1. Распоряжение недрами осуществляется исключительно уполномоченными на то органами государственной власти;
2. Пользование недрами осуществляется на платной основе;
3. Предоставление недр в пользование осуществляется в лицензионном порядке.

На сегодняшний день исходя из целей деятельности недропользователей выделяется пять основных видов пользования недрами, три из которых связаны непосредственно с деятельностью по добыче полезных ископаемых:

1. Не нарушающие целостность недр геологоразведочные работы, целью которых является общее геологическое изучение недр;
2. Геологическое изучение, в том числе поиск и оценка месторождений полезных ископаемых.
3. Разведка и добыча полезных ископаемых.

Каждый из перечисленных видов поль-

зования недрами предполагает выдачу государственными органами соответствующего типа лицензии. Существуют также, так называемые, «сквозные лицензии», предоставляющие право сразу на несколько перечисленных видов деятельности.

Порядок осуществления индивидуальными пользователями недр геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых включает в себя ряд процедур.

Сначала пользователь недр выбирает подходящий участок недр, основываясь на собственных целях, а также информации, предоставляемой Федеральным агентством по недропользованию и обладающих соответствующей компетенцией органах печати.

Затем недропользователь принимает участие в конкурсе или аукционе в порядке, предусмотренном Законом РФ «О недрах». Целью такого участия является получение участка недр в пользование. Исключением являются расположенные на континентальном шельфе России участки недр федерального значения, а также месторождения газа, включённые в утверждаемый Правительством РФ перечень участков недр федерального значения – проведение аукциона в данном случае не требуется.

Стоит обратить внимание на тот факт, что на сегодняшний день выдача лицензий осуществляется преимущественно в рамках аукционов.

Право пользования участком возникает у лица с момента регистрации лицензии. С этого момента на пользователя недр также возлагается обязанность по осуществлению полного комплекса геологоразведочных работ, производимых в целях нахождения богатых месторождений полезного ископаемого, имеющих промышленное значение, затем их доразведку и последующий ввод в промышленную эксплуатацию.

Помимо лицензии, от пользователя недр требуется получение ряда необходимых разрешительных документов. Данные документы разделяются на две группы:

1. На пользование недрами (геологический и горный отводы; технический проект и прочая проектная документация, необходимая для эффективного ведения работ по освоению месторождений полезных ископаемых);

2. На пользование земельным участком, на котором расположено месторождение (подтверждающие право проведения соответствующих работ на участке, находящимся в собственности недропользователя, арендуемом им или используемым на основании сервитута; заключение экологической экспертизы).

Таким образом, после получения лицензии пользователю недр также необходимы такие документы, как геологический отвод (геологоразведочные работы) и горный отвод (добыча полезных ископаемых).

Геологический отвод предоставляется заинтересованным лицам для осуществления ими геологического изучения недр, не предполагающего существенного нарушения их целостности, как, например, в случае сейсморазведочных работ. Границы же геологического отвода определяются исходя из содержания лицензии.

Горный отвод предоставляется лицам, планирующих проведение работ по добыче полезных ископаемых, а также геологоразведочных работ, в ходе которых происходит нарушение верхнего слоя земли и использование недр (поисково-оценочное и разведочное бурение). В данном случае границы отвода также определяются на основании лицензии, однако впоследствии корректируются в соответствии с планом технических работ. Уточнённые границы включаются в лицензию пользователя недр и становятся её неотъемлемым пунктом.

Не менее важной процедурой при подготовке недр к разработке является формирование технического проекта. Такой проект разрабатывается и реализуется в

соответствии с лицензией пользователя недр. В рамках его подготовки производится экономический и технический сравнительный анализ схем, отображающих расположение объектов на участке, и различных технологических схем. В случае если речь идёт о добыче углеводородов, в технический проект включаются такие документы, как проект опытной (пробной) эксплуатации поисковой скважины, проект пробной эксплуатации единичных разведочных скважин, проект пробной эксплуатации месторождения (залежи), технологическая схема опытно-промышленной разработки месторождения (залежей или участков залежей), технологическая схема разработки месторождения, технологический проект разработки месторождения, а также документы, предусмотренные Постановлением Правительства РФ от 03 марта 2010 г. №118 [9].

Согласно положениям действующего законодательства РФ, существует ряд случаев, в которых к заявлению на согласование проектной документации пользователю недр необходимо дополнительно прикладывать копию заключения государственной экспертизы запасов.

Как указывалось выше, описанного комплекса разрешительных документов недостаточно для того, чтобы недропользователь мог начать работы по освоению выделенного ему участка недр. Заинтересованному лицу также необходимо получить ряд документов, на основании которых у него возникнет право пользования земельным участком, на котором располагается месторождение. Процесс их получения достаточно затруднителен и нередко приводит заинтересованное лицо к серьёзным финансовым затратам.

Согласно действовавшей ранее редакции ст. 11 Закона РФ «О недрах», лицензия предоставлялась недропользователю после того, как он получит от государственных органов или непосредственного собственника расположенного над недрами земельного участка предварительное согласие на его изъятие и последующее проведение на нём необходимых работ. Однако согласно действующей редакции данной нормы права изъятие искомого земельного участка в пользу заинтересованного лица производится в порядке, установленном законодательством РФ, при этом многие детали самой процедуры изъятия не находят отражения в действующих формулировках законодательства. Многие учёные, такие как Ляпина О.А., разделяют точку зрения, что порядок перехода права пользования земельным участком от собственника к потенциальному пользователю недр действующим законодательством в должной мере не разъяснён [10].

Порядок получения заинтересованным лицом прав на проведение работ на земельном участке, расположенном над недрами, определяется в первую очередь видом работ, которые такое лицо планирует на нём проводить (предполагает ли характер таких работ нарушение почвенного слоя).

Таким образом, в случае если лицензия выдаётся на геологическое изучение недр, у пользователя недр практически не возникает проблем в процессе получения права пользования необходимыми земельными участками. К примеру, в случае геологического отвода земельный участок чаще всего предоставляется в аренду. В некоторых случаях на него устанавливается сервитут. Последний позволяет недропользователю проводить необходимые работы без изъятия такого участка у собственника.

В то же время, если лицензируемый вид деятельности пользователя недр предполагает нарушение почвенного слоя, то ему, по мнению М.Ш. Тельхиговой, становится необходимо получить содержащий месторождение земельный участок в собственность путём его выкупа или изъятия [11].

В случае если пользование недрами на отведённом участке осуществляется в интересах Российской Федерации, муниципалитета или местного населения, в его

отношении устанавливается публичный сервитут [12]. Такой вид сервитута устанавливается в целях временного пользования участком для проведения необходимых работ, обычно не связанных с нарушением почвенного слоя.

Частный сервитут редко устанавливается, если речь идёт о пользовании недрами, подразумевающем нарушение почвенного слоя. В случае если в результате подобного пользования земельный участок становится непригодным для целевого использования, его собственник вправе обратиться в суд с требованием о прекращении сервитута.

Аренда земельного участка над недрами предполагает предварительное согласование условий пользования земельным участком с его собственником. Оговоренные условия включаются в договор аренды наряду с её сроком, стоимостью и т. д. [13].

Согласно действующему законодательству при предоставлении недропользователю в аренду земельного участка, находящегося в собственности государства или муниципалитета, конкурс не проводится. При этом стоимость аренды такого участка устанавливается Правительством РФ в размере 2% от его кадастровой стоимости.

Аренда земельного участка является оптимальным вариантом для пользователя недр в связи с тем, что, если в ходе геологического изучения пользователем недр не найдено надлежащего свидетельства наличия на нём искомого объекта добычи, арендные отношения допустимо расторгнуть досрочно. В то же время, если наличие искомого сырья на участке подтверждено, заинтересованное лицо и собственник участка могут вступить в переговоры о приобретении участка недропользователем в собственность, либо продлить срок действия его аренды.

В последнем случае наиболее целесообразным вариантом представляется приобретение земельного участка в собственность в целях ведения пользователем недр необходимой деятельности вне зависимости от того, предполагает ли она нарушения почвенного слоя.

Приобретение пользователем недр земельного участка в собственность предполагает переход всего комплекса прав в отношении такого участка. Стоит, однако, учитывать, что данному способу обретения права собственности свойственен определённый ряд трудностей, связанных в первую очередь с определением стоимости земельного участка, равно как и размера компенсации его текущему собственнику. Более того, в случае отказа собственника от передачи заинтересованному лицу прав на земельный участок, добиться изъятия земельного участка без согласия его собственника пользователь недр сможет лишь путём обращения в суд [14].

Заключение

Таким образом, законодательством Российской Федерации не в полной мере детализирован процесс приобретения участка недр в пользования после получения недропользователем лицензии на проведение тех или иных работ, связанных с изучением и разработкой месторождений.

Проведённый анализ нормативных правовых источников и периодической литературы позволяет выделить ряд проблем, связанных текущим состоянием законодательного регулирования лицензионно- разрешительной системы предоставления прав на геологическое изучение, разведку и добычу углеводородов.

Во-первых, данные, получаемые в ходе мониторинга деятельности недропользователей, недостоверны, в частности связанные с объёмом и результатами выполненных работ. Источником проблемы является недобросовестность недропользователей при подаче отчётной документации о ведущейся деятельности. Так, многие подобные документы, поступающие в Роснедра, по своей сути нередко являются лишь формальными отписками, описываемые в них намерения в полной

мере не выполняются, детализация в описании деятельности сведена к минимуму [15].

Вторая проблема связана с воспроизводством минерально-сырьевой базы страны по углеводородному сырью. По мнению геолога А.С. Якимова, «данная задача провалена в части объемов приростов запасов углеводородного сырья (УВС), которое за эти годы ожидало государство от недропользователей при их работе с недрами с целью поисков новых месторождений, или решена частично – новые фактические объемы запасов УВС, прошедшие госэкспертизу в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых (ГКЗ), имеют далеко не оптимальную географию, низкую (и часто завышенную) среднюю величину запасов на одно месторождение, структуру запасов, качество нефти и т.п.» [16]. Более того, в текущих реалиях финансирование как геологоразведочных работ, так воспроизводства минерально-сырьевой базы ложится на плечи самих недропользователей, что для многих из них является колоссальной задачей. Отсюда – неполная реализация потенциала предприятий по добыче сырья, неуплата налогов и т.п.

Ещё одной важной проблемой является отсутствие со стороны государства индивидуального подхода при составлении лицензионных соглашений. Многие содержащиеся в них условия имеют формальный характер, включаются «под копирку», без учёта особенностей предоставляемого в пользование участка и самого лицензиата. В то же время в соответствии с действующим законодательством недропользователи несут полную ответственность за нарушение заведомо невыполнимых условий.

Особого внимания заслуживает и проблема, связанная с делопроизводством при лицензировании деятельности недропользователей. По мнению государственных органов, недропользователю, одержавшему победу в аукционе, достаточно предъявить ксерокопию протокола аукционной комиссии для снятия с банковского счёта значительной суммы, необходимой для оплаты участия в аукционе, однако как отечественные, так и зарубежные банки зачастую отказывают в предоставлении столь значительных сумм [17].

Анализ описанных выше проблем позволяет сделать ряд рекомендаций по улучшению действующего законодательства и отрасли добычи углеводородного сырья в целом:

- реорганизация системы мониторинга деятельности недропользователей;
- переход с уведомительного порядка (предоставление отчётов о проделанной работе без надлежащей обратной связи) на экспертный – ежегодные выездные проверки, указание на недостатки ведущейся деятельности и последующая проверка их устранения;
- повышение эффективности деятельности территориальных органов государственной власти, компетентных в сфере недропользования;
- переход на индивидуализированный подход в аукционном делопроизводстве – повышение степени детализации и обоснованности требований и условий, включаемых в лицензионные соглашения;
- налаживание взаимодействия банков, предоставляющих услуги недропользователям, с органами государственной власти в целях облегчения процесса выдачи денежных сумм, необходимых пользователям недр для осуществления своей деятельности.

Список источников / References

Воробьев А.Е. История нефтегазового дела в России и за рубежом. М. 2013. С. 54.

Саудаханов М.В. История развития и становления нефтегазового комплекса в российском государстве // Вестник Московского университета МВД России № 6. 2007. С. 132.

Воробьев А.Е. История нефтегазового дела в России и за рубежом. М. 2013. С. 62

Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (ред. от 27.12.2019) // Российская газета № 52. 15.03.1995.

Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ № 31. 04.08.2014.

Калинов В.В. Вертикально-интегрированные нефтегазовые компании России – история и традиции. Учебное пособие. М. 2015. С. 23.

Международно-правовые основы недропользования: учебное пособие // отв. ред. Вылегжанин А.Н.; [Автор предисл. Торкунов А.В.]. М.: НОРМА, 2007. С. 44.

Ламерт Д.А. Особенности процедуры предоставления права пользования земельным участком над недрами с целью геологоразведки и добычи полезных ископаемых // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. С. 36.

Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 (ред. от 21.12.2018) // Собрание законодательства РФ № 30. 27.07.2009.

Ляпина О.А. Изъятие земельных участков для целей недропользования: правовое регулирование и практика применения // Вестник Поволжского института управления. Том 6. № 17. 2017. С. 68.

Тельхигова М.Ш. Правовое регулирование изъятия земель для нужд недропользования // Проблемы экономики и юридической практики. № 5. 2014. С. 178.

Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета № 211-212. 30.10.2001.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Российская газета № 23. 06.02.1996, № 24. 07.02.1996, № 25. 08.02.1996, № 27. 10.02.1996.

Vorobyev A.E. The history of oil and gas business in Russia and abroad. M. 2013. p. 54.

Saudakhanov M.V. History of development and formation of the oil and gas complex in the Russian state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 6. 2007. p. 132.

Vorobyev A.E. History of oil and gas business in Russia and abroad. M. 2013. p. 62

The Law of the Russian Federation of 21.02.1992 No. 2395-1 "On Subsoil" (ed. of 27.12.2019) // Rossiyskaya Gazeta No. 52. 15.03.1995.

Constitution of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 31. 04.08.2014.

Kalinov V.V. Vertically integrated oil and gas companies of Russia - history and traditions. Textbook. M. 2015. p. 23.

International legal foundations of subsoil use: textbook // ed. Vylegzhanin A.N.; [Author of the preface. Torkunov A.V.]. M.: NORM, 2007. p. 44.

Lamert D.A. Features of the procedure for granting the right to use a land plot above the subsoil for the purpose of geological exploration and mining // Interexpo Geo-Siberia. 2015. p. 36.

Decree of the Government of the Russian Federation of 16.07.2009 No. 582 (ed. of 21.12.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 30. 27.07.2009.

Lyapina O.A. Withdrawal of land plots for the purposes of subsoil use: legal regulation and practice of application // Bulletin of the Volga Institute of Management. Volume 6. No. 17. 2017. p. 68.

Telkhigova M.Sh. Legal regulation of land withdrawal for the needs of subsoil use // Problems of Economics and legal practice. No. 5. 2014. p. 178.

Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated 25.10.2001 (ed. dated 27.12.2019) // Rossiyskaya Gazeta No. 211-212. 30.10.2001.

The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (ed. of 18.03.2019, with amendments. from 03.07.2019) // Rossiyskaya Gazeta № 23. 06.02.1996, № 24. 07.02.1996, № 25. 08.02.1996, № 27. 10.02.1996.

Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 304-ЭС18-5931 по делу № А45-26060/2016 // СПС «Консультант плюс».

Шарф И.В. Финансовые и организационные аспекты воспроизводства ресурсной базы углеводородов в региональном разрезе // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 2. С. 634.

Якимов А.С., Тавризов В.Е. Лицензирование недр УВС в России – действующая система, её проблемы и недостатки // Георесурсы. 2016. Т. 18. № 1. С. 60.

Золотенков Я.В., Боярко Г.Ю. Правовые и экономические проблемы геологоразведочных работ и пути их решения // Горный журнал. 2015. № 2. С. 5.

Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.06.2018 No. 304-ES18-5931 in case No. A45-26060/2016 // SPS "Consultant plus".

Sharf I.V. Financial and organizational aspects of reproduction of the hydrocarbon resource base in the regional context // The economy of the region. 2017. Vol. 13. No. 2. p. 634.

Yakimov A.S., Tavrizov V.E. Licensing of subsurface UVS in Russia – the current system, its problems and shortcomings // Geo resources. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 60.

Zolotenkov Ya.V., Boyarko G.Yu. Legal and economic problems of geological exploration and ways to solve them // Mining Journal. 2015. No. 2. p. 5.

Сведения об авторе

Воронина Ксения Александровна
студентка магистратуры Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО)
Москва, Россия, пр-т Вернадского 76
e-mail: kseni-voronina@yandex.ru

Information about the author

Voronina Ksenia Alexandrovna
Master student of Moscow State Institute of International Relations
76 Vernadskogo Prospect, Moscow, Russia
e-mail: kseni-voronina@yandex.ru

Вклад автора

Воронина К.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the author

Voronina K.A. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for pub-lication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author claims no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Юридические науки

Оригинальная статья
УДК 347.736.6

Правовое положение собрания кредиторов в деле о банкротстве

Александр Анатольевич Пахаруков[1]
Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: *Установлено, что в деле о банкротстве могут действовать гражданско-правовые сообщества – собрание кредиторов, комитет кредиторов, собрание работников, бывших работников должника, собрание участников строительства. Рассмотрены некоторые проблемные вопросы толкования и применения норм российского законодательства о банкротстве, возникающие в ходе проведения собрания кредиторов. Выявлены теоретические концепции определения правовой природы собрания кредиторов: концепция организованной группы (коллектива, объединения) кредиторов; концепция коллегиального (коллективного) органа управления юридического лица; концепция коллективного субъекта (правосубъектного образования); концепция способа выражения коллективной воли кредиторов. Сделан вывод о том, что собрание и комитет кредиторов, не будучи юридическими лицами, тем не менее не могут просто рассматриваться как «юридическая совокупность» лиц, координирующих свои действия в период проведения процедур банкротства. Собрание и комитет кредиторов обладают некоторыми чертами правосубъектного единства. Отмечено, что на базе основной модели правосубъектности (общей и специальной правосубъектности кредиторов и уполномоченных органов) строится производная правосубъектная юридическая форма. Предложено участников собрания кредиторов делить на две группы – на «постоянных участников», состав которых не зависит от категории должника, и на «дополнительных (непостоянных) участников», которые имеют право принимать участие в собрании только в случаях, прямо предусмотренных законом при банкротстве отдельных категорий должников. Постоянные участники собрания кредиторов подразделены на три категории лиц – имеющие безусловное право голоса; имеющие ограниченное («усеченное») право голоса; не имеющие право голоса.*

Ключевые слова: *конкурсное право, дело о банкротстве, арбитражный управляющий, гражданско-правовое сообщество, собрание кредиторов, комитет кредиторов..*

Для цитирования: *Пахаруков А.А. Правовое положение собрания кредиторов в деле о банкротстве // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 15–25.*

Juridical sciences

Original article

Legal status of the meeting of creditors in a bankruptcy case

Aleksandr A. Pakharukov
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: *It has been established that civil law communities can act in a bankruptcy case - a meeting of creditors, a committee of creditors, a meeting of employees, former employees of the debtor, a meeting of construction participants. Some problematic issues of interpretation and application of the norms of Russian legislation on bankruptcy that arise during the meeting of creditors are considered. Theoretical concepts of determining the legal nature of the meeting of creditors are revealed: the concept of an organized group (collective, association) of creditors; the concept of a collegial (collective) management body of a legal entity; the concept of a collective subject (legal entity); the concept of a way of expressing the collective will of creditors.*

[1] © Пахаруков А.А.

It is concluded that the meeting and the committee of creditors, not being legal entities, nevertheless cannot simply be considered as a "legal set" of persons coordinating their actions during the bankruptcy proceedings. The meeting and the committee of creditors have some features of legal unity. It is noted that on the basis of the main model of legal personality (general and special legal personality of creditors and authorized bodies), a derivative legal form is built. It is proposed to divide the participants of the meeting of creditors into two groups - into "permanent participants", the composition of which does not depend on the category of the debtor, and into "additional (non-permanent) participants", who have the right to take part in the meeting only in cases expressly provided for by law when bankruptcy of certain categories of debtors. Permanent participants of the meeting of creditors are divided into three categories of persons - having an unconditional right to vote; having a limited ("truncated") voting right; not entitled to vote.

Keywords: *bankruptcy law, bankruptcy case, insolvency practitioner, civil society, meeting of creditors, com-mittee of creditors.*

For citation: *Pakharukov A.A. (2022) Legal Status of the Meeting of Creditors in a Bankruptcy Case. Sotsial'naya kompetentnost' // Social Competence. Vol. 7. No. 1. P. 15–25.*

Введение

Действующее российское законодательство о банкротстве (конкурсное законодательство) предусматривает создание и функционирование нескольких гражданско-правовых сообществ в ходе применения процедур банкротства. Так, Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусматривает возможность принятия решений, с которыми связываются определенные гражданско-правовые последствия, следующими объединениями лиц:

– собранием кредиторов (ст. 12, 13, 14, 15, 72, 73, 74, 118, 189.86, 213.8);

– комитетом кредиторов (ст. 17, 18);

– собранием работников, бывших работников должника (ст. 12.1, 189.85-1);

– собранием участников строительства (ст. 201.12).

Применение отдельных норм конкурсного законодательства, касающихся отдельных вопросов правового положения указанных гражданско-правовых сообществ, вызывает известные сложности. Некоторые из них были устранены Верховным Судом Российской Федерации, который обобщил судебную практику по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства . Между тем ряд проблем, возникающие в ходе толкования и применения, остаются актуальными и сегодня. Представляется также, что не до конца решенным являются теоретические вопросы, связанные с определением правовой природы указанных сообществ. Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить и проанализировать высказанных в современной юридической литературе подходы к определению сущности собрания кредиторов в деле о банкротстве.

Методы

В ходе анализа правовой природы собрания кредиторов в деле о банкротстве были использованы методы проведения догматического правового исследования путем доктринального толкования, сопряженного с применением грамматического, логического, системного, телеологического, исторического, функционального методов толкования норм права.

Результаты

Понятие собрания кредиторов. В российском законодательстве о банкротстве отсутствует легальная дефиниция собрания кредиторов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в юридической доктрине в качестве родовой характеристики рассматриваемого понятия предлагаются совершенно разные варианты определения:

---

[2] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[3] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

– «гражданско-правовое сообщество» (п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ);

– «сообщество кредиторов, предназначенное для формирования и реализации воли голосующих кредиторов в отношениях несостоятельности» (С.С. Галкин) [18, с. 102];

– «волеобразующий орган кредиторов» (В.Ф. Попондопуло) [17, с. 84];

– «самостоятельная юридическая процедура, обеспечивающая достижение целей несостоятельности» (М.Н. Илюшина) [8, с. 42];

– «субъект конкурсного права, наделенный определенной компетенцией в силу законодательства для целей защиты интересов кредиторов» (М.В. Телюкина) [21, с. 231];

– «объединение кредиторов, требования которых включены в реестр требований» (С.А. Кузнецов) [12, с. 176];

– «контрольно-представительный орган предприятия должника, осуществляющий общее руководство деятельностью кредиторов» (А.Б. Васильев) [5, с. 126];

– «коллективный квазисубъект, наделенный отдельными элементами правосубъектности» (В.М. Бартов) [2, с. 36];

– «коллективная форма осуществления кредиторами своих прав» (К.Б. Кораев) [10, с. 136];

– «орган сообщества кредиторов в делах о банкротстве» (И.В. Фролов) [14, с. 317] и др.

Очевидно, что «объединение», «сообщество», «орган», «орган сообщества», «субъект», «квазисубъект», «процедура», «форма осуществления прав» – суть не одно и тоже. Но общая характеристика между всеми приведенными определениями, как представляется, все же имеется. Указанные трактовки собрания кредиторов представляют собой разные проявления качества коллективного. Таким образом ключевым для понимания является термин «коллектив». Общеизвестно, что этимология слова «коллектив» восходит к латинскому «collectivus», что значит «собирательный», «сборный». Коллектив можно определить как группу лиц, объединенных какой-либо общей деятельностью, решением определенной общественной задачи. В более широком смысле – это лица, объединенные общими идеями, потребностями, интересами.

С учетом сказанного можно обозначить несколько основных подходов к характеристике собрания кредиторов:

1) как организованная группа (коллектив, объединение) кредиторов;

2) как коллегиальный (коллективный) орган управления юридического лица;

3) как коллективный субъект (правосубъектное образование);

4) как способ (механизм) выражения коллективной воли кредиторов.

Отметим, что между отдельными подходами нет непреодолимой стены, напротив, они могут дополнять друг друга. Так, вторая и третья из указанных концепций по сути являются развитием первой. Действительно, признав собрание кредиторов некой организованной группой, обладающей властными по отношению к несостоятельному должнику полномочиями, возникает гипотеза о приравнивании собрания кредиторов к органам управления юридического лица. Анализируя нормы Закона о банкротстве, устанавливающие границы юридически возможного и необходимого образа действия собрания кредиторов в деле о банкротстве, резонно ставиться вопрос о признании данного коллективного образования субъектом права (о наделении его правосубъектностью).

Однако некоторые из трактовок собрания кредиторов носят некогерентный между собой характер. Так, признав собрание кредиторов органом управления несостоятельного юридического лица, трудно будет соотнести данный вывод с концепцией коллективной воли кредиторов. Очевидно, что кредиторы, выражая коллективное волеизъявление, руководствуются свои-

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ми интересами и преследуют достижение своих целей, которые существенным образом отличаются от интересов и целей деятельности должника. Иными словами имеет место логическое противоречие в утверждении о том, что собрание кредиторов, являясь органом управления должника, не формирует его волю.

Основные подходы к определению правовой природы собрания кредиторов. Последовательно рассмотрим основное содержание выделенных концепций и обозначим их основных сторонников. Обращение к научным публикациям ученых позволит пытливому исследователю более подробно и обстоятельно ознакомиться с соответствующей системой теоретических построений.

Во-первых, собрание кредиторов предлагается рассматривать как некую организованную группу (коллектив, объединение) кредиторов (С.А. Кузнецов, А.Я. Курбатов, Е.С. Пирогова).

Обычно приверженцы такого подхода дефинируют собрание кредиторов как «объединение юридических и физических лиц, а также уполномоченных органов, действующих через представителей, выражающих их коллективный общий интерес», «как объединение, контролирующее должника и арбитражных управляющих» [16, с. 81, 86]. Похожее определение дает С. А. Кузнецов, по мнению которого, собрание кредиторов представляет собой «объединение кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов, для осуществления контроля за деятельностью арбитражного управляющего, а также для принятия решений и осуществления иных полномочий, относящихся в соответствии с Законом о банкротстве к компетенции собрания кредиторов» [12, с. 176].

Сторонники данной точки зрения, как правило, в обоснование своих суждений ссылаются на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, которая была выражена в пункте 5 Постановления от 22 июля 2002 г. № 14-П . Суд, в частности, указал, что (1) объединение кредиторов не охватывается закрепленным в статье 30 Конституции Российской Федерации понятием «объединение»; (2) объединение кредиторов представляет собой собрание кредиторов, с которыми у должника заключены гражданско-правовые договоры либо которые признаны таковыми (налоговые и иные уполномоченные органы), а не какое-либо новое объединение физических и юридических лиц, создаваемое по устанавливаемым ими правилам; (3) все кредиторы объективно объединены наличием у каждого из них прав требования к должнику, что и определяет их статус как кредиторов в процессе участия в собрании кредиторов (в том числе при заключении мирового соглашения).

В настоящее время данная позиция является господствующей в отечественной науке конкурсного права после появления в ГК РФ главы 9.1 «Решения собраний», которая предусмотрела правила принятия гражданско-правовыми сообществами решений, а также вопросы их недействительности.

Во-вторых, в юридической доктрине выдвинута трактовка собрания кредиторов как коллегиального (коллективного) органа управления юридического лица (Б.С. Бруско).

Например, Б.С. Бруско считает, что собрание кредиторов представляет собой орган управления должника – юридического лица, следовательно, действия

---

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональ-ной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воро-нежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31.

6 Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

этого органа считаются действиями самого должника. По его мнению, собрание (комитет) кредиторов осуществляют волеобразующую функцию должника, а арбитражный управляющий производит его волеизъявление (через эти органы должник приобретает гражданские права и принимает юридические обязанности). Стоит отметить, что автор указывает на наличие особенностей, отличающих собрание (комитет) кредиторов от иных органов управления должника. «Во-первых, решения являются концентрированным выражением воли как должника, так и самих кредиторов. Во-вторых, в конкурсном праве полномочия собрания (комитета) кредиторов существенно ограничены принципами судейского усмотрения… не каждое их решение наделено властной силой принуждения и влечет правовые последствия без подтверждения судебным актом [4, с. 104–105].

В-третьих, отдельные исследователи признают за собранием кредиторов качество коллективного субъекта (правосубъектного образования) (М.А. Говоруха, М.В. Телюкина, А.А. Пахаруков).

Впервые в современной отечественной доктрине данная позиция была обоснована в научных публикациях М.В. Телюкиной, которую поддержали многие другие исследователи. В частности, она признает собрание кредиторов самостоятельным субъектом конкурсного (но не гражданского) права, который наделен в силу законодательства о банкротстве определенной компетенцией и служит цели защиты (а не представления) интересов кредиторов [21, с. 231]. М.А. Говоруха, развивая данную точку зрения, приходит к выводу о том, что собрание кредиторов – это «это коллективный субъект конкурсного права, представляющий собой коллегиальный, волеобразующий и волеизъявляющий орган кредиторов, участие которых в нем предопределено наличием установленного арбитражным судом права требования к должнику» [6, с. 14].

В-четверых, собрание кредиторов иногда определяется как способ (механизм) выражения коллективной воли кредиторов (К.Б. Кораев, В.Ф. Попондопуло).

Чаще всего представители данного направления акцентируют внимание на следующие особенности: (1) собрание кредиторов – это «волеобразующий орган кредиторов», которых объединяет общий интерес – возможно полное удовлетворение требований кредиторов, при этом собрание не рассматривается субъектом конкурсного права, а признается «органом конкурсного управления» [17, с. 83–84]; (2) собрание кредиторов является «одной из процедур, обеспечивающих достижение целей несостоятельности», «решение собрания кредиторов представляет собой один из самых значимых юридических фактов в процедуре банкротства» [8, с. 42]; (3) собрание кредиторов не обладает ни одним субъективным правом и не несет ни одной обязанности, собрание не является постоянно действующим органом, оно не образуется, а созывается арбитражным управляющим (ст. 12 Закона о банкротстве), необходимость собрания обусловлена тем обстоятельством, что судьба должника зависит не от усмотрения отдельных кредиторов, а от общей воли всех кредиторов [10, с. 137].

Характеризуя положение гражданско-правовых сообществ, А.Я. Рыженков отмечает, что «никакого особого субъекта, который бы отличался от граждан или юридических лиц, решение собраний не имеет, поскольку налицо результат коллективного волеизъявления физических и юридических лиц [19, с. 62].

Собрание кредиторов как коллективный субъект (правосубъектное образование). Представляется, что при самом общем приближении к вопросу о правовом регулировании деятельности собрания и комитета кредиторов, возможна постановка проблемы о допустимости признания за ними качества правосубъектных образований. Поэтому из всех обозначенных ранее точек зрения, признание собрания кредиторов в качестве коллективно-

го субъекта заслуживает не только пристального внимания, но и признания. В ранее сделанных публикациях были обозначены основные аргументы в обоснование отмеченной научной позиции [20, с. 148–150]. Подведем некоторые итоги.

Во-первых, в качестве исходной методологической основы анализа могут быть использованы наработки в области теории права и административно-правовой науки. В частности, А.В. Мицкевич еще в 1962 году писал: «Субъекты права – это люди и их организации, выступающие как носители предусмотренных законами государства прав и обязанностей» [13, с. 5]. Если с физическими лицами все более или менее понятно, то вопрос о том, в каких случаях организация приобретает статус субъекта права, остается не до конца выясненным. С.Ф. Кечекьян справедливо по этому поводу отмечал, что признание какой-либо организации особым субъектом права требует такого организационного единства, которое отличало бы организацию от суммы входящих в ее состав лиц [9, с. 93].

Теоретиками права было признанно, что в качестве коллективных субъектов права могут выступать не только юридические лица, но и всякое более или менее значительное, устойчивое, постоянное образование, которое характеризуется единством воли и цели, а также определенной внутренней организацией [22, с. 484]. Представителями науки предпринимательского права также отстаивается тезис о признании качества правосубъектности за предпринимательскими объединениями, что в известной степени соответствует западной традиции права [24, с. 17–26].

Известный специалист в области административного права Д.Н. Бахрах выделял следующие признаки коллективных субъектов: (1) прежде всего это организованные, обособленные, самоуправляемые группы, наделенные правами выступать в отношениях с другими субъектами как единое целое, персонифицированно; (2) как правило, коллектив объединен каким-то интересом, целью, он функционально дифференцирован, действует на законном основании, имеет свои механизмы управления; (3) коллективное образование в адми¬нистративно-правовых отношениях действует от своего имени, на него как на определенную целостность возлагаются обязанности, ему предоставляются права; (4) коллективный субъект «обезличивает» конкретных людей, поэтому изменения в личном составе не влияют на его название, правовое положение и не отражаются на его правосубъектности [3, с. 67].

Действительно, главным контраргументом теории «правосубъектного образования» является то обстоятельство, что ни собрание кредиторов, ни тем более комитет кредиторов не признаются законом самостоятельными участниками гражданских правоотношений. Методологической основой данного вывода служит традиционный для цивилистики подход, признающий в качестве коллективных субъектов гражданских правоотношений только юридические лица, тогда как все остальные объединения считаются неправосубъектными. Однако данная точка зрения разделяется не всеми учеными.

Во-вторых, при анализе правового положения собрания кредиторов в деле о банкротстве могут быть использованы наработки цивилистической науки, касающиеся понятия и видов гражданской правосубъектности. В частности, О.А. Красавчиков выделял три основных модели гражданской правосубъектности: общую, специальную, универсальную. При этом каждая из них, по его мнению, имеет свои модификации. Под модификацией правосубъектной юридической формы было предложено понимать частную разновидность модели данной формы, построенной на базе основной с «внесением» специфических (позитивных или негативных) компонентов.

Под производной правосубъектностью понималась такая юридическая форма,

которая также базируется на основной, но заключает в себе некоторые качественные отличия от последней, не образуя в то же время какого-то нового самостоятельного типа правосубъектности (например, основная модель – гражданская правосубъектность граждан, производная – правосубъектность различных социально-семейных образований).

Под превращенной правосубъектностью понималась такая из рассматриваемых юридических форм, которая не имеет в качестве отправной ни одну из основных форм, но «подтягивается» (приравнивается с теми или другими ограничениями либо дополнениями) к известной основной или ее модификации (например, правосубъектность иностранцев и лиц без гражданства является превращенной формой правосубъектности, «подтягиваемой» до уровня правосубъектности граждан данной страны) [11, с. 20–26].

Собрание и комитет кредиторов не будучи юридическими лицами, тем не менее не могут просто рассматриваться как «юридическая совокупность» лиц, координирующих свои действия в период проведения процедур банкротства. Особенность отношений кредиторов в деле о банкротстве обусловливается тем, что кредиторы, вступившие в конкурс, сливаются в одно целое. Например, в период конкурсного производства реализация имущества должника (имущественная масса) должна иметь место в интересах всех кредиторов, предъявивших свои требования, поэтому все они должны действовать сообща, а не отдельно. Конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, не утрачивая своей юридической индивидуальности, сообща принимают некоторые правовые возможности и обременения, что юридически отражает их связь между собой и третьими лицами. Однако особенности функционирования таких образований не могли бы иметь места, если бы закон не установил определенных правовых форм такого рода деятельности и не наделил собрание (как впрочем и комитет кредиторов) элементами гражданской (а равно процессуальной) правосубъектности.

К исключительной компетенции собрания кредиторов относится избрание его представителя, принятие решения о заключении мирового соглашения (гражданско-правовой сделки), утверждение и изменение плана внешнего управления, финансового оздоровления и графика погашения задолженности, принятие решения об обращении в арбитражный суд с ходатайствам о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства и др. (абз. 12 п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве).

Как следует из пункта 1 статьи 17 Закона о банкротстве комитет кредиторов должен представлять законные интересы конкурсных кредиторов. Как отмечалось, М.В. Телюкина сделала вывод о том, что собрание кредиторов есть орган кредиторов, который, не будучи субъектом гражданского права, может быть назван субъектом конкурсного права, поскольку в конкурсных отношениях имеет полномочия, не сводимые к полномочиям отдельных его участников и их совокупности. Данный вывод распространяется и на комитет кредиторов. При этом представительства в гражданско-правовом смысле в отношениях между комитетом и собранием не возникает, поскольку ни тот, ни другой субъектами гражданского права не признаются. Дабы выйти из логического тупика рассматриваемые отношения были признаны конкурсным представительством.

Представляется правильной точка зрения, согласно которой коллегиальные органы конкурсного управления (собрание и комитет кредиторов), не являясь юридическим лицом, тем не менее обладают некоторыми чертами правосубъектного единства. На базе основной модели правосубъектности (в данном случае общей и специальной правосубъектности кредиторов и уполномоченных органов) строится производная (по терминологии О.А. Красавчикова) правосубъектная юридиче-

ская форма.

Состав собрания кредиторов. Традиционно для отечественной доктрины конкурсного права принято деление всех участников собрания кредиторов в деле о банкротстве на две группы – «с правом голоса» и «без права голоса» [21, с. 231], [23, с. 77–78], [17, с. 84], [15, с. 74–75], [25, с. 47], [1, с. 71–72], [10, с. 139–140], [26, с. 63–64]. Такое суждение основано на буквальном толковании абзаца 1 пункта 1 статьи 12 Закона о банкротстве. Между тем при банкротстве отдельных категорий должников состав участников собрания кредиторов законодательно может быть расширен по сравнению с тем, который установлен в абзаце 1 пункта 1 статьи 12. Кроме того, конкурсные кредиторы, требования которых обеспечены залогом имущества должника (далее – залоговые кредиторы), имеют право голоса на собраниях кредиторов не всегда, а только в случаях, прямо предусмотренных Законом о банкротстве (абз. 4–10 п. 1 ст. 12). Иными словами, залоговые кредиторы, являясь участниками собрания кредиторов, могут иметь право голоса, а могут и не иметь. По терминологии А.В. Егорова залоговые кредиторы обладают «усеченным правом голоса» [7, с. 130]. По этой причине традиционное деление состава участников собрания кредиторов – на имеющих право голоса и не имеющих такого права – должно быть скорректировано.

Представляется, что всех участников собрания кредиторов следует делить на две группы, но по иному основанию – на «постоянных участников», состав которых не зависит от категории должника, и на «дополнительных (непостоянных) участников», которые имеют право принимать участие в собрании только в случаях, прямо предусмотренных законом при банкротстве отдельных категорий должников. Нетрудно заметить, что такое деление производится по критерию инвариантности участия и обусловлено закономерностями правового регулирования. Так, в отношении постоянных участников собрания кредиторов установлено общее правовое регулирование, а в отношении дополнительных участников – специальное.

Предлагается также продолжить указанное деление участников, но уже по другому критерию – наличию права голоса – применительно к каждой выделенной ранее группе (постоянных и дополнительных участников). Исходя из предложенного критерия, постоянные участники собрания кредиторов могут быть подразделены на лиц:

1) имеющих безусловное право голоса (могут голосовать на всех собраниях и по любым вопросам повестки);

2) имеющих ограниченное («усеченное») право голоса (могут голосовать только в предусмотренных законом случаях);

3) не имеющих право голоса.

Гипотетически дополнительные участники собрания также могли бы быть подразделены на аналогичные три группы. По крайне мере для такого вывода нет каких-либо логических контраргументов. Однако обобщение действующего российского законодательства о банкротстве свидетельствует о том, что все дополнительные участники собрания кредиторов относятся к группе тех, кто лишен права голоса. Но такое положение вещей существовало не всегда. До недавнего времени особый правовой режим требований был установлен для Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в случае банкротства банка.

Думается, что гносеологическое (познавательное) значение обосновываемого деления заключается в том, что состав участников собрания кредиторов, указанных в абзаце 1 пункта 1 статьи 12 Закона о банкротстве, следует признать открытым (неисчерпывающим) и потому толковать распространительно. Кроме того, предложенная классификация нацеливает исследователя и правоприменителя при определении дополнительных участников собрания всякий раз выяснять особенности правового регулирования – основания

их привлечения, а также наличие специальных полномочий. Также отстаиваемая позиция снимает логическое противоречие, которое имеет место в традиционной концепции, разделяемой большинством исследователей и касающейся особого правового положения залоговых кредиторов при голосовании.

Обсуждение

Исследование правовых вопросов, связанных с принятием решений собранием кредиторов и других гражданско-правовых сообществ в деле о банкротстве, а также определение их правовой природы должно быть продолжено.

Список источников / References

Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. Москва : Проспект, 2016. 336 с.

Бартов В.М. Правовая природа мирового соглашения, заключаемого при банкрот-стве должника и при реструктуризации кредитной организации // Юридический мир. 2001. № 5. С. 33–41.

Бахрах Д.Н. Коллективные субъекты административного права // Правоведение. 1991. № 3. С. 66–73.

Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 200 с.

Васильев А. Б. Собрание кредиторов, его организация, условия проведения и ком-петенция // Комментарий к закону «О несостоятельности (банкротстве)». Санкт-Петербург, 1998.

Говоруха М.А. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как коллективные субъекты конкурсного права // Современное право. 2008. № 1. С. 11–15.

Егоров А.В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вест-ник гражданского права. 2019. № 1. С. 114–139.

Илюшина М.Н. Собрание кредиторов в случае банкротства гражданина: новеллы ГК и Закона о несостоятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 41–46.

Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М.С. Строгович. Москва : Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.

Кораев К. Б. Неплатежеспособность. Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография. Москва : Про-спект, 2017. 320 с.

Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность

Bankruptcy of business entities: a textbook for bachelors / ed. I.V. Ershova, E.E. Enkova. Moscow, 2016. 336 p. (In Russ.)

Bartov V.M. The legal nature of the settlement agreement concluded in the event of the debtor's bankruptcy and the restructuring of a credit institution. Yuridicheskiy mir = Legal World. 2001. No. 5. P. 33-41. (In Russ.)

Bahrakh D.N. Collective subjects of administrative law. Pravovedeniye = Jurisprudence. 1991. No. 3. P. 66–73. (In Russ.)

Brusko B.S. Category of protection in Russian bankruptcy law. Moscow, 2006. 200 p. (In Russ.)

Vasiliev A. B. Meeting of creditors, its organization, conditions for holding and competence. Commentary on the law "On insolvency (bankruptcy)". St. Petersburg, 1998. (In Russ.)

Govoruha M.A. The meeting of creditors and the committee of creditors as collective sub-jects of bankruptcy law. Sovremennoye parvo = Modern law. 2008. No. 1. P. 11–15. (In Russ.)

Egorov A.V. Bankruptcy proceedings: commentary on key points. Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law. 2019. No. 1. P. 114–139. (In Russ.)

Ilyushina M.N. Meeting of creditors in the event of bankruptcy of a citizen: novels of the Civil Code and the Law on Insolvency. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: ex-perience, analysis, practice. 2015. No. 9. P. 41–46. (In Russ.)

Kechekyan S.F. Legal relations in a socialist society / ed. ed. M.S. Strogovich. Moscow, 1958. 187 p.

Koraev K. B. Insolvency. New institute of legal regulation of financial recovery and insol-vency (bankruptcy): monograph. Moscow, 2017. 320 p. (In Russ.)

Krasavchikov O.A. Civil legal personality as a legal

как правовая форма // Право-вые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск, 1978. Вып. 62. С. 20–26.

Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : монография. Москва : Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.

Мицкевич А.В. Субъекты советского права. Москва : Госюриздат, 1962. 213 с.

Несостоятельность (банкротство) : учебный курс : в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. Т. 1. Москва : Статут, 2019. 925 с.

Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банк-ротства) : учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва : Юрайт, 2015. 291 с.

Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Саратов : Изд-во «КУБиК», 2012. 128 с.

Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. Москва : Проспект, 2012. 432 с.

Правовое регулирование банкротства : учебник / отв. ред. Е. Е. Енькова. Москва : Проспект, 2021. 720 с.

Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62–66.

Семеусов В.А., Пахаруков А. А. Правовое регулирование конкурсного производ-ства юридических лиц (вопросы теории и практики). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. 252 с.

Телюкина М.В. Основы конкурсного права. Москва : Волтерс Клувер, 2004. 560 с.

Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2. изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2000. 771 с.

Ткачев В.Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. Москва : Городец, 2006. 528 с.

Шиткина И.С. Предпринимательские объединения : учебно-практическое посо-бие. Москва: Юрист, 2001. 382 с.

form // Legal problems of civil legal per-sonality: interuniversity collection of scientific papers / ed. O.A. Handsome. Sverdlovsk, 1978. Issue. 62, pp. 20–26. (In Russ.)

Kuznetsov S.A. The main problems of the legal institution of insolvency (bankruptcy): mon-ograph. Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.)

Mitskevich A.V. Subjects of Soviet law. Moscow, 1962. 213 p. (In Russ.)

Insolvency (bankruptcy): training course: in 2 volumes / ed. S.A. Karelina. Vol. 1. Moscow, 2019. 925 p. (In Russ.)

Pirogova E.S., Kurbatov A.Ya. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): a textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow, 2015. 291 p. (In Russ.)

Pirogova E.S., Kurbatov A.Ya. Restriction of the legal capacity and legal capacity of legal entities - debtors in the framework of insolvency (bankruptcy) cases. Saratov, 2012. 128 p. (In Russ.)

Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: scientific and practical guide. Moscow, 2012. 432 p. (In Russ.)

Legal regulation of bankruptcy: textbook / otv. ed. E. E. Enkova. Moscow, 2021. 720 p. (In Russ.)

Ryzhenkov A.Ya. Decisions of meetings as a legal fact in business law. Zhurnal predprini-matel'skogo i korporativnogo prava = Journal of business and corporate law. 2021. No. 1. P. 62–66. (In Russ.)

Semeusov V.A., Pakharukov A.A. Legal regulation of bankruptcy proceedings of legal enti-ties (questions of theory and practice). Irkutsk, 2006. 252 p. (In Russ.)

Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)

Theory of state and law: a course of lectures / ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. 2. ed., re-vised. and additional Moscow, 2000. 771 p. (In Russ.)

Tkachev V.N. Competition law. Legal regulation of insolvency (bankruptcy) in Russia. Moscow, 2006. 528 p. (In Russ.)

Shitkina I.S. Entrepreneurial associations: educational and practical guide. Moscow, 2001. 382 p. (In Russ.)

Shishmareva T.P. Federal law "On insolvency (bankruptcy)" and the practice of its applica-tion: a study guide for the exam on the Unified training program for arbitration managers. Moscow, 2015. 416

Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения : учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. Москва : Статут, 2015. 416 с.

Юлова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. Москва : Юрайт, 2017. 413 с.

p. (In Russ.)

Yulova E.S. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): textbook and workshop for undergraduate and graduate students. Moscow, 2017. 413 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Пахаруков Александр Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: paharukov@mail.ru

Information about the author

Pakharukov Aleksandr Anatolievich,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia,
e-mail: paharukov@mail.ru

Вклад автора

Пахаруков А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the author

Pakharukov A.A. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Информация о статье

поступила в редакцию 21.02.2022 г.; поступила после рецензирования и доработки 28.02.2022 г.; принята к публикации 01.03.2022 г.

Information about the article

received 21.02.2022; revised 28.02.2022; accepted 01.03.2022.

Педагогические науки

Оригинальная статья
УДК 378.1

Образовательная среда вуза как условие развития профессиональной субъектности магистрантов

Наталья Владимировна Белан, Наталья Андреевна Калугина[1]
Дальневосточный федеральный университет, Россия

Аннотация: *В статье обоснована необходимость исследования природы образовательной среды высшего учебного заведения в современных условиях на примере Дальневосточного федерального университета. Автором выделены отличительные черты процесса проектирования образовательной среды вуза от традиционного педагогического проектирования, практикуемого в школах и колледжах. Данная проблема сегодня весьма актуальна в связи с меняющимися условиями в обществе, повышенной социальной и профессиональной мобильностью, что предъявляет к личности обучающегося особые требования. Ожидается, что выпускник магистратуры должен быть высокоуровневым специалистом, ориентирующимся в различных областях, постоянно совершенствующим свои знания, умения, профессиональные навыки и компетенции; также он должен владеть способами самообразования, уметь осваивать большие объемы информации и организовывать свою деятельность. Роль вуза при этом огромна, так как именно в данной среде происходит образование современного специалиста, умеющего ориентироваться в условиях перехода от модели мира VUCA (англ.: Volatility – нестабильность, Uncertainty – неопределённость, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность) к новой реальности мира BANI (англ.: Brittle – хрупкость, Anxious – тревожность, Nonlinear – нелинейность, Incomprehensible – непостижимость). В таких условиях целью проектирования образовательной среды может выступать формирование профессиональной субъектности магистрантов на основе ценностных ориентиров и развития когнитивных, креативных, коммуникативных, рефлексивных и других способностей, что приведет к саморазвитию компетентностей специалиста. Важно отметить, что при этом образование становится непрерывным и осознанным процессом профессионального становления.*

Ключевые слова: *образовательная среда вуза, проектирование образовательной среды, компетентности, компетентностный подход, субъектность, профессиональная субъектность магистранта.*

Для цитирования: *Белан Н.В., Калугина Н.А. Образовательная среда вуза как условие развития профессиональной субъектности магистрантов // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 26–34.*

Pedagogical Sciences

Original article

The educational environment of the university as a condition for the development of professional subjectivity of undergraduates

Natalia V. Belan, Natalia A. Kalugina
Far Eastern Federal University, Russia

Abstract: *The article substantiates the need to study the nature of the educational environment of a higher educational institution in modern conditions on the example of the Far Eastern Federal University. The author highlights the distinctive features of the process of designing the educational environment of the university from the traditional pedagogical design practiced in schools and colleges. This problem is very relevant today due to the changing conditions in society, increased social and professional mobility, which imposes special requirements on the personality of the student. It is expected that a graduate of a master's degree should be a high-level specialist, versed in various fields, constantly improving his knowledge, skills, professional skills and competencies; he must also master the methods of self-education, be able to master large amounts of*

[1] © Белан Н.В., Калугина Н.А.

information and organize his activities. The role of the university is enormous, since it is in this environment that the education of a modern specialist takes place, who knows how to navigate in the transition from the VUCA world model (Volatility, Uncertainty, Complexity and Ambiguity) to the new reality of the BANI world (Brittle, Anxious, Nonlinear and Incomprehensible). Under such conditions, the purpose of designing the educational environment can be the formation of professional subjectivity of undergraduates based on value orientations and the development of cognitive, creative, communicative, reflective and other abilities, which will lead to self-development of specialist competencies. It is important to note that in this case education becomes a continuous and conscious process of professional development.

Keywords: *the educational environment of the university, the design of the educational environment, competence, competence approach, subjectivity, professional subjectivity of the undergraduate.*

For citation: *Belan N.V., Kalugina N.A. The educational environment of the university as a condition for the development of professional subjectivity of undergraduates // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 26-34.*

Введение. Анализ научных исследований в области педагогики и психологии, а также философии свидетельствует о том, что среда признаётся одним из ведущих факторов развития личности в целом и профессиональной субъектности в частности. Несмотря на значительное число научных публикаций по отдельным аспектам проблемы потенциала образовательной среды вуза, её функций и структуры, многие вопросы остаются нерешенными.

Можно выделить как проблему малочисленность специальных работ, раскрывающих роль образовательной среды вуза в развитии профессиональных и личностных компетентностей студента педагогической магистратуры, а также работ о проектировании образовательной среды вуза. Автор считает, что современный взгляд на природу образовательной среды вуза должен отличаться от традиционного подхода к ее организации.

Объектом исследования становится процесс формирования профессиональной субъектности магистранта, а целью исследования — выявление уровня профессиональной субъектности студентов педагогической магистратуры и тенденции её формирования и развития в условиях в образовательной среде вуза на примере Дальневосточного федерального университета (ДВФУ).

Материалы и методы исследования. Проводимое исследование осуществлялось в 2020 г. на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), эмпирическими методами исследования являлись наблюдение, беседа, анкетирование и педагогическое тестирование, о которых подробнее пойдет речь ниже.

Образовательная среда вуза может выступать условием развития профессиональной субъектности студента педагогической магистратуры. При этом приобретаемые знания и умения из самоцели обучения (традиционный подход) трансформируются в средство саморазвития личности (компетентностный подход). Образование тогда становится непрерывным и осознанным овладением знаниями, развитием способностей, профессиональным и личностным развитием.

В рамках компетентностного и субъектно-личностного подходов формирование рассматривается через становление человека как субъекта деятельности. Психолого-педагогическая деятельность при этом определяет целенаправленный динамический процесс развития субъектности как совокупности личностных качеств обучающегося. Стать субъектами собственной профессиональной деятельности студенты магистратуры могут при включении их в совокупность деятельностей по ее освоению — учебную, исследовательскую, проектную и собственно практическую деятельность.

Результативность формирования профессиональной субъектности в процессе образования определяется тем, насколько обоснованно выбраны условия, которые способствуют повышению уровня компетентности субъекта образовательного процесса.

Оценка уровня сформированности

компетентности возможна при системном, комплексном подходе: с помощью образцов деятельности по решению профессиональных, прикладных кейсов, некоторые их которых, возможно, заданы работодателями (социальными партнерами); обзора достижений студента (портфолио). Большое значение имеют экспертные оценки, в том числе оценки работодателями профессиональной деятельности студентов педагогической магистратуры при прохождении ими разных видов практик.

Профессиональная компетентность формируется, соответственно, в профессиональной деятельности; различия в традиционном и компетентностном подходе

Таблица 1. Различия в традиционном и компетентностном подходах

Традиционный подход	Компетентностный подход
1. Цели образовательного процесса	
Формирование знаний, умений, навыков; уровень образованности пропорционален объему знаний.	Формирование способности решать проблемы различной сложности на основе имеющейся информации.
2. Содержание образовательного процесса	
Материал подбирается в соответствии со строгим планом, представляет собой законченный информационный блок, отражает факты и события.	Материал может состоять из неоднозначных фактов, проблемных ситуаций, «кейсов», оставляя место для рассуждений и самостоятельных выводов, открытий.
3. Предмет оценивания	
«ЗУН-ы»	Компетентности как деятельностные характеристики.

отражены в таблице 1.Примечание. В исследовании следующее понимание понятий: компетенция — отвлеченная от личности совокупность требований, выполнение которых обеспечит субъекту успешность определенной деятельности. Компетентность — интегративная, формируемая, деятельностная и динамическая характеристика личности, определяющая способность и готовность человека к продуктивной деятельности в определенной сфере.

Исследователи становления субъектности В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев пишут о том, что «существующая ныне практика подготовки педагогов характеризуется преобладанием предметно-методического подхода. В процессе обучения будущие педагоги имеют дело не с содержанием профессиональной деятельности, а с научными предметами и учебными курсами. В педвузе педагога готовят как учителя-предметника, как узкого специалиста в учебном предмете и методике его преподавания». По их мнению, вузы должны готовить субъектов собственной профессиональной деятельности, способных входить в существующие и строить новые профессиональные общности, умеющих субъективироваться в них и вырабатывать собственную позицию. Авторы полагают, что знания о социальной и профессиональной среде в концентрированном выражении могут быть представлены и транслированы студентам в деятельностном содержании образования [12].

Одним из первых начал трактовать «среду» как поле для развития личности философ эпохи Просвещения Ж. Ж. Руссо. Он писал, что для эффективной системы воспитания важна «образовательная среда», в которой установлено соответствие между природными возможностями и потребностями развивающейся личности. По мнению ученого такая образователь-

ная среда дает свободу выбора, опираясь не на количество полученных знаний, а на способность выбирать свой индивидуальный путь в познании, на самостоятельность в принятии решений [9].

В русской педагогической мысли понятие «среда» начало использоваться в начале XX века: в трудах П. П. Блонского и А. С. Макаренко, а С. Т. Шацкий разработал «педагогику среды». В трудах исследователей доказывается, что объектом педагогического воздействия должен быть не обучающийся, не его качества или поведение, а условия, среда его существования — предметы, люди, их межличностные отношения, деятельность. Так, например, А. С. Макаренко писал о важности «воспитывающей среды», ибо «воспитывает не сам воспитатель, а среда» [8].

Исследователь В. А. Ясвин под образовательной средой (ОС) понимает естественное и социальное окружение человека, обладающее комплексом влияний и условий, а с психолого-педагогической точки зрения дающих возможность развития личности. В его определении ОС — это система влияний и условий формирования человека как личности, члена общества в соответствии с некоторым более или менее очерченным (сложившимся в данном обществе) идеалом, образцом или хотя бы номинальным нормативом, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении. С такой точки зрения образовательная среда представляет собой «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу» [15].

Анализируя типологию образовательной среды, В. А. Ясвин отмечает, что ее характеристикой является модальность. Показателем модальности является наличие и ли отсутствие в той или иной образовательной среде условий и возможностей для развития активности или пассивности обучающегося и его личностной свободы или зависимости. Надо отметить, что в представлении В. А. Ясвина образовательная среда содержит следующие компоненты: а. пространственно-архитектурный (предметная среда, окружающая учителя и ученика); б. социальный (определяется особой формой детско-взрослой общности); технологический (содержание образовательного процесса, осваиваемые способы действий, организация обучения).

В ходе научного исследования была представлена векторная модель образовательной среды ДВФУ (по И. А. Ясвину) и выдвинута гипотеза о ее преобразовании для создания условий развития профессиональной субъектности студентов педагогической магистратуры ДВФУ, рисунок 1.

Красный вектор — реальное состояние образовательной среды, зелёный вектор — идеальное состояние, синим цветом обозначен вектор, определяющий тенденцию изменений образовательной среды вуза в направлении индивидуализации и свободного творчества.

Важно отметить, что образовательная среда магистратуры создается как преподавателями, так и находящимися в ней магистрантами, поскольку каждый развивается сообразно своим индивидуальным особенностям, представлением ценностей и приоритетов познания.

Тип образовательной среды оказывает важнейшее воздействие на субъект, находящийся в данной среде: «Исследования показывают, что развитие личности во многом зависит от того, влияние каких систем (открытых или закрытых) преобладает в ее индивидуальном опыте. Педагогические воздействия тех или иных систем будут формировать и соответствующий индивидуально-психологический склад человека, который, в свою очередь, с определенного момента начинает оказывать влияние на самостоятельные выборы его внешних связей и отношений, причем условием наиболее успешного развития индивида является обеспечение открытого взаимодействия (диалога) его в окружающей среде» [7].

Нужно заметить, что любая типология

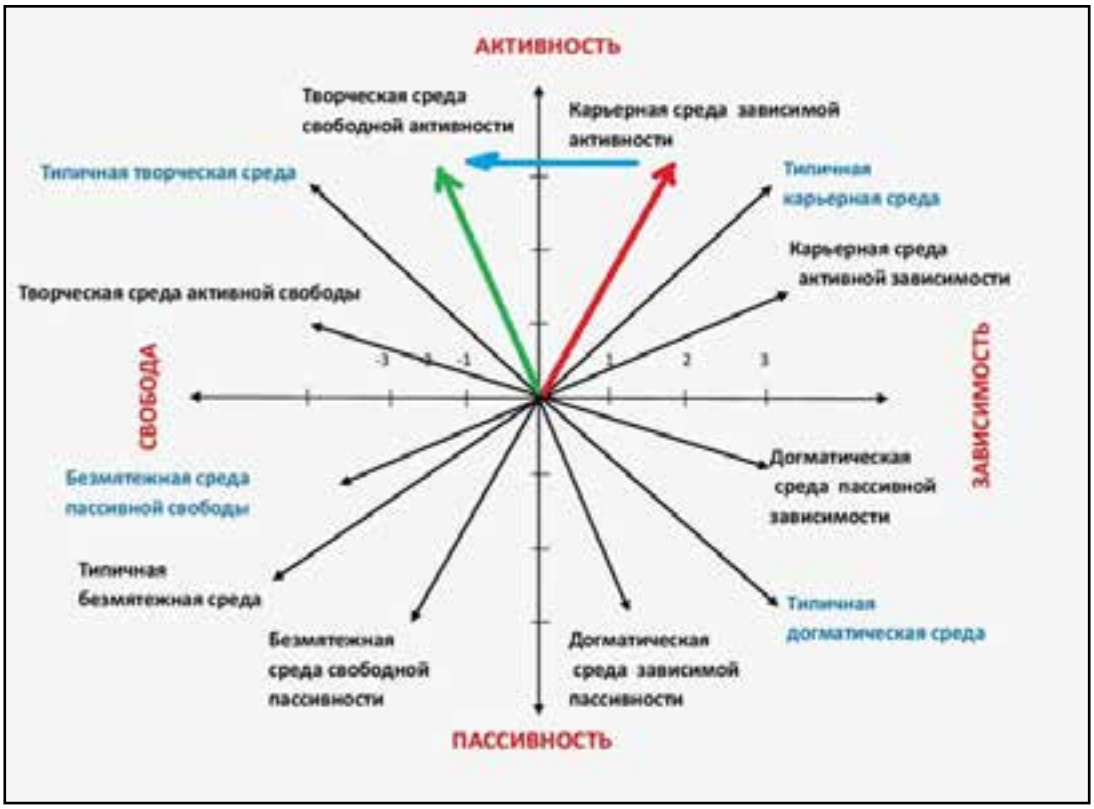

Рис. 1. Векторная модель образовательной среды ДВФУ

образовательной среды условна. В одном образовательном учреждении может быть сочетание разных и даже противоречивых, условий. В современных условиях мира VUCA и BANI целесообразно ориентироваться на такие базовые характеристики среды, как открытость или закрытость, целенаправленность или самоорганизация, статичность или динамичность, детерминированность или вероятностность.

Исследователь В. И. Слободчиков считает, что образовательная среда представляет собой не данность «совокупности влияний и условий», как это представлено у В. А. Ясвина, а динамическое образование, являющееся системным продуктом взаимодействия образовательного пространства, управления образованием, места образования и самого образующегося.

В качестве показателей, параметров образовательной среды ученый предлагает использовать, во-первых, ее насыщенность (ресурсный потенциал) и, во-вторых, ее структурированность (способ организации).

При этом в зависимости от типа связей и отношений, структурирующих данную образовательную среду, он выделяет три разных принципа ее организации:

1) единообразие, для которого характерно доминирование административно-целевых связей и отношений, определяемых, как правило, одним субъектом — властью (в этом случае показатель структурированности стремится к максимуму);

2) разнообразие, при котором связи и отношения имеют конкурирующий характер, так как происходит борьба за разного рода ресурсы, вследствие чего начинается атомизация образовательных систем и разрушение единого образовательного пространства (в этом случае показатель структурированности образовательной среды стремится к минимуму);

3) вариативность как единство многообразия, когда связи и отношения имеют кооперирующий характер, благодаря чему происходит объединение разного рода ресурсов в рамках объемлющих образова-

тельных программ, обеспечивающих свои траектории развития разным субъектам: отдельным людям, общностям, образовательным системам (в этом случае показатель структурированности образовательной среды стремится к оптимуму) [5].

По мнению исследователя Васильевой Е. Ю.: «образовательная среда — это разнообразное поликультурное образование, индивидуальное для каждого обучающегося, среда для построения собственного Я, обеспечивающая создание условий для актуализации внутреннего, мира обучающегося, его личностного роста; самореализации, становления самосознания» [4], т.е. образовательная среда вуза представляет собой упорядоченную целостную совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых обусловливают наличие у образовательного учреждения выраженной способности создавать условия и возможности для целенаправленного и эффективного использования потенциала среды в интересах развития личности всех ее субъектов.

Эту же мысль подтверждает и Л. Н. Бережнова, которая образовательную среду понимает, как «специфическую форму человеческой практики, направленную на преобразование жизнедеятельности людей с целью организации поддерживающих развитие человека условий, в которых ему предоставляются возможности для разрешения важных задач своей жизнедеятельности и образовательных задач, позволяющих Человеку познавать Мир и себя в Мире» [2].

Образовательная среда вуза отличается от среды школы, лицея или других видов образовательных учреждений, во-первых, целями образования: вузы готовят специалистов определенной профессиональной направленности, также в вузах проявляется уровневая и профессиональная дифференциация. Во-вторых, отличаются и формы образования: классно-урочную форму образования сменяет лекционно-семинарская и др. В отличие от школы в вузах самостоятельная работа занимает от 50 до 100% учебного времени и является главным видом учебной деятельности, особенно в магистратуре.

В-третьих, у студентов магистратуры наблюдается устойчивая внутренняя профессиональная и познавательная мотивация, они отличаются повышенным уровнем самостоятельности, инициативы и ответственности. Уровень подготовки субъектов образования в вузах сильнее, поскольку квалификация преподавателей выше и глубже связь с реальной наукой.

Кроме этого, студенты педагогической магистратуры отличаются широтой кругозора и уровнем социальной зрелости, в целом развитостью восприятия: у них наличествует компенсаторная система на основе опоры на те способности, которые являются наиболее развитыми, и компенсации за их счет имеющихся недостатков, в следствии чего формируется индивидуальный стиль деятельности.

В целом можно сказать что, с одной стороны, субъекты образования организуют, создают (проектируют) образовательную среду вуза, оказывают на нее постоянное воздействие в процессе функционирования, а с другой стороны, образовательная среда влияет на каждый субъект образовательного процесса. Каким же образом происходит проектирование образовательной среды и какие особенности имеет этот процесс в вузе?

В традиционном подходе педагогического проектирования предполагается, что педагог практически полностью контролирует весь ход проектирования и его результаты, поскольку «образовательная среда — это совокупность условий и влияний», которую сам проектировщик и создает. Можно представить следующую аналогию: новатор-огородник, желая вырастить новый сорт овощей, тщательно планирует весь процесс и его результаты, т.е. обучающиеся являются некими объектами, на которые проектировщик планирует повлиять с помощью «совокупности условий и влияний», вырастить в них качества, заданные государственными стандартами

или личными приоритетами педагога.

Но применим ли данный подход к проектированию ОС вуза, которая является динамической и саморазвивающейся системой? И соответствует ли такое проектирование образовательной среды демократическим и гуманистическим принципам современного образования? Такой традиционный подход противоречит словам А. Г. Асмолова о том, что сам человек есть «…выступающий носителем социальных ролей и обладающий возможностью выбора жизненного пути, в ходе которого им осуществляются преобразования природы, общества и самого себя» [1].

О проектировании В. И. Слободчиков пишет: «Проектирование есть деятельность, направленная на инновационное или уникальное видение какого-либо продукта <…>, оно подразумевает продумывание модели, мысленного конструирования плана, а затем практической его реализации» [13], В. А. Сластенин отмечает, что «проектирование образовательной среды вуза направлено на изменение сложившихся традиций в образовательном учреждении с целью адаптации к новым социальным условиям, от которых зависит формирование личности и ее компетентности» [11].

Полагаясь на мнение В. В. Серикова можно считать, что проектирование образовательной среды вуза предлагает такие пошаговые действия как: 1) продумывание идеи, 2) постановку цели, 3) учет противоречии и условий, 4) конструирование процесса с использованием педагогических и психологических, а также тьюторских инструментов, 5) реализация задуманного и получение результата [10].

Надо отметить, что проектирование может осуществляться отдельной профессиональной деятельностью преподавателя: определение и постановка целей и задач обучения, планирование содержание и процесса обучения, отслеживание результатов и т.п. Также администрацией может проектироваться ОС вуза в целом, тогда проектирование является не деятельностью отдельного профессионала, а изменением всего образовательного процесса, в том числе его компонентов и содержания. Кроме всего вышесказанного, необходима проектная рефлексия, осуществляемая на каждом шаге. При чем важно, чтобы такое проектирование проводилось совместно со студентами, на которых и ориентирован образовательный процесс. Такая логика проектирования соответствует дизайн-мышлению, которое успешно применяется в человекоориентированных образовательных процессах [3].

Заключение. Можно резюмировать, что современное представление о понятии «образовательная среда вуза» в XXI веке существенно изменилось от «системы условий и влияний» к «динамической самоорганизующейся системе».

Проектирование образовательной среды в вузе есть реакция на изменяющуюся ситуацию, которая позволяет, с одной стороны, преподавателю строить профессионально-педагогическую деятельность в соответствии с переменами, происходящими в социальной, социокультурной, профессиональной и соответственно в образовательной сфере; а с другой стороны дает возможность студенту педагогической магистратуры проявлять индивидуальный стиль в обучении, развивать личностные характеристики, осуществлять выбор своего пути в профессиональном развитии.

Таким образом, образовательная среда университета является важным условием формирования и развития профессиональной субъектности студентов педагогической магистратуры.

Список источников / References

Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2007. –528 с.

Бережнова Л. Н. Полиэтническая образовательная среда. Монография. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб: Изд-во РГПУ, 2003. — 201 с.

Белан Н. В. Дизайн-мышление как метод проектирования ориентированной на студентов образовательной среды вуза // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения. — 2020. С. 75–79.

Васильева Е. Ю. Образовательная среда вуза как объект управления и оценки // Университетское управление: практика и анализ. — 2011. № 4. С. 76–82.

Журавлева С. В. Исторический обзор становления понятия «образовательная среда» в педагогической науке // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2016. № 3. С. 48–56.

Заир-Бек Е. С. Теоретические основы обучения педагогическому проектированию. Монография. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб: Изд-во РГПУ, 1995. — 410 с.

Кулюткин Ю. Образовательная среда и развитие личности [Электронный ресурс]. — Сайт общества «Знание» // Новые знания. Журнал по проблемам образования взрослых. — 2001. № 1. — Режим доступа: URL: http://www.znanie.org (дата обращения: 20.05.2021).

Макаренко А. С. Педагогические сочинения в 8-ми томах. — М.: Педагогика, 1983–1986.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. — СПб., 1912. — 191 с.

Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В. В. Сериков. — М.: Логос, 1999. — 272 с.

Сластенин В. А. Педагогика: Инновационная деятельность / В. А. Сластенин — М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. — 224 с.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология образования человека: становление субъектности в образовательных процессах: уч. пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 431 с.

Asmolov A. G. Psychology of personality: cultural and historical understanding of human development / A. G. Asmolov. 3rd ed., rev. and additional — M.: Meaning; Publishing Center «Academy», 2007. — 528 p.

Berezhnova L. N. Polyethnic educational environment. Monograph. Ros. state ped. un-t im. A. I. Herzen. — St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 2003. — 201 p.

Belan N. V. Design thinking as a method of designing a student-oriented educational environment of a university // Modern problems of vocational education: experience and solutions. — 2020. S. 75–79.

Vasilyeva E. Yu. The educational environment of the university as an object of management and evaluation // University management: practice and analysis. — 2011. No. 4. pp. 76–82.

Zhuravleva S. V. Historical review of the formation of the concept of «educational environment» in pedagogical science // Scientific Review. Pedagogical Sciences. — 2016. No. 3. P. 48–56.

Zair-Bek E. S. Theoretical foundations of teaching pedagogical design. Monograph. Ros. state ped. un-t im. A. I. Herzen. — St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 1995. — 410 p.

Kulyutkin Yu. Educational environment and personal development [Electronic resource]. — Site of the society «Knowledge» // New knowledge. Journal of Adult Education. — 2001. No.1. — Access mode: URL: http://www.znanie.org (date of access: 05/20/2021).

Makarenko A. S. Pedagogical essays in 8 volumes. — M .: Pedagogy, 1983–1986.

Rousseau J.-J. Emil, or about education. — St. Petersburg, 1912. — 191 p.

Serikov V. V. Education and personality. Theory and practice of designing pedagogical systems / V. V. Serikov. — M.: Logos, 1999. — 272 p.

Slastenin V. A. Pedagogy: Innovative activity / V. A. Slastenin — M .: IChP «Publishing House Master», 1997. — 224 p.

Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Psychology of human education: the formation of subjectivity in educational processes: Uch. allowance. M.: Publishing House of

Слободчиков В. И. Инновации в образовании: основания и смысл // Исследовательская деятельность школьников. — 2005. № 6. С. 11–18.

Черник Б. П. Эффективное участие в образовательных выставках / Науч.-практ. пособие для формирования выст. культуры, освоения приемов и навыков успеш. участия в выст. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 130

Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. — М.: Смысл, 2001. — 365 с.

PSTGU, 2013. 431 p.

Slobodchikov V. I. Innovations in education: grounds and meaning // Research activity of schoolchildren. — 2005. No. 6. S. 11–18.

Chernik B. P. Effective participation in educational exhibitions / Scientific-practical. allowance for the formation of vyst. culture, mastering techniques and skills successfully. participation in the exhibition — Novosibirsk: Publishing House of the SO RAN, 2001. P. 130

Yasvin V. A. Educational environment: from modeling to design. — M.: Meaning, 2001. — 365 p.

Сведения об авторах

Белан Наталья Владимировна
аспирант направления «Образование и педагогические науки»
Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690090, Россия
nut_belan@mail.ru
тел. 8 (967) 751-74-01
Калугина Наталья Андреевна,
Доктор педагогических наук. Доцент ВАК
Дальневосточный федеральный университет
natalikhbru@mail.ru

Information about the author

Belan Natalia Vladimirovna
post-graduate student of the direction «Education and Pedagogical Sciences»
Far-Eastern Federal University
8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690090, Russia
nut_belan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5187-5921
Kalugina Natalia Andreevna,
Doctor of Pedagogical Sciences. Associate Professor of the Higher Attestation Commission of the Far Eastern Federal University
natalikhbru@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Pedagogical Sciences

Оригинальная статья
УДК 377.8

Original article

Teacher evaluation documents and procedures in high-performing apr-countries: hong kong and singapore

Natalya. L Korshunova, Elena F. Matveeva[1]
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Training College, Spassk-Dalny, Russia

Abstract: *The article highlights the issue of teacher's professional competence assessment and standardization in teacher professional activity as essential for improving teaching quality. The author refers to the best-world experience in teacher evaluation and accountability in two top-performing educational systems in the world – those of Hong Kong and Singapore. This paper is an in-depth case study that aims to describe and compare the competency-based tools used there for teacher performance evaluation. The following aspects of the documents are paid attention to in the article: the purpose of the standards/document, the target groups and, the structure. In the course of the research, some theoretical methods, including a comparative analysis, the method of evaluation and systematization of the used materials on the selected theme were used. The analysis of the professional standards for teachers in Hong Kong and Singapore has shown that, along with the differences in certain aspects, there are some features which are likely to make them effective in practice. It was assumed that using these documents contribute to holding these countries' senior positions in performing teacher assessment systems and in the sphere of world education as well. The paper concludes by suggesting its contribution to the discussion of the problem of the development and implementation of a proper unified national teacher evaluation and accountability system based on competency-oriented teacher standards in Russia. It is also expected that the findings could be useful in the development of the Unified Federal Evaluation Materials for teacher assessment and accountability in the country.*

Keywords: *teacher effectiveness, teacher competence evaluation and accountability, teaching competency standards.*

For citation: *Korshunova N.L., Matveeva E.F. Teacher evaluation documents and Procedures in High-performing APR Countries in Hong Kong and Singapore // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 35-47.*

Introduction

Now the Ministry of Education and Science of Russia is going to introduce new standards for teacher competence (particularly in 2019) to improve the quality of teaching in Russia so that it could meet the requirements of the world education in the 21-st century (Professional standard. Pedagogue, 2013). A new model of teacher certification and a new set of Unified Federal Evaluation Materials are being developed in the country. Obviously, these initiatives seem to be challenging and not so simple. In this case it could be important to analyze the top-performing education systems' experience in teacher competency assessment.

The above-mentioned statements open the actuality of the research.

A contribution that this study might make is therefore the provision of useful information on teacher competency evaluation, while furthering the intellectual debate on teacher professional standards and the teacher effectiveness.

The object of the study is teacher professional standards in Hong Kong and Singapore.

The purpose of the research is an analysis of the documents that spell out the competencies required from teachers in Hong Kong and Singapore. A number of

[1] © Korshunova N.L., Matveeva E.F.

[2] TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science. – URL: https://timssandpirls.bc.edu/timss2019/international-results/ (дата обращения 17.01.2021); PISA-2018 results. OECD. – URL: https://www.oecd.org/pisa/publications/pisa-2018-results.htm (дата обращения 17.01.2021).

studies have been conducted in teacher selection and training systems and teacher competence in Hong Kong and Singapore, but few efforts have been made to provide more detailed information about the teacher evaluation and accountability documents used in these countries.

Thus, this research has theoretical and practical value for the development and implementation of the new teacher competency standards and the national teacher evaluation system, and therefore, for improving teaching quality in Russia.

Materials and Methods

In the process of the research the authors referred to the results of international research of school achievements: PIRLS-2011 International Results in Reading; TIMSS 2011 International Results in Mathematics and Science Study and national research done in Hong Kong and Singapore. Some scientific articles and official sites' materials on the theme were also studied to understand and systemize the data and views concerning the problem under the study.

The methods used in the research are of a theoretical character and include a comparative analysis, the method of evaluation and systematization of the used materials on the selected theme.

The research for this study was conducted in two phases. Firstly, the selected materials were systematized which allowed analyzing the teacher competency evaluation tools and procedures in the selected countries. Afterwards, the teacher competency assessment documents (the EPMS and the TCF) were compared based on the following aspects: the purpose of the document, the target groups and the structure.

Literature Review

Some recent research shows that teachers are the single most important factor in student learning in schools. Students who have access to highly qualified teachers achieve higher results in education, regardless of other factors. While analyzing the best-world school systems, the consultant company "McKinsey" concluded that the key factor for education quality was the quality of teacher training and the quality of teacher's professional work (Barber and Murshed, 2008. P.13). V. P. Borisenkov, after V. Barber and M. Murshed, states that "… what matters most is not how much teachers earn (of course, their hard work must be paid as it deserves), but what kind of teachers they are, how they are trained and how they work" (Borisenkov, 2015. P.15).

As it was mentioned in the report "Key competencies in Europe: opening doors for lifelong learning" delivered by CASE Network (Centre for Social and Economic Research) in Warsaw in 2009, the most important condition for effective development of pupil competences is the development of appropriate teacher competences. The document underlines that "only teachers who are equipped with the necessary pedagogical tools and who can use them effectively in their daily practice can be successful in developing the key competences of their pupils" (Gordon, 2009. P. 211).

H. Jusuf claims that nowadays to improve the quality of education facing global challenges "all teachers have to fulfill the standards of professional teacher. For this purpose, it is necessary to have standards with international scope…" (Jusuf, 2005. P. 33).

Thus, the quality of teaching and teacher education are regulated through state-directed measures such as the setting of standards and the evaluation of teacher performance, organizational and curricular reforms in teacher education institutions, proposals for alternative routes to becoming a teacher, etc. B. Avalos states that teacher education is viewed as a main target for educational reform in developing countries and "… numerous initiatives, sponsored by the government and non-governmental organizations, focus on the professional development of serving teachers" (Avalos, 2002).

Concerning his point of view, among other issues of the reform in education, the development and implementation of

new standards of teacher preparation and certification is viewed as one of the most acute and challenging in many countries.

The development of professional teaching standards has proceeded with remarkable speed within a number of countries. Many of these developments have occurred just recently and Russia is not an exception (Professional standard. Pedagogue, 2013).

Standardization ("development and implementation of standards") is an objective need that systematizes practice as required by the historically changing needs of society. According to the Russian scholars V.S. Lednyov, M.V. Ryzhakov and S. E. Shishov, the term "education standards" means a system of core parameters accepted as the state level/norm of literacy reflecting the ideal of the society and accounting for a real person and the ability of the education system to achieve this ideal. The terms "education standards" or "standards of education" used in Russia and many other countries are "actual when the question of education quality appears as it is necessary to compare quality with a certain model or standard or with the quality level in other countries" (Lednev et al, 2002).

Thus, V. M. Polonsky, discussing different methods and forms of knowledge system monitoring in his book "Assessment of students' achievements", refers to the issue of international studies and experience in education quality evaluation. According to the author, "Russia's active participation in international research lets scientists and practitioners make reasoned decisions on education content reforming and creating Russian education standards (GEF) in view of other countries' experience" (Polonsky, 2018. P.73).

V. M. Polonsky notes that "along with individual achievements assessment, there exists a comparative assessment of the teacher education system and the quality of teacher preparation, as well as new measurement forms and procedures of individual and collective education achievements" (Polonsky, 2018. P.73).

Teacher standards can be used as a tool of teacher evaluation and accountability, though in some countries, for example, in Hong Kong (China) and Singapore, the role of standards is played by other documents, substituting teacher competency standards and seem to be quite effective in practice (Towards a learning profession. Teacher competencies framework and the continuing professional development of teachers, 2003; The Enhanced Performance Management System in Singapore, 2005).

The teacher quality systems in Hong Kong and Singapore are thoroughly examined by T.L. Choo, L. Darling-Hammond (2013), A. Hunter, B. Jensen, K. Roberts-Hull and J. Sonnemman (2016). They explain the key benefits of these top performing countries, analyzing the processes of recruitment, training, certification and evaluation as well.

The documents used to evaluate teacher performance in Singapore are studied by W.M. Liew (2012), E. Lim, S. Sclafani (2008), and L. Steiner (2010); in Hong Kong – by M.R. Ingersoll and T.E. Quang (2016). They give a detailed description of the teacher accountability forms and the Performance Evaluation programs of these countries.

Results

Phase 1. In high-performing educational systems, such as Hong Kong and Singapore, evaluation and accountability is an important part of teacher professional learning and development. In both countries competencies are viewed as key concepts of teacher evaluation instruments. Teachers in these countries have an established set of teacher competencies that are determined to be minimal standards for the profession.

As B. Jensen, J. Sonnemann, et al note in their report, evaluation and accountability mechanisms for in-service teachers range from quality-control measures for external courses and workshops to broader performance management programs and focus on: student performance, the quality of instruction and the quality of professional learning (Jensen et al, 2016. P. 17-18).

These programs are considered

a competency-based tool. Thus, in Singapore in-service teachers (education officers) performance is evaluated through a competency-based performance-management process using the Enhanced Performance Management System (EPMS), introduced in 2003. As S. Sclafani and E. Lim note, it spells out the knowledge, skills, competencies, and attitudes expected at each stage of the career and within each of three career tracks: the teaching track (which extends through levels of senior, lead, and master teachers); the specialist track (which includes roles like curriculum specialist, educational psychologist, and guidance counselor); and the leadership track (which progresses through roles like department head to vice-principal, principal, superintendent, and divisional heads and directors). These opportunities bring recognition, extra compensation, and new challenges that keep teaching exciting (Darling-Hammond and Choo, 2013).

Furthermore, comprehensive performance management programs, mentioned above, are viewed by B. Jensen, J. Sonnemann, et al as a most effective instrument for supporting career tracks. Thus, the Enhanced Performance Management System in Singapore means teachers and school leaders are appraised by the person directly supervising them (Jensen et al, 2016, P. 21).

Through the EPMS process, teachers are encouraged to expand their teaching repertoire, select a career track, and take those developmental actions that lead to greater competence and higher levels on the career ladder.

Teachers are involved in a three-stage process which ensures self-assessment, coaching and collaboration in schools even before any targeted professional learning is introduced. B. Jensen, J. Sonnemann, et al describe these stages in their report:

1. Performance planning at the beginning of the school year requires teachers to evaluate their teaching and set goals for the year in teaching, instructional innovation and improvements, and professional learning.

2. Performance coaching from the supervisor throughout the year helps teachers achieve their goals. There is a formal interview mid-year to assess progress towards these goals.

3. A performance evaluation at the end of the year requires supervisors to conduct an interview and compare planned goals against actual performance. Professional learning opportunities targeted at areas for improvement are identified (Jensen et al, 2016. P. 21).

Commenting on the Performance Evaluation process, W. M. Liew notes that central to the Performance Evaluation process is the Performance Appraisal Interview at the end of the year, which invites teachers to reflect on their goals, strengths and “areas for improvement” as part of a participatory process of self-assessment (Liew, 2012. P. 5). Thus, a very important stage of self-assessment – the reflection stage - takes place.

The EPMS document is a narrative that summarizes at midyear and at the end of year the activities engaged in, progress toward the goals set, and data on the performance benchmarks. It adds summaries of relevant discussions between the teacher and the reporting officer, as well as evaluative narratives from both the teacher and the reporting officer. These evaluations are pegged to the experience level of the teacher, since the level of competence expected of a new teacher is much lower than expectations for senior teachers.

Staff appraisal is conducted on an annual basis. Officers are appraised for current performance and future potential. Current performance is assessed based on the officer’s total contributions. This encompasses how well he/she has achieved his work targets (i.e. teaching duties, cocurricula activities, other duties, projects and tasks done during the year) and demonstrated the required competencies.

Performance assessment is given in terms of A, B, C, D or E grading. When assessing

performance, an officer at a higher grade will most likely perform better than an officer at a lower grade due to more knowledge and experience.

The teacher's future potential ("current estimated potential") evaluation is made based on evidence in the teacher's portfolio and the supervisor's judgment of the teacher's contributions to the school and community, in consultation with the senior teachers who have worked with the teacher, the department and grade chairs, the reporting officer, the vice-principal, and the principal. The goal is to support teacher growth and identify those who can advantage the school (Sclafani and Lim, 2008).

Career Tracks for Teachers Annual evaluations are used to establish a performance bonus, set by the principal for each teacher, as well as to flag out struggling teachers for additional assistance or potential dismissal (a very tiny number), and to flag successful teachers for potential promotions. In considering teachers for promotion or progression along each of the three career tracks their performance evaluations in the last three years are taken into consideration. There is flexibility of lateral movements across the three career tracks (Darling-Hammond and Choo, 2013. P. 53).

As W.M. Liew explains, "there are currently three customized versions of the Work Review Form which correspond to the three career tracks or "fields of excellence" identified by the MOE…'' (Liew, 2012. P. 8).

The work review form and its use in the Performance Management Process are thoroughly examined by S. Sclafani and E. Lim in their work "Rethinking human capital in education: Singapore as a model for teacher development" (Sclafani and Lim, 2008. P.16). They note that the work review for teachers is divided into five sections.

In section one (Key Result Areas), there are the key result areas used by the education officer and the RO (Reporting Officer) to identify and state the targets for the midyear and year end. The achievements and progress for the midyear and year end will be stated and reviewed in the two accompanying columns beside the targets column. The next section (Teaching Competencies) focuses on the teaching competencies or underlying characteristics that drive outstanding performance for teachers. Section three delves on the training and development plan for the period under review. Section four involves a report on innovations and improvements made by the teachers in the school, cluster, zonal or national levels. Section five is for reviews and comments by the teacher and reporting officer regarding work performance, work competencies and other points, such as the officer's strengths, unique skills, areas of improvement, and work-related challenges in the middle of the year and at the end of the year. The final section is for the countersigning officer to state her or his review and comments. The concluding one-page annex consists of definitions of teaching competencies.

Section two which forms the bedrock of Singapore's Enhanced Performance Management System is to be studied more closely. It spells out the teaching competency model for Singapore teachers. It consists of one core competency, "Nurturing the Whole Child", and four other broad competency clusters: "Cultivating Knowledge", "Winning Hearts and Minds", "Working with Others" and "Knowing Self and Others". The competencies displayed in this section can help teacher to perform well in their roles and achieve their goals in the key results areas in section one (Sclafani and Lim, 2008. P.16).

The structure of the teacher competency model can be better understood via L. Steiner's description. She explains that each cluster within the model has two to four competencies and gives an example of the "Cultivating Knowledge" cluster, which has four key competencies: subject mastery, analytical thinking, initiative, and teaching creativity. The competencies are broken down further into progressive levels of more effective behaviors based on the high-performer interviews, and those are used at rating scales. Each level includes

descriptions of the specific behaviors a teacher should demonstrate at a particular level of mastery (Steiner, 2010. P.10).

The reporting officer will give a rating of the teacher's performance in the rating scale for the different competencies. There are four points on rating scale, ranging from "Not Observed" and "Developing" to "Competent" and "Exceeding".

As it is explained by S. Sclafani and E. Lim, section two of work review forms for the education officers in the three mentioned above tracks can be different for the education officers in the teacher, leadership and curriculum specialist tracks because varying competencies are being examined, cultivated and evaluated. The structure of the remaining sections three, four, five and six of the work review are similar for education officers on each of the tracks, though the content in the sections may vary significantly from one education officer to another (Sclafani and Lim, 2008. P. 17-21).

The competency-based performance evaluation document used for teacher appraisal in Hong Kong is the Teacher Competency Framework (TCF) developed in 2003. The TCF is considered to be an instrument aimed at supporting teachers in their professional development and growth. It is also used for annual teacher competency evaluation.

It is necessary to note that this document is generic. Schools are encouraged and expected to make their own modifications and build a set of references that identify the way ahead and lead to school improvement through professional development.

The TCF takes into account the complex nature of teacher's work which is reflected in the structure of the document. Professional competencies include the abilities, skills, knowledge and attitudes required to achieve professional goals efficiently. To accommodate a wide range of attributes, the TCF has a multi-dimensional hierarchy of domains, dimensions, strands and stage descriptors. The document is built around four core domains: Teaching and Learning, Student Development, School Development, Professional Relationships and Services. The domains are interconnected with each other and cover the following aspects: the major responsibilities typical of a classroom teacher; a wide range of responsibilities essential to the whole-person development of students - including extra-curricular activities, moral/social/civic education, guidance and counseling; responsibilities of teachers as members of the school community and their contribution to the growth of the whole profession .

Each of the domains is broken down into four dimensions reflecting different aspects of teacher's work. Each dimension includes a number of strands with stage descriptors linking typical competencies with particular stages of teachers' professional maturity. To accommodate individual capabilities, the stages of professional maturity are not differentiated by arbitrarily selected years of teaching experience (Towards a learning profession. Teacher competencies framework … , 2003).

The document identifies some stages in teacher achievements, characterized by the adjectives Threshold, Competent and Accomplished. It is reflected in the generic TCF competency descriptor chart in a left-to-right sequence, which is open-ended. This is not meant to imply a rigid, linear, stage by-stage progression. Nor is it intended that the right-hand end of the chart represents a finite limit. Rather, the TCF sequence is designed to be open-ended: there will be infinite progression all through their careers as teachers refocus their professional commitment to accommodate the needs of an ever-changing society. In this context, the descriptors provide goals to aim for at particular stages of professional maturity (Towards a learning profession. Teacher competencies framework …, 2003).

The basic competencies expected of

[3] In Hong Kong there exsits a special documet spelling out norms of teachers' ehical behaviour and social responsibility towards society – « Code for the education profession in Hong Kong", approved in 1995.

teachers in Hong Kong are spelt out by the stage descriptors under the Threshold column, at the left-hand end of the generic TCF. The threshold requirements for the Teaching and Learning domain seems to be more sophisticated than those for the others as teaching and learning are considered as the most important in teacher's work.

The TCF is used by teachers as a reference tool for defining their own stages of professional maturity and planning their competency profiles.

The document stresses that a teacher's professional experience must be evaluated as a whole and it is important 'not to be overly fussy about individual components". Teacher competency is assessed based on lesson-planning documents, design of student assignments, samples of student work, observation in the classroom, student assessment methodologies. The self-evaluation and career aspiration of individual teachers are also taken into account.

The same high level of competency in all domains for all teachers is not viewed as obligatory. On the contrary, the document encourages diverse talents and strengths. As the TCF explains, for the wider benefit of the education community, it is important to encourage diversity of expertise - individual teachers may have their own strengths in specific areas of practice. In this context, the TCF becomes a developmental framework revealing areas in which individual teachers might specialise or excel (Towards a learning profession. Teacher competencies framework …, 2003).

It should be noted that teachers in Hong Kong must be registered with the Teacher Registration Team before working in any formal school setting. Teacher registration is a rigorous process, and deregistration is a disciplinary option (Quang, 2016).

Thus all intended teachers in Hong Kong have to apply for registration as Permitted Teachers (PT) or Registered Teachers (RT). To qualify for registration as a registered teacher, a person will have obtained "qualified teacher" status through completion of an approved teacher education program offered by a recognized institution. This program may be a subdegree-level Certificate in Education, a Bachelor's Degree in Education, or a Postgraduate Certificate/Diploma in Education. In this regard, a registered teacher is equivalent to full licensure in the United States. The "permitted teacher" status in Hong Kong is similar to emergency certification or emergency permit in the United States in the sense that permitted teachers have not met the minimum requirements for full registration (Ingersoll, p.31).

The minimum academic qualification required of a PT teaching in a school providing primary, secondary or post-secondary education is an associate degree, a higher diploma or equivalent. The higher level a teacher is required to teach at, the higher qualifications he/she has to possess. The teacher has to produce documentary proof that he/she is capable of teaching the subject(s) he/she is required to teach. In fact, schools should seek advice from the Education Bureau before appointing non-subject-trained persons to teach subjects with safety concerns, e.g. science subjects at senior secondary levels (Teacher Registration. Education Bureau).

To become a RT a person who holds teacher qualification (e.g. a local Teacher's Certificate or Post-graduate Diploma/ Certificate in Education) and is a Hong Kong permanent resident may apply for registration as a teacher by filing the required form to the Teacher Registration Team of the Education Bureau (Teacher Registration. Education Bureau).

Promotion is used to support teachers in their performance improvement. Teachers' career prospects depend on which pathway into teaching they take. For example, a teacher who holds a teacher's certificate or the status of a qualified teacher based on their performance on the Non-Graduate Teacher Qualifications Assessment may be promoted to the level of Assistant Principal and a teacher with a post-graduate diploma in education may ultimately be promoted to

the position of Headmaster or Headmistress following appropriate job experience and training (Centre of International Education and Benchmarking….).

Phase 2. The teacher evaluation documents described in the article were compared based on the following aspects: the purpose of standards, the target groups and the arrangement of the standards.

Purpose of the standards. One of the goals of introducing educational standards usually is to improve the quality of education, often out of a qualitatively problematic situation. With respect to the fact that Hong Kong and Singapore are considered as developed countries, the implementation of the teacher evaluation and accountability documents in these countries have more sophisticated aims: Hong Kong and Singapore has a longtime experience in developing, applying and updating teacher competency documents used in their evaluation systems. Otherwise, even in their case the improvement of education is definitely a goal to strive for.

Target groups. The term “target group” means the kind of a teacher, the standards apply for and the level of experience/ accomplishment, addressed by the standards.

Most currently used standards in different countries are for general teachers without considering the characteristics of vocational education for certain categories of teachers or their career stage. So, they are developed for teachers in general.

The Singaporean standards are also being designed for teachers/pedagogues in general. The EMPS spells out the knowledge, skills, competencies, and attitudes expected at each stage of the career and within each of the mentioned above three career tracks: the teaching track, the specialist track and the leadership track. In Hong Kong the document used for teacher competency assessment is for teachers in general as well. It indicates the abilities, skills, knowledge and attitudes required to achieve professional goals efficiently.

Although the teacher evaluation documents in both countries need some kind

T a b l e №1. Arrangement of the Standards

Country/ Document	1. Stage	2.Stage	3. Stage	Total number of Indicators/ Numbers
Hong Kong/ the TCF	*Domains*	*Dimensions*	*Strands with stage descriptions*	46
	A. Teaching and Learning	4 Dimensions	13 Strands	
	B. Student Development	4 Dimensions	10 Strands	
	C. School Development	4 Dimensions	13 Strands	
	D. Professional Relationships and Services	4 Dimensions	10 Strands	
Singapore/the EPMS	*Broad Competency Clusters*	*Major Competencies*	*Sub-competencies/Sub-categories*	45
	A. Nurturing the Whole Child	1 Core Competency	5 Sub-categories	
	B. Cultivating Knowledge	4 Key Competencies	20 Sub-categories	
	C. Winning Hearts and Minds	2 Key Competencies	10 Sub-categories	
	D. Working with others	2 Key Competencies	10 Sub-categories	
	E. Knowing self and others	4 Key Competencies	—	

of instruction that tells how the standards have to be handled, they help to define different career stages and distinguish between different stages of experience and professionalism as well. Thus, the TCF in Hong Kong includes a number of strands with stage descriptors linking typical competencies with particular stages of teachers' professional maturity.

Arrangement of the standards. As it turned out, both documents (the EPMS and the TCF) have a multi-stage structure consisting of three stages (T a b l e №1. Arrangement of the Standards). A structure subdivided into more than two stages specifies the first stage (dimensions, major competencies, strands, sub-categories) in a meaningful way, is easier to read and to give the user orientation where to look for the appropriate formulation.

As the table shows, though the numbers of indicators do not coincide in any of the stage, the total number of indicators in both documents is nearly the same: the TCF (Hong Kong) has 46 indicators and the EPMS (Singapore) has 45.

On the other hand, both the EPMS and the TCF have quite a big number of characteristics and indicators which gives completeness of teacher competency structure. Hence, being oriented on qualifications or capacities, required from the teacher, the teacher competency evaluation documents of Hong Kong and Singapore are viewed quite comprehensible. It is necessary to note that both standards spell out aspects of ethical behavior.

Before turning to the next part of the article and giving a review of the work carried out, it is necessary to briefly highlight some issues related to the implementation of the teacher standard "Pedagogue" into the operating practices of educational organizations in Russia. It can help to best identify some perspectives of improving the document which drawbacks have been paid attention to by Russian teachers community since its first publication.

The Russian teacher standard "Pedagogue" is a set of requirements defining teacher qualifications needed to achieve high performance. The new requirements are addressed to professional knowledge, skills, and work experience. The document includes five parts: teaching, childrearing, development of children (personal qualities and professional competencies necessary for teacher qualitative performance of development oriented activity), professional competences required to work in elementary general education establishments, professional competences required to work in pre-school educational establishments. Each part is specified by a wide range of skills. Some of them are only found in the Russian standard, for example, mastering the methods of museum pedagogy or excursions, expeditions, walking tours organization methods, etc. (Professional standard. Pedagogue, 2013).

According to the authors of the standard, Russian teachers must meet the following highest requirements: they must speak at least one foreign language, feel confident in modern IT technologies, be able to work in all types of classes, with different categories of pupils: children with special educational needs and gifted children. It is also noteworthy that the standard requirements refer to all teachers, regardless of their education level: a specialist, a bachelor or a master. Thus, some experts fairly notice that not all teachers will be able to meet the requirements of the Russian teacher standard (Nesterenko and Makarova, 2015).

Higher education reforms, as well as higher teacher education reforms in Russia, can not and must not be implemented without paying into consideration other countries' experiences in this sphere. These experiences have become subject to Russian researchers' scrutiny. Thus, comparing the Russian teacher standard with the similar documents of Austria, Great Britain and the USA, V. G. Nesterenko (2015) pays special attention to the fact that the professional standards of these countries take into account teachers' career levels and define

their professional characteristics at every stage of his/her professional development. The teacher certification in Austria, Great Britain and the USA, as well as in Hong Kong and Singapore, therefore, aims to the creation of the system of professional development which allows every graduate to navigate in the professional "hierarchy" since the very beginning of his/her professional career up to the highest level of mastery. This can be viewed as an important advantage of the teacher professional standards of the mentioned above countries while the lack of this feature is the main drawback of the Russian teacher standard. Another drawback of the teacher standard of the Russian Federation is that unlike the competency-based teacher standards of the countries under the study (Hong Kong and Singapore), it defines the labor functions required of teachers. What is more, the comparable big number of them makes the document less comprehensible.

Discussion

To conclude, it should be noted that though the selected standards are different in certain aspects (for instance, all of them have their own structure, which reflect their understanding of what good teaching should look like in their country), teacher evaluation documents in Hong Kong and Singapore have some common features which allow them to contribute to the development of the best performing teacher assessment systems in the world:

— Being competency-based they are designed for the improvement of teacher quality and, therefore, education quality in general.

— The teacher competency evaluation documents used in Hong Kong and Singapore are both used for teachers in general.

— The multi-staged structure of both documents, the EPMS and the TCF, take into account a complex character of teacher competency.

— Their structure subdivided into three stages is quite comprehensible and easy to use.

— Both the EPMS and the TCF are used to help in distinguishing between different stages of experience and professionalism and in supporting teachers in their career development as well.

—According to these documents, teachers are assessed based on their contributions to the holistic development of students, their contributions to school community and to the growth of the whole profession and society as well.

— Both standards spell out some aspects of ethical behavior.

Conclusions

Taking into consideration all of the above, it should be noted that though it is impossible to adopt any of the teacher competency assessment standards analyzed in the paper for teacher evaluation and accountability in Russia, considering Hong Kong and Singapore's experience could reveal the best way to move to in developing new professional standards for teachers in Russia - to use the best ideas of the high-performing APR countries to avoid errors, to participate in experiences and to stay up-to-date. It is viewed especially actual when the Unified Federal Evaluation Materials for teacher assessment and accountability are being developed in the country. Going this approach, the achieved results can be used if possible in the procedure of the development of a proper unified national teacher evaluation and accountability system based on competency-oriented teacher standards in Russia, of course under thorough consideration of specific conditions and requirements, Russia is asking for - ethnic originality, compliance with conditions of social and cultural context of the country. This would, in turn, assist in teacher effectiveness and education quality in Russia.

Список источников / References

Воробьев А.Е. История нефтегазового дела в России и за рубежом. Учебное пособие. М. 2013. С. 54.

Саудаханов М.В. История развития и становления нефтегазового комплекса в российском государстве // Вестник Московского университета МВД

Avalos, B. (2005). Teachers for Twenty-First Century, Teacher Education: Reflections, Debates, Challenges and Innovations. http://www.ibe.unesco.org/publications/Prospects/ProspectsOpenFiles/pr123ofe.pdf.

Barber, M., Murshed, M. (2008). Kak dobit'sja stabil'no vysokogo kachestva obuchenija v shkolah [How to achieve stably quality training at schools]. Uroki analiza luchshih sistem shkol'nogo obrazovanija mira [Lessons of the analysis of the best systems of school education of the world]. Voprosy obrazovanija [Education Issues], 3, 7–60 https://vo.hse.ru/data/2010/12/31/1208181144/1.pdf (In Russian).

Borisenkov, V. P. (2015). Kachestvo obrazovaniya i problemy podgotovki pedagogicheskih kadrov [Education quality and problems of teacher training]. Obrazovanie i nauka [Education and Science], 3(122), 4-17 (In Russian).

Centre of International Education and Benchmarking. Hong Kong: Teacher and Principal Quality. http://ncee.org/what-we-do/center-on-international-education-benchmarking/top-performing-countries/hong-kong-overview/hong-kong-teacher-and-principal-quality/.

Darling-Hammond, L., Choo, T. L. (2013). Developing and sustaining a high-quality teaching force. Stanford University, Copyright Asia Society, 39-57.

Gordon, J. (2009). Key Competences in Europe: Opening Doors for Lifelong Learners Across the School Curriculum and Teacher Education. CASE Network reports. No 87. Warsaw. http://www.case-research.eu.

Ingersoll, M. R. A Comparative Study of Teacher Preparation and Qualifications in Six Nations. Consortium for Policy Research in Education. https://goo.gl/RsLNjn.

Jensen, B., Sonnemman, J., Roberts-Hul, K., Hunter, A. (2016). Beyond PD: teacher professional learning in high-performing systems. Washington, DC: National Centre on Education and the Economy. http://www.ncee.org/wp-content/uploads/2015/08/BeyondPDWeb.pdf.

Jusuf, H. (2005). Improving Teacher Quality, a Keyword for Improving Education Facing Global Challenges. The Turkish Online Journal of Educational Technology, vol. 4, issue 1. http://www.tojet.net/articles/v4i1/414.pdf.

Lednev, V.S. (2002), Nikandorov, N. D., Ryzhakov, M.V. (2002). Gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty v sisteme obshchego obrazovaniya: teoriya i praktika [State educational standards in the system of General Education: theory and practice]. Moscow, 382 p.

Liew, W. M. (2012). Perform or else: The performative enhancement of teacher professionalism. Asia Pacific Journal of Education, 32 (3), 285-303. http://www.tandfonline.com/10.1080/02188791.2012.711297.

Nesterenko, V.G. (2018). Professional'nyj standart pedagoga: Rossiya i SSHA [Teacher professional standard: Russia and the USA]. Pedagogika [Pedagogy], 5, 117-122.

Nesterenko, V.G., Makarova, I.A. (2015). Sopostavitel'nyj analiz otechestvennogo i zarubezhnogo professional'nyh standartov pedagoga [Comparative analysis of Russian and goreign professional standards of a pedadogue]. Alma mater. Vestnik vysshej shkoly [Alma mater. High School Herald], 6, 78-84.

Polonsky, V. M. (2018). Ocenka dostizhenij shkol'nikov [Assessment of students' achievements]. M: Вентана – Граф. 96 p. (In Russian).

Professional standard. Pedagogue (pedagogical activity in pre-school, elementary general, basic general, secondary general education) (tutor, teacher): approved by the order No. 5446 of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation issued 18 October 2013. Bank of documents. http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129 (in Russian).

Quang, T. E. (2016). The Dynamics of Teacher Professionalism in an Asian Context. The Education University of Hong Kong. Asia Leadership Roundtable, Singapore 2016. https://www.eduhk.hk/apclc/roundtable2016/paper/Paper_byDrTerrenceQUONG.pdf.

Sclafani, S., Lim, E. (2008). Rethinking human capital in education: Singapore as a model for teacher development. Washington, DC: the Aspen Institute Publ. https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED512422.pdf.

Steiner, L. (2010). Using competency-based evaluation to drive teacher excellence. Lessons from Singapore. Public Impact, Chapel Hill, NC, http://opportunityculture.org/images/stories/singapore_lessons_2010.pdf.

Teacher Registration. Education Bureau. goo.gl/Tf1R5L.

The Enhanced Performance Management System in Singapore: approved by the Decree No 1452 of the Ministry of Education issued 17 June 2005. Educational Publishing House Pte Ltd.

Towards a learning profession. Teacher competencies framework and the continuing professional development of teachers, 2003. www.emb.gov.hk / ednewhp / teacher / cpdp / english / home.htm (English).

Сведения об авторах

Наталья Леонидовна Коршунова,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (690922, Россия, Владивосток, остров Русский, залив Аякс, 10, Кампус ДВФУ), nlkor@mail.ru
Елена Федоровна Матвеева, Преподаватель английского языка, кандидат педагогических наук, ищет соискателя, Спасский педагогический колледж, (ул. Комсомольская, 108, Спасск-Дальний, 692211, Россия), Matveeva_ef@mail.ru

Information about the author

Natalya L. Korshunova,
Ph.D. of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Chair of Pedagogics and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, FEFU Campus, 690922, Russia), nlkor@mail.ru
Elena F. Matveeva, Teacher of English, Ph.D. in Pedagogical Sciences seeking applicant, Spassky Teachers' Training College, (108 Komsomolskaya Street, Spassk-Dalny, 692211, Russia), Matveeva_ef@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Педагогические науки

Оригинальная статья
УДК 378.1 + 514.18 + 744.1

Инженерное образование в условиях транзитивного периода

Анна Викторовна Петухова[1]

Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС), Новосибир-ский архитектурно-строительный университет (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

Аннотация: *В статье рассматривается состояние системы инженерной подготовки в период глобальной трансформации всех образовательных институтов. Рассматриваются наиболее яркие призна-ки вхождения системы образования в транзитную стадию. Раскрывается специфика понятия «транзитивный период» применительно к системе общеинженерной подготовки студентов технического вуза. На примере системы инженерно-графической подготовки рассматрива-ется модель преодоления кризисного состояния системы образования. Предлагается ряд мер, позволяющих увеличить уровень стабильности системы высшего профессионального обра-зования. Отмечается необходимость проведения целенаправленных мероприятий по форми-рованию системы онлайн курсов по дисциплинам фундаментального цикла. Приводятся ре-зультаты деятельности по созданию специализированной цифровой информационной среды на примере ряда общепрофессиональных дисциплин. Отмечается, что виртуализация ин-формации – неизбежный процесс. Предлагаются инструменты, повысить познавательный интерес и мотивацию у обучающихся, создать необходимые условия для освоения профес-сиональных компетенций. Подчеркивается, что успешное преодоление этапа транзитивно-сти зависит от комплекса мер, направленных на стабилизацию образовательной системы в глобальном аспекте и на локальных участках.*

Ключевые слова: *транзитивность, образование, цифровое информационное пространство, фундаментальная подготовка, вуз.*

Для цитирования: *Петухова А.В. Инженерное образование в условиях транзитивного периода // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 47–56.*

Pedagogical Sciences

Original article

Technical education in a transitive period of development

Anna V. Petukhova

Siberian Transport University, Novosibirsk state university of architecture and civil engineer-ing (Sibstrin), Novosibirsk, Russia

Abstract: *The article considers the state of the engineering training system during the global transformation of all educational institutions. The concept of “transitive period” is considered in relation to the system to the system of engineering and graphic training of students of a technical university. The article presents the most striking signs of the entry of the education system into the transitional stage. Us-ing the example of an engineering-graphic training system, we consider a model for overcoming the crisis state of the education system. A number of measures are proposed to increase the stability of the engineering-graphic training system at a technical university. The author notes the need for tar-geted measures to formulate a system of online courses in graphic disciplines. The article gives ex-amples and results of the activities of the Department of Graphics of the Siberian Transport Univer-sity to create a specialized digital information environment. It is noted that virtualization of infor-mation is an inevitable process. The publication offers tools to stimulate the cognitive aspects of learning in order to increase the cognitive interest and motivation of students, to create comfortable conditions for the development of professional competencies. The author believes that successful overcoming the stage of transitivity depends on a set of measures aimed at stabilizing the educa-tional system*

[1] © Петухова А.В.

in a global aspect and in local areas. It is emphasized that the formation of the current digital information environment is one of the most important conditions for its effective function-ing.

Keywords: *transitivity, education, digital information space, engineering and graphic training*

For citation: *Petukhova A. V. Technical education in a transitive period of development // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 47-56.*

Введение

Актуальность выбранной темы определена состоянием системного перехода к новому качественному этапу развития отрасли образования (Деев, Гамидуллаева, Финогеев и др., 2020. С. 84). С момента появления цифровых технологий был запущен процесс ломки сло-жившихся в предшествующую эпоху подходов к организации и управлению системой обра-зования (Антонов, Бражник, Гибадуллина и др., 2021. С. 34). Благодаря достижениям в сфе-ре информационных технологий образование получило не только новый инструмент, но и сильнейший фактор дестабилизации состояния системы (Ткачев, 2022. С. 68). Усиление про-тиворечий между традиционными подходами к обучению и новыми формами организации учебного процесса создали предпосылки для начала перехода на новый этап развития – транзита системы (Кречетова, 2021. С. 15).

Описывая современное состояние системы образования, часто говорят об изменени-ях, связанных с процессами глобализации, переходом к новому информационному обще-ству, а состояние описывают как переходное, модернизирующееся, трансформирующееся (Кульжанова, 2021. С. 41). На этом этапе происходят колоссальные изменения в содержа-тельной, организационной и методической составляющих учебного процесса. По существу, состоялся переход от системы равнораспределенного обучения к личностно-ориентированному формату (Девисилов, 2009. С. 29). Однако, эти изменения порой сопро-вождаются полномасштабным разрушением привычной организационной структуры учеб-ного процесса и приводят к тяжелым последствиям для всей системы образования, и для экономики государства в целом. Данные о состоянии российского образования, показывают, что его ожидаемая эффективность не соответствует требованиям социума (Поляруш, 2020. С. 124; Чанкаева, 2020. С. 22).

Все это свидетельствует о необходимости управленческих воздействий для заверше-ния транзита и стабилизации состояния. Обозначенная проблема может быть решена только при наличии системных исследований, проводимых как на теоретическом, так и на практи-ческом уровнях. Необходимо научное обоснование комплекса мер, позволяющих вырабо-тать стратегию стабилизации образования без потери качества обучения.

Методы исследования

Изучение теоретических аспектов и понятийного аппарата транзитивности. Анализ практических результатов исследований, выполняемых ведущими специалистами отрасли. Изучение и анализ основных тенденций развития образовательных технологий в области общепрофессиональных технических дисциплин. Анализ результатов мониторинга проблем системы образования. Ознакомление с базисными положениями некоторых современных образовательных концепций. Выявление ошибок и проблем всех элементов системы фунда-ментальной подготовки студентов вуза, обобщение данных, моделирование образователь-ных процессов, первичная апробация, прогнозирование перспективного состояния системы, постановка новых задач, разработка наиболее эффективных форм выхода из кризиса, фор-мулирование ведущих идей и выводов.

Результат

Проекция понятия «транзитивное общество» на систему образования позво-

ляет осмыслить реальные социальные процессы и определить причины и характер нестабильно-сти системы, а также выявить тенденции движения и спрогнозировать траекторию развития. Создание же адекватной модели образовательной системы в период активного транзита обеспечит возможность управлять вектором движения и направлением транзита.

Специфика транзитивного общества выражается в тенденциях радикальных преобра-зований социальных институтов, и, как следствие, в системной деформации отношений внутри общества. Модернизирующееся общество формирует новую систему ценностей. Си-стема образования, являясь наиболее важным институтом синтеза общечеловеческих ценно-стей, претерпевает наибольшие потрясения в период модернизации. Мы согласны с мнени-ем ряда исследователей, указывающих, что уровень неопределённости жизненных ситуаций в настоящий момент может быть охарактеризован как крайне высокий (Козырева, Смирнов, 2018, С. 66). В условиях множественных и стремительных трансформаций общества резко снижается способность образовательной среды выполнять свои основные социальные функ-ции. Неустойчивость социокультурной системы подрывает стабильность образовательной отрасли. Традиции и сложившиеся технологии обучения начинают противоречить тенден-циям развития общества. Отмечается, что мир индивида, находится сейчас под воздействием все более усиливающихся транзитивных процессов, приводящих к деструктивной деграда-ции привычных социально значимых смыслов и одновременным созданием новых смыслов, актуальных для активно модернизирующегося общества (Бакшутова, Рулина, 2014. С. 97).

Источником любой трансформации являются противоречия. В системе образования транзитивность создаёт множественные состояния непредсказуемости результата выбора от-дельного индивида. Люди, вынужденные выбирать образовательную траекторию в ситуа-ции полной неопределенности, когда предугадать последствия принятого решения, практи-чески невозможно.

Задачей нашего исследования было обозначить характеристики системы образования в состоянии транзита, выявить основной вектор развития и создать модель вероятного пути развития одного из её элементов – системы фундаментальной подготовки студентов техни-ческого вуза.

Цель исследования – описать особенности процессов, протекающих в современной образовательной среде на первом уровне высшего образования (первый-второй курс) в тех-ническом вузе, разработать модель, которая позволит нам диагностировать состояние систе-мы и определить векторы устойчивого развития.

Опорной площадкой исследования является ФГБОУ ВПО «Сибирский государствен-ный университет путей сообщения». Материалами для изучения являлись: отчетная доку-ментация кафедр, результаты предшествующих научно-педагогических исследований, базы данных, содержащие информацию об изменении успеваемости студентов за исследуемый период, тексты научных и методических публикаций сотрудников университета, а также результаты личных собеседований с сотрудниками кафедры и студентами.

Терминологический аппарат исследования.

Транзитом называют переход к новому качественному уровню. Такое состояние обычно сопровождается процессом ломки сложившихся отношений, протоколов деятельно-сти и процедур. Состояние системного транзита описывается термином транзитивность. Транзитивность почти всегда возникает при наличии процессов модернизации. Существует два определения транзитивного общества: функциональное и сущностное. Первое опреде-ление связано с фактом, что транзитивное общество – это социальная система, на-

ходящаяся в стадии перехода между какими-либо социальными формами. С этих позиций под транзи-тивностью понимают период перехода объекта от одного состояния в другое, при котором можно одновременно наблюдать наличие признаков, характерных и для предыдущего пери-ода, и для последующего, еще не наступившего этапа (Андреева, 2018. С. 296). Сущностное определение носит, концептуальный характер, позволяя взглянуть на трансформацию соци-альной системы сквозь призму некой социокультурной сферы: экономики, политики, права, культуры и т.д. (Нарыкова, Самойлов, 2014. С. 18). Сущностное определение транзитивного общества сфокусировано на субъекте социальных трансформаций, и наличии признаков, позволяющих фиксировать переходные состояния. Существование этих двух подходов к пониманию явления транзитивности позволяет создавать модели транзитивных процессов, соответствующие определенным историческим, социально-политическим и социокультур-ным условиям (Федотова, 2010. С. 29).

Для осмысления термина транзитивность необходимо выполнить проецирование в плоскость реальных социальных процессов. Современная наука и технология создали усло-вия для появления новой социокультурной реальности, которая является порождением мо-дели современного общества. Поскольку транзитивность является результатом воздействия определённых факторов, дестабилизирующих систему, выявление и анализ этих факторов представляется нам важным элементом модели. По нашему мнению, одна из причин пере-хода системы образования в транзитивное состояние это цифровизация и виртуализация всех сфер жизни (Петухова, 2019. С. 2791). Цифровая экономика, цифровые технологии, цифровое моделирование, виртуальное пространство, виртуальная реальность – тренды со-временного общества. Очевидно, что «цифра», как форма коммуникации и передачи знаний, приобретает доминирующее значение (Ермошкин, 2020. С. 93). Однако, система образова-ния, будучи крайне инерционным объектом, стремится сохранить свою стабильность удер-живая привычные формы своего функционирования. В результате школа, вуз, техникум становятся местом, чуждым субъекту обучения (студенту, учащемуся). Возникает конфликт, и как результат страдает эффективность обучения. Следовательно, целью реконструкции технического образования и, соответственно, системы инженерно-графической подготовки должна стать балансировка состояния образовательной системы с состоянием современного общества. От успешности решения этой задачи может зависеть уровень жизнеспособности отдельных элементов системы образования.

Моделирование – один из способов научного анализа сложных систем. Построение модели объекта может выполняться несколькими способами: аналитическим, эксперимен-тальным и экспериментально-аналитическим. Для исследования состояния системы инже-нерно-графической подготовки мы выделили ряд состояний системы. Формально любую систему можно описать структурой и параметрами. Состояние системы фиксируется пара-метрами и их значениями. Состояния, которые принимает система в каждый момент време-ни описываются наборами значений переменных параметров. Кривая изменения этих пара-метров позволяет предсказать поведение системы во времени. Переменные состояния объек-та мы запишем как его фазовые координаты. Состояние объекта исследования изменяется под влиянием различных воздействий, нарушающих стационарность состояния объекта. Ес-ли суммарное влияние контролируемых управляющих воздействий превышает сумму не-контролируемых возмущающих воздействий (помех), то мы можем говорить о стабильном состоянии системы. Если суммарное воздействие внешних и внутренних возмущений си-стемы выше, а траектория точки,

описывающей поведение системы, отклоняется от заданно-го вектора развития, то система переходит в состояние транзита. В общем случае управляю-щие и возмущающие воздействия могут описываться определенными функциями.

При моделировании систем управления сложными социальными объектами, основ-ная задача состоит в идентификации операторов системы. Под оператором мы понимаем внутренние законы, по которым происходит изменение состояний системы. Они определя-ют результат воздействий, и в итоге то состояние, к которому стремится система. Выделим две основные задачи: структурную и параметрическую идентификацию. В процессе струк-турной идентификации необходимо определить вид оператора объекта, а в процессе пара-метрической идентификации выявить показатели и их величины. Блок вопросов, которые, вероятно, следует обозначить при разработке модели образовательной системы в транзитив-ном состоянии касается, прежде всего, общего механизма транзита, внутренней структуры, базисных и производных характеристик процессов, которые лежат в основе трансформации. Мы считаем, что необходимо отразить в модели источники трансформации, т.е. противоре-чия и обозначить те структуры, которые позволят нам рассмотреть фактор и сами механизмы развития.

Модель системы фундаментальной подготовки в общем виде можно записать как вы-ражение, характеризуемое выходным вектором состояния системы, зависящим от суммарно-го эффекта возмущений и вектора управления. При этом, при моделировании системы, сле-дует помнить, что воздействия, также, как и переменные состояния, могут быть наблюда-е-мыми и ненаблюдаемыми (оцениваются по косвенным признакам, выражаемым изменением переменных).

В качестве внешних факторов мы рассматриваем: тенденции развития отраслей про-мышленности; изменения в социокультурной и экономической сферах; направления транс-формации научно-инженерной картины мира, изменения в структуре мирового информаци-онного пространства. В качестве внутренних факторов содержание обучения, личностные характеристики субъектов, традиции кафедры, материально-техническое обеспечение про-цесса обучения, используемые в процессе обучения ресурсы, квалификацию преподавате-лей.

Сформулируем задачи, которые должны быть решены в результате реализации моде-ли фундаментальной подготовки: обеспечение условий для стабилизации всей системы об-разования, устранение дестабилизирующих воздействий, внедрение в систему образования операторов, способных, координировать векторы развития локальной образовательной си-стемы и социума в целом.

Условием стабилизации системы является нахождение механизмов преодоления кри-зисных состояний. Одним из таких механизмов является внедрение технологии on-line обу-чения. Способность к самостоятельному присвоению знаний сегодня является одной из важнейших компетенций, определяющих профессиональную успешность выпускника. Воз-можности самообразования расширяются в компьютерно-информационной среде. Анализ виртуального информационного пространства как фрейма современного информационно-коммуникационного образовательного пространства, наглядно демонстрирует зарождение нового образовательного института. Цифровое информационное пространство переживает стадию трансформации, в рамках которой зародилась и развивается особая альтернативная система накопления и распространения знаний. Информатизация технического образования не должна быть ориентирована на простое расширение информационного поля, а на исполь-зование резервов техники продуцирования индивидуально-личностного и социально-культурного опыта человече-

ства.

То есть задачей современной системы образования становиться не столько передача знаний от предыдущих поколений к новому, сколько передача опыта поиска информации и трансформации её в новое знание. Важно отметить, что новые знания должны отвечать за-просам общества и практического применения.

Мы считаем, что наиболее продуктивным средством прогнозирования направления развития системы подготовки в техническом вузе является анализ векторов развития соот-ветствующих профессиональных областей, изучение предпочтительных векторов движения отдельных индивидов и рассмотрение системы образования как механизма реализации обо-значенных целей.

Наиболее остро сегодня стоит проблема внедрения в учебный процесс актуальной профессионально-технической информации. Источником такой информации являются раз-личные государственные учреждения, ведущие разработчики программного обеспечения и предприятия отрасли, а также профессионально-технические сообщества.

Технические направления подготовки в Сибирском государственном университете путей сообщения связаны с двумя основными отраслями – строительной и машиностроен-тельной. Оба направления переживают стадию принципиальной реконструкции технологий проектирования и производства. На современном этапе происходит глобальный переход всей технологии на цифровые средства создания, хранения и анализа всей проектной и тех-нологической документации. Развивается технология удаленного управления технологиче-скими процессами. Содержание дисциплин фундаментального цикла должно коррелировать с этими изменениями. Внедрение в содержание графических дисциплин цифрового моде-лирования и элементов проектной деятельности с распределенной организацией задач – один из важнейших элементов подготовки всей системы обучения к новому этапу развития.

Кроме того, социум находится сегодня в стадии начала «электронной эволюции». Носова С.С. в своем исследовании отмечает, что дальнейшее развитие цифровых техноло-гий будет неизбежно изменять личность (Носова, 2014. С. 127). Поколения студентов назы-вают «сетевым поколением», впитавшим способы поиска информации в цифровом про-странстве, как говорится, с молоком матери. Электронные средства коммуникации – неотъ-емлемая составляющая их жизни. Не секрет, что студенты предпочитают цифровые учебные ресурсы, бумажным. Поэтому создание поля образовательных медиаресурсов, адекватных современным требованиям к ним одна из первостепенных задач стабилизации состояния всей системы обучения.

Для её решения необходимо развивать электронную учебно-методическую базу, со-здавать точки доступа к актуальной инженерно-технической информации, разрабатывать электронные учебные пособия, внедрять элементы on-line обучения.

Согласно проведенным исследованиям для стабильного функционирования системы фундаментальной подготовки студентов технического вуза, внутренний информационный контур должен создавать условия для эффективного взаимодействия обучающихся с инфор-мацией, размещенной во внешнем информационном контуре. Формировать локальную ин-формационную среду следует на основе принципов достоверности, открытости, интегра-тивности, педагогической целесообразности, актуальности и многомерности.

Заключение

В Сибирском государственном университете путей сообщения был проведен целый ряд мероприятий по созданию цифрового информационного пространства нового типа. Проведены теоретические исследования, направленные на изучение особенностей образова-тель-

ного поля инженерно-графической подготовки студентов. Сотрудниками кафедры раз-работаны научно-обоснованные методические рекомендации по формированию информа-ционного образовательного пространства (Болбат, Андрюшина, Сергеева, Щербакова, 2021). Обозначены наиболее критические ошибки системы, проведены исследования проблемных зон, изучены пути решения проблем. Разработан комплекс мероприятий по внедрению эле-ментов электронного обучения. Отдельные исследования сотрудников кафедры посвящены особенностям использования электронного обучения при создании онлайн ресурсов для раз-личных групп учебных дисциплин. В ходе работы над исследованием созданы цифровые учебные пособия и онлайн курсы по графическим дисциплинам, электронный модульный депозитарий учебно-методических пособий по графических дисциплинам. Организован до-ступ студентов к учебным материалам.

Теперь наши студенты имеют возможность формирования собственной образователь-ной траектории, с использованием интерактивных возможностей цифровых пособий. Все это обеспечивает успешность обучения. Работа над данным проектом доказала, что усилия, направленные на целенаправленную реструктуризацию системы обучения, приносят поло-жительные результаты. Кафедра успешно преодолевает переходный этап трансформации, и является сегодня одним из лидеров инноваций в области инженерно-графической подготов-ки. Внедрение цифрового учебного контента в учебный процесс способствует развитию но-вых образовательных технологий и современных форм обучения. Интенсивное развитие он-лайн ресурсов способствует решению многих педагогических задач, которые сложно или невозможно решить традиционными методами преподавания. Работа над проектом еще про-должается, однако те результаты, которые уже достигнуты, позволяют говорить о том, что мы двигаемся в правильном направлении.

Список источников / References

Андреева А. Д. Транзитивность образовательной среды современной российской школы как психолого-педагогическая проблема. // Научный диалог. 2018. № 4. С. 292–306.

Антонов Н. В., Бражник Е. И., Гибадуллина Ю. М. [и др.] Педагогическая деятель-ность в современном образовательном пространстве // Вестник ТОГИРРО. 2021. № 1(46). С. 1–192.

Бакшутова Е. В., Рулина Т. К. Социокогнитивная транзитивность социальных пред-ставлений о жизненной реальности (русскоэтничная молодежь мегаполиса) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3(29). С. 93–98.

Болбат, О. Б., Андрюшина Т. В. Использование электронных учебных пособий в об-разовательном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-1(53). С. 91-95.

Девисилов, В. А. Портфолио и метод проектов как педагогическая технология моти-вации и личност-

Andreeva A. D. Transitivity of the educational environment of the modern Russian school as a psychological and pedagogical problem. Nauchnyj dialog = Scientific dialogue. 2018. No. 4. P. 292–306. (In Russ.)

Antonov N. V., Brazhnik E. I., Gibadullina Yu. M. [et al.] Pedagogical activity in the mod-ern educational space. Vestnik TOGIRRO. 2021. No. 1(46). P. 1–192. (In Russ.)

Bakshutova E. V., Rulina T. K. Sociocognitive transitivity of social ideas about life reality (Russian-ethnic youth of the metropolis). Vektor nauki

Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universi-teta = Vector of Science of Togliatti State University. 2014. No. 3(29). P. 93–98. (In Russ.)

Bolbat, O. B., Andryushina T. V. The use of electronic teaching aids in the educational pro-cess. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of the Hu-manities and Natural Sciences. 2021. No. 2-1(53). P. 91-95. (In Russ.)

но ориентированного обучения в высшей школе // Высшее образование се-годня. 2009. № 2. С. 29–34.

Деев М.В. Конвергентный подход к актуализации образовательных программ и кон-тента для развития экосистемы образования в условиях перехода к цифровой экономике / М. В. Деев, Л. А. Гамидуллаева, А. Г. Финогеев, А. А. Финогеев // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2020. – № 3(35). – С. 84–101.

Ермошкин Э. В. К вопросу о переподготовке кадров в период цифровой трансформа-ции общества / Ермошкин Э. В. // Актуальные проблемы совершенствования высшего обра-зования: тезисы докладов XIV всерос. научно-методической конференции. Ярославль, Фи-лигрань, 2020. С. 93–95.

Козырева, П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6(410). С. 66-78.

Кречетова, Г. А. Проблема цифровой трансформации высшего образования // The Scientific Heritage. 2021. № 73-3(73). С. 14–17.

Кульжанова, Г. Т. Социально-философский подход к концептуализации общества знания // Chronos: общественные науки. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 41–45.

Нарыкова С.П., Самойлов С.Ф. Власть в транзитивном обществе: теоретическое кон-струирование понятийного ряда. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Со-циология. Культура. 2014. № 3 (44). С. 16–23.

Носова С.С. Поколение "Y" в контексте сетевого информационно-коммуникативного общества. // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 126-128

Петухова А. В. Образовательное пространство кафедры графического цикла в усло-виях глобальной цифровизации образования. // Профессиональное образование в современ-ном мире. 2019. Т.9. №2. С. 2786–2795.

Поляруш, А. А. Фундаментализация образования как ответ на вызовы современного состояния общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-1(49). С. 124–126.

Сергеева И.А., Щербакова О.В. Электронный депозитарий задач и заданий как со-временная форма организации учебной деятельности студента // Актуальные проблемы мо-дернизации высшей

Devisilov, V. A. Portfolio and project method as a pedagogical technology of motivation and personality-oriented learning in higher education. Vysshee obrazovanie segodnya = Higher edu-cation today. 2009. No. 2. P. 29–34. (In Russ.)

Deev M.V. Deev M. V., Gamidullaeva L. A., Finogeev A. G., Finogeev A. A. Convergent approach to updating educational programs and content for the development of the education eco-system in the context of the transition to a digital economy. Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, systems, networks in the economy, technology, nature and society. - 2020. - No. 3(35). – P. 84–101. (In Russ.)

Ermoshkin E. V. On the issue of retraining personnel during the period of digital transfor-mation of society. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: tezisy dokla-dov XIV vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii = Actual problems of improving higher education: abstracts of reports of the XIV All-Russian. scientific and methodological conference. Yaroslavl, Filigree, 2020. P. 93–95. (In Russ.)

Kozyreva, P. M., Smirnov A. I. Life in conditions of uncertainty of a crisis society: experi-ence and expectations. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research. 2018. No. 6(410). P. 66-78. (In Russ.)

Krechetova, G. A. The problem of digital transformation of higher education. The Scientific Heritage. 2021. No. 73-3(73). P. 14–17. (In Russ.)

Kulzhanova, GT Socio-philosophical approach to the conceptualization of the knowledge so-ciety. Chronos: obshchestvennye nauki = Chronos: social sciences. 2021. V. 6. No. 2(22). P. 41–45. (In Russ.)

Narykova S.P., Samoilov S.F. Power in a transitive society: theoretical construction of a con-ceptual series. POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura. = SEARCH: Policy. Social science. Art. Sociology. Culture. 2014. No. 3 (44). P. 16–23. (In Russ.)

Nosova S.S. Generation "Y" in the context of the network information and communication society. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education. 2014. No. 2 (81). P. 126-128. (In Russ.)

Petukhova A. V. Educational space of the department of graphic cycle in the conditions of global digitalization of education. Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the

школы: высшее образование в информационном обществе. Материалы XXXII Международной научно-методической конференции, Новосибирск, 2021. С. 426-430.

Ткачев, В. Н. Экспромт на тему проблем образования // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2-1(116). С. 66–72.

Чанкаева, Д. С. Цифровые технологии в образовании: состояние и перспективы раз-вития // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. Т. 16. № 1(19). С. 22–28.

Федотова М.Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. 2010. №1(4). С. 28–31.

modern world. 2019. V.9. No. 2. P. 2786–2795. (In Russ.)

Polyarush, A. A. Fundamentalization of education as a response to the challenges of the cur-rent state of society. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 10-1(49). P. 124–126. (In Russ.)

Sergeeva I.A., Shcherbakova O.V. Electronic depository of tasks and assignments as a mod-ern form of organization of student's educational activity. Aktual'nye problemy modernizacii vysshej shkoly: vysshee obrazovanie v informacionnom obshchestve. Materialy XXXII Mezhdu-narodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii = Actual problems of modernization of higher educa-tion: higher education in the information society. Proceedings of the XXXII International Scientific and Methodological Conference, Novosibirsk, 2021. P. 426-430. (In Russ.)

Tkachev, V. N. Impromptu on the topic of education problems. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal. 2022. No. 2-1(116). pp. 66–72. (In Russ.)

Chankaeva, D.S. Digital technologies in education: current state and development prospects. Vestnik GGNTU. Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki = Vestnik GGNTU. Humanitari-an and socio-economic sciences. 2020. V. 16. No. 1(19). P. 22–28. (In Russ.)

Fedotova M.G. On the content of the concept of "transitive society". Vestnik vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities. 2010. No. 1(4). P. 28–31. (In Russ.)

Сведения об авторе

Петухова Анна Викторовна,
преподаватель вуза, канд. пед. наук, доцент кафедры Графика» Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС), доцент кафедры «Инженерная и компьютерная графика» Новосибирского государственного архи-тектурно-строительного университета, г. Новосибирск, 630089, ул. Д. Ковальчук, 191, Рос-сия,
e-mail: petukhovaav@yandex.ru

Вклад автора

Петухова А.В. выполнила исследовательскую работу, провела обобщение и анализ полученных результатов, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Information about the author

Petukhova Anna V.
university lecturer, Ph.D. ped. Sci., Associate Professor of the De-partment of Graphics, Siberian State University of Communications (SGUPS), Associate Professor of the Department of Engineering and Computer Graphics, Novosibirsk State University of Archi-tecture and Civil Engineering, Novosibirsk, 630089, st. D. Kovalchuk, 191, Russia,
e-mail: petukhovaav@yandex.ru

Contribution of the author

Petukhova A.V. carried out research work, summarized and analyzed the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright on the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest. The author has read and approved the final version of the manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Педагогические науки

Оригинальная статья
УДК 37

Необходимость повышения финансовой грамотности Школьников в регионе

Елена Павловна Рошко[1]
ФГБУН ВолНЦ «Российской академии наук», г. Вологда, Россия

Аннотация: *Статья посвящена обсуждению проблематики повышения финансовой грамотности школь-ников через описание существующих образовательных программ, включенных в систему дополнительного образования. В данном контексте целью статьи является обобщение осу-ществляемых в Вологодской области образовательных программ по финансовой грамотно-сти для школьников. Особое внимание в статье уделяется истории появления «финансовой грамотности», подходам к определению понятия «финансовая грамотность» и первым ис-следованиям. Проведен обзор результатов международных сравнительных исследований финансовой грамотности среди взрослых, проводимых Организацией экономического со-трудничества и развития (OECD) и Международной сетью по финансовому образованию (INFE). В статье также представлены результаты исследования по финансовой грамотности 15-летних школьников, проводимых Международной программой по оценке образователь-ных достижений учащихся (PISA) и обучающихся 10 академического класса МОУ «СОШ №13» г. Вологды. Проведен обзор авторского элективного курса «Финансовая грамотность для школьников», реализуемый в рамках системы дополнительного образования на базе Научно-образовательного центра Вологодского научного центра Российской академии наук в городе Вологда. Материалы статьи могут быть полезны как педагогам основного образо-вания и дополнительного образования, так и исследователям, занимающимся изучением проблем финансовой грамотности населения.*

Ключевые слова: *Финансовая грамотность, финансовое образование, школьники, исследование, научно-образовательный центр, элективный курс.*
Для цитирования: *Рошко Е.П. Необходимость повышения финансовой грамотности школьников в регионе // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 57 –67.*

Pedagogical Sciences

Original article

The need to improve financial literacy of schoolchildren in the region

Elena P. Roshko
FGBUN VolSC "Russian Academy of Sciences", Vologda, Russia

Abstract: *The article is devoted to the discussion of the problems of improving financial literacy of school-children through the description of existing educational programs included in the system of addi-tional education. In this context, the purpose of the article is to summarize the educational programs on financial literacy for schoolchildren carried out in the Vologda region. Special attention is paid in the article to the history of the emergence of "financial literacy", approaches to the definition of the concept of "financial literacy" and the first research. The results of international comparative studies of financial literacy among adults conducted by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) and the International Network for Financial Education (INFE) are reviewed. The article also presents the results of a study on financial literacy of 15-year-old schoolchildren conducted by the International Program for the Assessment of Educational Achievements of Stu-dents (PISA) and students of the 10th academic class of the MOE "Secondary School No. 13" in Vologda. The review of the author's elective course "Financial literacy for schoolchildren", imple-mented*

[1] © Рошко Е. П.

within the framework of the system of additional education on the basis of the Scientific and Educational Center of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in the city of Vologda, is carried out. The materials of the article can be useful for both teachers of basic education and additional education, as well as researchers studying the problems of financial literacy of the population.

Keywords: *Financial literacy, financial education, schoolchildren, research, scientific and educational center, elective course.*

For citation: *Roshko E.P. The need to improve financial literacy of schoolchildren in the region // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 57-67.*

Введение

Жизненный цикл любого человека включает определенные события, к которым необходимо подойти финансово подготовленным: это получение образования, создание се-мьи, рождение детей, покупка квартиры, дома или земельного участка, пенсия и другие. С января 2021 года по 29 ноября 2021 года жертвами мошенников стали 1911 человек, прожи-вающих на территории Вологодской области, общий ущерб составил 239 млн. 492 тыс. 646 руб. Понимая теперь, что финансовая грамотность неотделима от человека как многоком-понентного фактора развития, современная реальность диктует создание системного и ком-плексного подхода при разработке разных программ по повышению финансовой грамотно-сти населения (Гарцуева, 2017. С. 93, 94). Считается: чем раньше «будущие взрослые» узна-ют обо всех особенностях финансовой жизни, тем больший положительный эффект они да-дут для развития экономики (Белехова, Разварина, 2019. С. 2). Во всех развитых странах действуют разнообразные программы и стратегии по повышению финансовой грамотности населения. Особое внимание уделяется категории школьников всех возрастов. Связующей целью, которых является не только повышение финансовой грамотности индивида, но и экономического благополучия своей страны.

Финансовая грамотность как предмет исследования имеет довольно богатую исто-рию, первоначально это были общие исследования, которые проводились отдельными ино-странными группами ученых: C.M. Dane, F.W. Langrer, E. Larson и T.K. Hira. Однако относи-тельно недавно повышение финансовой грамотности было названо международной задачей, и исследования получили повсеместное распространение (Судакова, 2017. С. 1567), затро-нув разные группы населения.

Аспекты финансового поведения школьников раскрывают зарубежные исследовате-ли: Дж. Кейнс, К. Поланьи, Д. Рикардо, М. Фридмаа, Ф. Хайек, Й. Шумпетер и отечествен-ные: Т.Ю. Богомолов, Ю.Ю. Волков, Л.М. Григорьева, А.В. Каравай, П.М. Козырев, Р.Т. Насибуллина, Л.А. Пресняков, В.В. Радаев, Г.Г. Силласте, В.С. Тапилин, А.И. Фатихова . Ученые Г.С. Ковалева, Е.Б. Лавренова, А.Ю. Лазебникова, Е.Л. Рутковская уделяют внимание проблеме формирования финансовой грамотности учащихся. Учебно-методическому обеспечению формирования финансовой грамотности учащихся посвящены работы Е.И. Давыдовой, Г.Э. Королёвой, А.В. Половниковой, Е.А. Седовой, О.А. Французовой. Региональному опыту апробации учебно-методического комплекса - ра-боты Н.Н. Алымовой, О.С. Андреевой, И.С. Вашуковой, Н.В. Волжениной, С.И. Змиевой, Н.Г. Калашниковой, Л.А. Кошелевой, Т.В. Кучеренко, М.Ю. Шевякова .

Все ученые сводятся к одному мнению, что для решения проблемы формирования у населения культуры грамотного финансового поведения особое внимание следует уделять именно школьникам. Обусловлено это тем, что детей легче научить, чем переучивать во взрослой жизни.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00811
The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 19-010-00811

[3] УМВД России по Вологодской области. URL: https://vk.com/mvd35?z=photo-71669964_457275987%2Falbum-71669964_00%2Frev (дата обращения 01.12.2021)

Они легче, чем взрослые, воспринимают новую информацию, усваивают ценности и модели грамотного финансового поведения. Заложив основы у подрастающего поколения, общество сделает существенный вклад в свое качество жизни на будущее.

Однако процесс разработки единой программы изучения финансовой грамотности осложняется и самим предметом, которая не является однозначно определенным феноме-ном . Формирование навыков финансовой грамотности у школьников будет эффективней, если будет изучаться в комплексе через разные формы: классно-урочную деятельность и внеурочную (элективные курсы, классные часы, факультативы). А также через совместные мероприятия, организуемые для школьников и их родителей.

Подходы к определению понятия «финансовая грамотность»

Первые исследования по финансовой грамотности появились относительно давно, работы выходили под названием «управление деньгами» (money management). Из наиболее ранних можно отметить исследования, проводимые Э. Ларсоном (1970 г.) и Ф.В. Лангрером (1979 г.). Э. Ларсон отмечал высокий уровень знаний аудитории в вопросах бюджетирова-ния личных финансов (Судакова, 2017. С. 1565). Исследование Ф. Лангрера проводилось в состоянии, требующем потребительского просвещения всех студентов, чтобы увидеть, из-менились ли уровни компетентности и отношения к бизнесу. Он отмечал, что студенты имеют низкий уровень финансовой грамотности, особенно в отдельных ее аспектах, таких как личный заработок, потребительское кредитование, инвестирование. Ф.В. Лангрер при-шел к выводу о введении обязательного преподавания потребительского образования в средних школах (Langrehr, 1979).

Из наиболее фундаментальных исследований по оценке уровня финансовой грамот-ности можно выделить работу С.М. Дэйнс и Т.К. Хира (1987 г.) , которые указывают на необходимость включения соответствующего предмета на всех уровнях образования, при этом отмечают средний уровень финансовой грамотности. Такой же результат был получен при проведении цикла исследований Jumpstart Coalition (1997, 2000, 2009 гг.) (Судакова, 2017. С. 1565). Таким образом, тема недостаточного уровня знаний и навыков в отношении личных финансов возникала из более практически ориентированных проблем.

В конце 1990-х гг. стало понятно: чтобы, используя собранные данные, основательно говорить об уровне финансовой грамотности населения, необходимо перейти от измерения частных разрозненных индикаторов к системе взаимосвязанных показателей финансовой грамотности, обоснованных теоретически (Гарцуева, 2017. С. 96). Первоначально анализ определений был проведен Хьюстоном С. Дж. , который на основе анализа 71 исследования, аккумулированных из 52 баз данных, выделил некоторые исходные определения, относящи-еся к финансовой грамотности (Судакова, 2017. С. 1564):

1. Личная финансовая грамотность –

[4] Лазебникова А.Ю. Практическая реализация задачи повышения финансовой грамотности школьников: состоя-ние и проблемы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т.1. № 2 (37). С. 22-30.

[5] Научный и информационно-аналитический педагогический журнал «Отечественная и зарубежная педагогика». 2017. Т.1, №2 (37). URL: http://ozp.instrao.ru/images/nomera/Pedagogika_2_37_2017.pdf

[6] Маринина Е.В., Моисеева Д.В., Плешакова И.Г. К вопросу об оценке эффективности образовательных про-грамм по повышению финансовой грамотности школьников // Школа - ВУЗ: проблемы и перспективы развития.
Материалы VI Региональной научно-практической конференции. Под редакцией И.Л. Гоника. 2019. 21 с

[7] Larson E.B. A comparison of personal finance understandings of high school students. Business Education Forum, 1970, vol. 25, pp. 40–41.

[8] HDanes S.M., Hira T.K. Money Management Knowledge of College Students. Journal of Student Financial Aid, 1987, vol. 17, iss. 1, pp. 4–16.

[9] https://www.jumpstart.org/

[10] Huston S.J. Measuring Financial Literacy. The Journal of Consumer Affairs, 2010, vol. 44, no. 2, pp. 296–316.

способность осваивать, анализировать, управ-лять и обмениваться информацией о личных финансовых обстоятельствах, которые влияют на материальное положение. Она включает способность различать альтернативные финан-совые предложения, обсуждать денежные и финансовые вопросы без дискомфорта (или не-смотря на его наличие), планировать будущее и компетентно реагировать на жизненные об-стоятельства, которые влияют на повседневные финансовые решения, включая события в экономике в целом.

2. Финансовая грамотность – это базовые знания, которыми люди должны обладать, чтобы выжить в современном обществе.

3. Финансовая грамотность имеет отношение к личной способности понимать фи-нансовые термины и пользоваться ими.

4. Финансовая грамотность – это способность эффективно использовать знания и навыки по управлению финансовыми ресурсами для достижения долгосрочной финансовой стабильности или долгосрочного финансового благополучия (Гарцуева, 2017. С. 96).

Члены организации экономического сотрудничества и развития (OECD) определяют финансовую грамотность, как комбинацию осведомленности, знаний, навыков, установок и поведения, которые необходимы для принятия правильных финансовых решений и в ко-нечном счете для достижения индивидуального финансового благополучия .

В рамках исследования международной программы по оценке образовательных до-стижений учащихся (PISA) финансовая грамотность определяется, как знание и понимание финансовых понятий, рисков, а также навыки, мотивация и уверенное применение таких знаний для принятия эффективных решений, направленное на улучшение финансового бла-госостояния человека и общества, обеспечивающее участие в экономической жизни .

Рассмотрев понятия «финансовой грамотности», можно сказать, что по сути они мало различаются между собой. Во всех определениях речь идет о навыках и знаниях в области финансов, которые должны применяться в повседневной жизни человека, приносить поло-жительные финансовые результаты как для благополучия домохозяйства, членом которого является индивид, так и для экономики страны. Таким образом финансовая грамотность – это не только дополнительные знания и навыки для тех, кто хочет улучшить свое матери-альное благосостояние, а существенные и необходимые компетенции по развитию экономи-ки страны в целом.

Обобщая вышеизложенное, повышение роли личной ответственности за собственные финансовые решения, делает проблему повышения финансовой грамотности еще более зна-чимой (Гарцеева, 2017. С. 103).

Международные и отечественные исследования уровня финансовой грамотности

В начале 21 века большинство стран включилось в работу по повышению финансо-вой грамотности населения и его финансовому просвещению. Финансовое образование ста-ло важным дополнением к рыночному поведению и пруденциальному регулированию, улучшение индивидуального финансового поведения человека стало долгосрочным прио-ритетом политики во многих странах.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) и ее Международная сеть по финансово-му образованию (INFE) занимает лидирующие позиции по

[11] Measuring financial literacy: Questionnaire and guidance notes for conducting an internationally comparable survey of financial literacy. Paris: OECD, 2011.

[12] HPISA. Финансовая грамотность. Отчет по результатам международного исследования PISA-2018. Москва 2020, С. 65. URL:https://fioco.ru/Media/Default/Documents/%D0%9C%D0%A1%D0%98/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%A4%D0%93%20PISA-2018.pdf (дата обращения 15.11.2021)

проведению исследований по финансовой грамотности.

В 2016 году ОЭСР опубликовала результаты международного сравнительного иссле-дования финансовой грамотности 30 стран и экономик. Было опрошено 51 650 взрослых в возрасте от 18 до 79 лет. По результатам исследования средняя оценка финансовой грамот-ности составила 13,2 баллов из максимальных 21. Россия заняла 25 место из 30 получив 12,2 балла (Atkinson, Messy, 2016).

По методике предыдущего международного сравнительного исследования с 2014-2016 гг. были опрошены страны G20 в количестве 101 596 человек из 21 страны. По резуль-татам исследования средняя оценка финансовой грамотности по странам - 12,7 баллов из 21. В России опрос был проведен Национальным агентством финансовых исследований (НА-ФИ) в 2015 г., инициатором выступил Минфин в рамках Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ». По итогам исследования Россия заняла 11 место, получив 12,2 балла (Atkinson, Messy, 2017).

В 2020 году 26 стран и экономик на трех континентах (Азия, Европа и Латинская Америка), включая 12 стран-членов ОЭСР приняли участие в международном исследовании финансовой грамотности, используя обновленный Инструментарий ОЭСР / INFE 2018. Ис-следование показало, что финансовая грамотность низкая во всех странах, включенных в выборку. Средний балл составил 12,7 из 21. Большинство стран (15) получили оценку между 12 и 14 баллами. Всего было опрошено 125 787 человек. Россия по данным исследования оказалась на 13 месте, получив 12,5 баллов (Atkinson, Messy, 2020).

Также в 2020 году ОЭСР было проведено исследование среди 17 европейских стран. По результатам исследования средняя оценка финансовой грамотности по странам - 12,6 баллов из 21. Среди стран, участвующих в исследовании, России заняла 9 место в рейтинге, получила 12,5 баллов. Словения (14,7 баллов) и Австрия (14,4 балла) – стали лидерами в опросе, получив наибольшее количество баллов. Меньше всего баллов у Румынии (11,2 бал-ла) и Италии (11,1 балла) .

Респондентами, выше указанных исследований ОЭСР, стали люди в возрасте от 18 лет до 79. По результатам всех сравнительных исследований, проводимых OECD и INFE средняя оценка по странам: чуть выше половины, этого недостаточно, чтобы население страны считать финансово грамотным. Не следует забывать, что и сам рынок финансовых услуг должен постоянно развиваться и адаптироваться. В связи с этим, важно сформировать у населения всех стран культуру финансового доверия (Белехова, Барсуков, 2020). В насто-ящее время во многих странах повышение финансовой грамотности является одним из са-мых важных и значимых элементов общей государственной экономической и социальной политики.

Разработкой новых программ по повышению финансовой грамотности, в основном занимаются специальные государственные ведомства или организации, финансируемые государством (Шибаев, Шадрина, 2015. С. 27). Важно отметить, что методики по изучению финансовой грамотности, широко используемые как в России, так и за рубежом, были раз-работаны при непосредственном участии профессора НИУ «Высшая школа экономики»

[13] OECD/INFE Россия заняла 9-е место по уровню финансовой грамотности среди европейских стран // Много-профильный аналитический центр НАФИ. М., 2020. URL: https://nafi.ru/analytics/rossiya-zanyala-9-e-mesto-po-urovnyu-finansovoy-gramotnosti-sredi-evropeyskikh-stran/ (дата обращения:16.11.2021)

[14] URL: https://nafi.ru/projects/finansy/deti-i-finansy-2-0-bezopasnost-sberezheniy-i-raschetov-/

[15] URL: https://fioco.ru/pisa

[16] URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/%D0%9C%D0%A1%D0%98/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%A4%D0%93%20PISA-2018.pdf

[17] URL: https://vashifinancy.ru/upload/iblock/58c/58cd4b647f3db00fbb58c50b6ab7a952.pdf

[18] URL: http://www.centeroko.ru/pisa12/pisa12_pub.html

О. Е. Кузиной. Если можно так выразиться, О. Е. Кузина нарисовала картину финансовой гра-мотности населения России широкими мазками, оставив проработку отдельных моментов другим исследователям. В эту работу активно включились и специалисты Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) , которые также регулярно проводят исс-ле-дования по заказу Минфина России, Банка России и других государственных ведомств (Мо-исеева, Дулина, 2019).

Однако, общепризнанным мировым лидером в вопросах финансового образования и финансовой грамотности считается Организация экономического сотрудничества и разви-тия, разработавшая несколько важных политико-экономических документов и инструмен-тов, проводящая исследования и предоставляющая рекомендации в целях поддержки разви-тия национальных стратегий и целевых подходов к финансовому образованию (Аткинсон, Месси, 2018).

Также под эгидой ОЭСР с 2000 года проводится международная программа по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment). В исследовании принимают участие подростки 15-летнего возраста, получаю-щие обязательное основное общее образование. В исследовании финансовой грамотности школьников Российская Федерация принимает участие с 2012 года (проводится один раз в три года). Национальным центром проведения исследования PISA в РФ является ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования». Главная цель – определить, насколько готовы школьники стать частью финансовой системы, которая становится все бо-лее сложной и глобальной, а также какие особенности обучающихся связаны со знанием финансовых понятий и большей способностью принимать аргументированные решения.

В исследовании финансовой грамотности в 2018 году приняло участие 117 тысяч обучающихся, представляющих суммарную выборку 13,5 млн. 15-летних обучающихся из 20 стран. Среднее значение финансовой грамотности по всем странам – 478 баллов. Россия за-няла 10 место с результатом 495 баллов . В 2015 году Россия поднялась на 4 место из 15 стран с результатом 512 баллов , в 2012 году Россия была на 10 месте из 18 стран с резуль-татом 486 баллов .

Подтверждающим фактором недостаточной финансовой грамотности старших школьников в регионе является и проведенный сотрудниками Федерального государствен-ного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) в 2020/2021 учебном году в рамках формирующего экспери-мента по Smart – образованию опрос обучающихся 10 Академического класса МОУ «СОШ №13» города Вологды, занимающихся в Научно-образовательном центре РАН. Количество испытуемых составила 25 человек. Ряд вопросов онлайн-анкеты на платформе Google, каса-лись финансовой грамотности обучающихся: ведение и планирование бюджета, открытие банковского счета, использование безналичных платежных средств (банковская карта, ко-шелек, криптовалюта и т.д.), кредитных операций, инвестирования.

Данный опрос показал, что большинство школьников не испытывают трудности на практике использовать такие операции, как покупки в интернет-магазинах (68% - часто, 28% - редко, 4% - никогда), при оплате пользуются безналичными платежными средствами (84% - часто, 12% - редко, 4% - никогда), ведут личный бюджет (68% - часто, 32% - редко, 0% - никогда), планируют суммы средств на приобретение продуктов и услуг (76% - часто, 20% - редко, 4% - никогда).

Однако более сложные операции, такие как открытие банковского счета (36% - часто, 24% - редко, 40% - никогда) и ведение семейного бюджета (24% - часто, 24% - редко, 52% - никогда) за них осуществляют родители; про инвестирование и рабо-

ту фондового рынка слышали немногие – 32% испытуемых.

Следовательно, финансовая грамотность повсеместно признается необходимой для жизни компетенцией. Кроме того, надо учитывать тот факт, что дети знают о мире финансов гораздо больше, чем думают взрослые: они каждый день неосознанно оперируют ключевы-ми финансовыми понятиями и инструментами (Антонян, Имаева и др., 2017. С. 59). Многие привычки и предпочтения трудно изменить с возрастом, для школьников можно легко орга-низовать процесс обучения, в рамках школьных занятий возможно охватить все слои насе-ления, независимо от социально-экономического положения (Белехова, Разварина, 2019. С. 4). В рекомендациях Совета ОЭСР по принципам и лучшим практикам финансового обра-зования зафиксировано, что «финансовое образование должно начинаться в школе. Людей следует просвещать в финансовых вопросах как можно раньше» (OECD, Recommendation on Principles and Good Practices for Financial Education and Awareness, 2005).

Поэтому в настоящий момент правительственные и финансовые организации мира, а также коммерческие учреждения, косвенно связанные с миром финансов, реализуют раз-личные образовательные проекты (обучающие Интернет-порталы, семинары, тренинги, конкурсы, тематические площадки инклюзивного обучения и др.), которые позволят сфор-мировать у детей рациональное отношение к распоряжению денежными средствами в бу-ду-щем (Антонян, Имаева и др., 2017. С. 59).

Обзор образовательных программ по финансовой грамотности для школьников в России на примере Вологодской области

В 2011 году Правительством Российской Федерации совместно с Международным банком реконструкции и развития и Министерством финансов было принято решение о ре-ализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» . С 2015 г. в России дей-ствует совместная программа Министерства финансов и Всемирного банка по созданию консультационных центров по финансовой грамотности. В 2017 г. Центробанком Мини-стерством образования и науки была подписана «Дорожная карта мероприятий по включе-нию финансовой грамотности в программы российских образовательных организаций» , а также утверждена Правительством РФ «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы» .

С тех пор стали регулярно проводиться разные мероприятия по повышению финан-совой грамотности, например, конкурсы школьных и студенческих работ; Всероссийская неделя сбережений; Семейный финансовый фестиваль и другие. Стали действовать сетевые ресурсы, например, сайт и газета «Дружи с финансами», «Финансовая культура», «Хочу. Могу. Знаю» и др.

13 ECD/INFE Россия заняла 9-е место по уровню финансоPISA. Финансовая грамотность. Отчет по результатам международного исследования PISA-2018. Москва 2020, с. 65. URL:https://fioco.ru/Media/Default/Documents/%D0%9C%D0%A1%D0%98/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%A4%D0%93%20PISA-2018.pdf (дата обращения 01.11.2021)

14 UСодействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развития финансового образования в Российской Федерации // Официальный сайт Минфин России. URL.: https://minfin.gov.ru/ru/om/fingram/ (дата обращения 01.11.2021)

16 Дорожная карта мероприятий по включению финансовой грамотности в программы российских образователь-ных организаций. URL: https://m.minfin.gov.ru/common/upload/DK_NS.pdf (дата обращения 12.11.2021)

17 Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы // Официальный сайт Минфин России. URL.: https://minfin.gov.ru/ru/om/fingram/directions/strategy/ (дата обращения 12.11.2021)

18 URL: https://scientificrussia.ru/articles/kak-gramotno-upravlyat-svoimi-dengami

18 URL: https://fincult.info/articles/ https://scientificrussia.ru/articles/kak-gramotno-upravlyat-svoimi-dengami

18 URL: https://vk.com/public193997141

18 URL: http://noc.volnc.ru/

Инициатором выступило государство через привлечения к ее реализации го-сударственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, финансовых организаций, общественных и частных организаций и других заинтересованных сторон. Например, Банк России с 2012 года по всей стране ведет системную работу по выработке и реализации образовательных моделей и программ повышения уровня финансовой грамот-ности, создан специальный сайт «Финансовая культура» , где представлены темы для изу-чения финансовой грамотности как самостоятельно, так и в помощь для преподавателей (справочные, методические и обучающие материалы: текстовые файлы, вебинары и видео-лекции).

Мероприятия по финансовому просвещению организуемые АОУ ВО ДПО «Вологод-ским институтом развития образования» проводятся в течение года для всех возрастных групп от дошкольников до пенсионеров. Информационной площадкой является группа Вконтакте «По ступенькам финансовой грамотности» , на стене которой ежедневно выкла-дываются новости и объявления о проводимых Всероссийских и Региональных меропри-я-тий по повышению уровня финансовой грамотности населения, обучающие видео-лекции, словарь терминов по финансовой грамотности. В помощь охвата большей численности населения выступают опорные образовательные организации Вологодской области по фор-мированию финансовой грамотности. Курирует координационный совет по повышению финансовой грамотности населения Вологодской области.

Подобная деятельность в Вологодской области реализуется также Научно-образовательным центром ФГБУН ВолНЦ РАН с 2010 года через элективные курсы по финансовой грамотности.

Курс ориентирован на школьников 5 - 8 классы. Цель курса: развитие у школьников экономического образа мышления, освоение ими базовых экономических и финансовых по-нятий и компетенций, формирование у них навыков грамотного потребления и взаимодей-ствия с финансовыми организациями, приобретение школьниками опыта применения полу-ченных знаний и умений для решения элементарных вопросов в области экономики семьи. Образовательный процесс организован на основе комплексного подхода по схеме «дети-родители-педагоги». Отличительной особенностью данного курса является его компакт-ность (18 часов), благодаря чему он может быть достаточно просто встроен в школьные про-граммы по обществознанию или экономике. Принципы обучения: доступность восприятия предлагаемого к изучению материала, основанная на анализе реальных жизненных ситуа-ций и учете психологических особенностей развития детей данного возраста; стимулирова-ние инициативы и раскрытие творческих способностей обучающихся; комплексный и си-стемный подход к обучению, предусматривающий полноту, глубину и логику раскрытия информации (Белехова, Разварина, 2019. С. 10).

В связи с потребностью большего охвата детского населения, коллективом Научно - образовательного центра в 2016 году дополнительно была разработана мобильная версия элективного курса «Финансовая грамотность» для 5 - 7 классов - «Школы финансовой гра-мотности». Она работает в выездном режиме, позволяет в экспресс-форме (продолжитель-ность 5 часов) ознакомить школьников с азами финансовой грамотности и закрепить прой-денный материал в игровой форме. Следует отметить, что «Школа финансовой грамотно-сти» стала одним из победителей конкурса РАН 2016 года на лучший проект в области по-пуляризации научных знаний для школьников «Школа юных ученых». Благодаря этому проект был реализован на базе двух общеобразовательных учреждений г. Москвы в ноябре 2016 года, получил высокие оценки,

а также прошел успешную апробацию в общеобразова-тельных организациях г. Вологды в 2016–2017 учебном году (Белехова, Разварина, 2019. С. 10).

Заключение

Масштаб и увеличение большого количество программ повышения финансовой гра-мотности свидетельствуют о больших надеждах, что наше общество станет финансово гра-мотным в будущем за счет обучения школьников. Финансовое образование должно быть адаптировано и проводиться таким образом, чтобы ориентироваться на определенные фи-нансовые отношения, характерные для каждого отдельного региона (Jorgensen, Foster and others, 2017). Таким образом применение современных образовательных технологий позво-лит добиться повышения качества образования в целом (Рябикин, 2012). Также важно при-влекать опытных специалистов в области финансов.

Многолетняя образовательная практика Научно-образовательного центра по разви-тию исследовательской компетенции и обучению школьников финансовой грамотности также в ближайшем будущем может позволит выработать уникальную модель работы, кото-рая будет включать в себя разнообразные формы работы со школьниками (Сухарева, Кула-кова, 2018).

Финансовые знания имеют значение не сами по себе, а в той мере, в какой они влия-ют на финансовое поведение человека и на развитие экономики страны (Кислицын, 2020). Большинство представленных программ основаны на модели информирования, не способны существенно влиять на финансовое поведение (Kaiser, Menkhoff, 2017). Следовательно, необходимо продолжать совершенствовать образовательные программы для школьников всех возрастов по повышению финансовой грамотности. Как показывают зарубежные и отечественные исследования, наиболее важными детерминантами финансового поведения являются финансовая грамотность и личностно-психологические факторы (Литвинова, 2020).

Высказывание вице-президента Совета по финансовой грамотности при Президенте США Джона Брайанта очень хорошо демонстрирует важность финансовой грамотности для личности и общества: «Финансовая культура в современном развитом и быстро меняющемся мире стала еще одним жизненно необходимым элементом в системе навыков и правил по-ведения. Финансовая грамотность позволит человеку не зависеть от обстоятельств, от воли других людей, системы. Образованный человек сам станет выбирать те пути в жизни, кото-рые будут для него наиболее привлекательными, создавая материальную основу для даль-нейшего развития общества» (Крашенинникова, 2017).

Список источников / References

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE: International Survey of Adult Financial Literacy Competen-cies, OECD, Paris, 2016, pp. 3, 7-8 URL: https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/OECD-INFE-International-Survey-of-Adult-Financial-Literacy-Competencies.pdf

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE: G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries, OECD, Paris, 2017, pp. 7-9 URL: https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/G20-OECD-INFE-report-adult-financial-literacy-in-G20-countries.pdf

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE 2020 International

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE: International Survey of Adult Financial Literacy Competen-cies, OECD, Paris, 2016, pp. 3, 7-8 URL: https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/OECD-INFE-International-Survey-of-Adult-Financial-Literacy-Competencies.pdf

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE: G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries, OECD, Paris, 2017, pp. 7-9 URL: https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/G20-OECD-INFE-report-adult-financial-literacy-in-G20-countries.pdf

Atkinson A., Messy F. OECD/INFE 2020 International

Survey of Adult Financial Literacy, OECD, Paris, 2020, pp. 7, 16 URL: https://www.oecd.org/financial/education/oecd-infe-2020-international-survey-of-adult-financial-literacy.pdf

Jorgensen B. L., Foster D., Jensen J. F., Vieira E. Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? Journal of Family and Economic Issues, 2017, vol. 38, issue 1, no. 6, pp. 70-83.

Kaiser T., Menkhoff L. Does Financial Education Impact Financial Literacy and Financial Behavior, and if So, When? World Bank Economic Review, 2017, vol. 31, №3, pp. 611-630

Langrehr F.W. Consumer education: Does it change students' competencies and attitudes? The Jour-nal of Consumer Affairs, 1979, vol. 13, no. 1, p. 41-53 URL: https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.1979.tb00126.x

Антонян С.С., Имаева Г.Р., Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Шарова О.А. Дети и фи-нансы 2.0: Безопасность сбережений и расчетов // Аналитический центр «НАФИ». 2017. 59 с.

Аткинсон А., Месси Ф. Уровни финансовой грамотности в Евразии // Аналитический центр «НАФИ». 2018. сс. 1-71. 7 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/financial/education/financial-literacy-cis-countries-survey-RU.pdf

Белехова Г.В., Барсуков В.Н. Финансовая грамотность пенсионеров и пред пенсионеров: особенности и проблема доверия (на примере регионов Северо-западного Федерального округа) // Социальное пространство. 2020. Том 6. № 4. 13 с.

Белехова Г.В., Разварина И.Н. Повышение финансовой грамотности школьников: актуали-зация проблемы и опыт академического научно-образовательного центра // Социальное про-странство. 2019. №1 (18). С. 1-16

Гарцуева Е.В. Финансовая грамотность индивида – условие его успехов в рыночной эконо-мике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 91-105

Кислицын Д.В. Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»? // Вопросы экономики. 2020. № 9. 83 с.

Крашенинникова А.Е. Мировой опыт в разработке и внедрении программ по повышению финансовой грамотности подрастающего поколения (на примере США и Канады) // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2017. Т. 1. № 2. 48 с.

Survey of Adult Financial Literacy, OECD, Paris, 2020, pp. 7, 16 URL: https://www.oecd.org/financial/education/oecd-infe-2020-international-survey-of-adult-financial-literacy.pdf

Jorgensen B. L., Foster D., Jensen J. F., Vieira E. Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? Journal of Family and Economic Issues, 2017, vol. 38, issue 1, no. 6, pp. 70-83.

Kaiser T., Menkhoff L. Does Financial Education Impact Financial Literacy and Financial Behavior, and if So, When? World Bank Economic Review, 2017, vol. 31, №3, pp. 611-630

Langrehr F.W. Consumer education: Does it change students' competencies and attitudes? The Jour-nal of Consumer Affairs, 1979, vol. 13, no. 1, p. 41-53 URL: https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.1979.tb00126.x

Antonyan S.S., Imaeva G.R., Aimaletdinov T.A., Baymuratova L.R., Sharova O.A. Children and finance 2.0: Safety of savings and settlements // Analytical Center "NAFI". 2017. 59 p.

Atkinson A., Messi F. Levels of financial literacy in Eurasia // Analytical Center "NAFI". 2018. ss. 1-71. 7 p. URL: https://www.oecd.org/financial/education/financial-literacy-cis-countries-survey-RU.pdf

Belekhova G.V., Barsukov V.N. Financial literacy of pensioners and pre-retirees: features and the problem of trust (on the example of the regions of the North-Western Federal District) // Social Space. 2020. Volume 6. No. 4. 13 p.

Belekhova G.V., Razvarina I.N. Improving financial literacy of schoolchildren: actualization of the problem and experience of the academic scientific and educational center // Social space. 2019. No.1 (18). pp. 1-16

Gartsueva E.V. Financial literacy of an individual is a condition for his success in a market economy // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2017. No. 38. pp. 91-105

Kislitsyn D.V. Financial literacy programs and financial behavior: why don't people become "finan-cially literate"? // Economic issues. 2020. No. 9. 83 p.

Krasheninnikova A.E. World experience in the development and implementation of programs to improve financial literacy of the younger generation (on the example of the USA and Canada) // New Science: strategies and vectors of development. 2017. Vol. 1. No. 2. 48 p.

Литвинова В.В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. 235 с.

Моисеева Д.В., Дулина Н.В. Финансовая грамотность населения: город vs село? // Село Рос-сии. 2019. №2. С.132-133

Рябикин С.А. Формирование научно-исследовательской компетенции как условие внедре-ния наукоемких и инновационных технологий // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. № 4-5. С. 1460-1467

Судакова А.Е. Финансовая грамотность: теоретическое осмысление и практическое иссле-дование // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 26. С. 1563 - 1582.

Сухарева Л.М., Кулакова А.Б. Формирование исследовательской компетенции обучающих-ся: методический аспект (из опыта НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН) // Социальное пространство. 2018. № 4 (16). DOI: 10.15838/sa.2018.4.16.9

Шибаев С.Р., Шадрина Ю.А. Зарубежный опыт повышения финансовой грамотности насе-ления // Финансы кредит. 2015. №24 (684). С. 27-28

Litvinova V.V. Financial behavior of a person and its determining factors // Journal of Economic Theory. 2020. Vol. 17. No. 1. 235 p.

Moiseeva D.V., Dulina N.V. Financial literacy of the population: city vs village? // Village of Rus-sia. 2019. No.2. pp.132-133

Ryabikin S.A. Formation of research competence as a condition for the introduction of high-tech and innovative technologies // Izv. Samar. Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 4-5. pp. 1460-1467

Sudakova A.E. Financial literacy: theoretical understanding and practical research // Finance and credit. 2017. Vol. 23. No. 26. pp. 1563 - 1582.

Sukhareva L.M., Kulakova A.B. Formation of students' research competence: methodological aspect (from the experience of the REC of the Federal State Educational Institution of the Russian Academy of Sciences) // Social Space. 2018. № 4 (16). DOI: 10.15838/sa.2018.4.16.9

Shibaev S.R., Shadrina Yu.A. Foreign experience of improving financial literacy of the population // Finance credit. 2015. No.24 (684). pp. 27-28

Сведения об авторе

Рошко Елена Павловна,
инженер-исследователь отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие. Федеральное государственное бюджетное учре-ждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: so-35@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-04, 8953-521-56-93

Information about the author

Rozhko Elena Pavlovna,
Research engineer of the Department of Research on the impact of Integration processes in Science and Education on Territorial Development. Federal State Budgetary Institution of Science "Volog-da Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". 56a Gorky str., Vologda, 160014, Rus-sia. E-mail: so-35@yandex.ru . Tel.: +7(8172) 59-78-04, 8953-521-56-93

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the author

The author has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Педагогические науки

Оригинальная статья
УДК 378

Школьные учебники по обществознанию (гендерный аспект)

Наталья Александровна Скоморохова, Наталья Леонидовна Коршунова[1]
Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, Владивосток, Россия

Аннотация: *в статье раскрываются основные результаты гендерного анализа института школьного обра-зования; представлена роль и возможности школьного предмета «Обществознание» в фор-мировании гендерных представлений учащихся; поставлена проблема гендерного анализа школьных учебников по обществознанию.*

Ключевые слова: *гендер, гендерный подход в образовании, скрытый учебный план, обществознание, школь-ный учебник.*

Для цитирования: *Скоморохова Н.А., Коршунова Н.Л. Школьные учебники по обществознанию (гендерный аспект) // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 68–75.*

Pedagogical Sciences

Original article

School textbooks on social studies (gender aspect)

Natalia A. Skomorokhova, Natalya L. Korshunova
Far Eastern Federal University, School of Pedagogy, Vladivostok, Russia

Abstract: *the article reveals the main results of the gender analysis of the institute of school education; the role and possibilities of the school subject «General Education» in the formation of gender perceptions of students are presented; the problem of gender analysis of school textbooks on social studies is posed.*

Keywords: *gender, gender approach in education, hidden curriculum, social studies, school textbook.*

For citation: *Skomorokhova N.A., Korshunova N.L. School textbooks on social studies (gender aspect) // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 68-75.*

Введение. Основные направления продолжающейся на протяжении последних десятилетий модернизации российской системы образования объединены целью создания условий, способствующих развитию гармоничной, интеллектуально развитой, творчески и нестандартно мыслящей личности, способной и стремящейся к саморазвитию, само актуализации и самореализации в жизни. При этом современность призывает школу предоставлять учащимся возможность максимально развивать свои индивидуальные способности и интересы, напрямую не связанные с их принадлежностью к мужскому или женскому полу. Те не менее школа достаточно сильно влияет на формирование гендерных представлений и гендерной идентичности учащихся.

Современное общество развивается стремительно, и в настоящее время мы можем наблюдать фундаментальную трансформацию, произошедшую в системе гендерных отношений, которые так или иначе затрагивают все социальные сферы. Основные изменения, по данным ряда исследователей (И.С. Кона, Л.В. Штылевой, Л.В. Поповой, С.Г. Айвазовой,

[1] © Скоморохова Н.А., Коршунова Н.Л.

Е.Н. Каменской, М.Л. Бутовской и др.), заключаются в следующем:

1) эгалитаризм становится одним из приоритетных направлений государственной политики, что приводит к необратимости переосмысления места и роли женщин в различных общественных сферах;

2) ломка традиционной системы гендерной стратификации, приводящая к ослаблению полярности женской и мужской социальных ролей и уменьшению жесткости разделения труда;

3) изменение культурных стереотипов маскулинности и феминности (они становятся менее жесткими и полярными);

4) трансформация в гендерных характеристиках брачно-семейных отношений: растет эгалитаризация брака, наблюдается большая вариативность брачных отношений, изменяется значимость брачно-семейного статуса современной женщины;

5) происходящие изменения в культуре: крах традиционных сексистских установок в отношении женщин, признание сексуальности как неотъемлемого качества личности;

6) повсеместная феминизация образования в нашей стране, оказывающая существенное влияние на формирование гендерной идентичности учащихся мужского и женского пола.

Система образования как один из ведущих факторов социализации подрастающего поколения должна не только учитывать эти изменения, но и оказать содействие учащимся адаптироваться и правильно ориентироваться в динамичных современных гендерных отношениях. Именно поэтому гендерные аспекты различных сторон общественной жизни должны найти отражение в содержании школьного образования.

Результаты. Основная миссия института образования в целом и института школьного образования в частности заключается в подготовке обучающихся к полноценной жизни в обществе. Данная цель может быть достигнута не только через трансляцию молодому поколению системы научных знаний, но и посредством передачи системы моральных ценностей, культурных традиций, моделей поведения. Передаются в школе и гендерные образцы поведения.

Не требует доказательства тот факт, что школа играет одну из ведущих ролей в формировании личности учащихся. Гендер представляет собой значимую социально-психологическую характеристику личности, формирование которой происходит под влиянием всех институтов социализации, в том числе и школы.

В современном образовании, кроме существующего утвержденного государственного учебного плана, присутствует так называемый «скрытый учебный план» (данный термин был предложен американским социологом П. Джексоном), который поддерживает гендерное неравенство, упрочивает сексистские определения женщин и мужчин. Скрытый учебный план представляет собой совокупность культурных смыслов и моделей, которые транслируются образовательной средой, системой взаимосвязей и отношений, образцами коллективного действия, формирующимися в процессе образовательной коммуникации, реально реализуемыми в этой среде ценностями и нормами (Ярская-Смирнова, 2000). Исследователи гендерной проблематики выделяют следующие измерения скрытого учебного плана:

- организация учебных заведений;
- содержание учебного плана;
- стиль преподавания.

Организация учебных заведений явно отражает гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя на своем примере неравный статус мужчин и женщин: как правило, воспитатели, учителя, преподаватели, секретари и обслуживающий персонал образовательных учреждений - женщины, а директора школ, ректоры и проректоры университетов - мужчины. Сложившая практика распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в образовательных

структурах программирует учащихся в отношении выбора будущей профессии. Кроме того, разделение мальчиков и девочек на уроках технологии (труда) закрепляет гендерные стереотипы мужской и женской работы.

Как показывает гендерная экспертиза содержания школьных программ и учебников, скрытый учебный план присутствует и в них. В качестве главных действующих лиц в упражнениях, задачах, рассказах из школьных учебников преобладают мальчики и мужчины (Аргунова, 1999; Клецина, 1998; Котлова, 2001; Митрофанова, 2005; Смирнова, 2005; Штылева, 2001; Ярская-Смирнова, 2001). При этом они в основном представлены занимающимися инструментальной деятельностью и, чаще чем девочки и женщины, изображены в ситуации отдыха, развлечений и занятыми учебными делами. Девочки и женщины в большинстве школьных учебников чаще всего занимаются покупками и домашними делами (моют посуду, поливают цветы, варят еду и др.). В иллюстрациях в школьных учебниках также преобладают лица мужского пола (Барчунова, 1995; Попова 1995; Смирнова, 2005; Ярская-Смирнова, 2001). Даже те женщины-ученые, которые получили мировую известность и признание, в учебниках почти не упоминаются.

На основе гендерного анализа Е.Р. Ярская-Смирнова выделяет следующие последствия такой сексистской репрезентации представительниц женского пола в учебных материалах: во-первых, учащиеся могут незаметно для самих себя прийти к выводу, что именно мужчины являются стандартом и именно они играют наиболее значимую роль в обществе и культуре. Во-вторых, отсутствие у учащихся объективной информации о том, какой вклад внесли женщины в науку и культуру способствует формированию установок, связанных с недооценкой женщин как личностей и субъектов деятельности. В-третьих, традиционные стереотипы, содержащиеся в образовательных программах, поощряют к достижениям и ориентируют на успех мужчин, а не женщин (Ярская-Смирнова, 2001).

Стиль преподавания и общения, формы отношений педагога с учащимися также влияют на гендерную социализацию последних. Л.В. Попова отмечает, что девочек в процессе обучения обычно побуждают отходить на второй план, а мальчиков побуждают к активности. Это проявляется в том, что мальчикам учителя уделяют больше времени, ожидая от них более высоких результатов (особенно там, где требуется абстрактное мышление), их чаще привлекают к демонстрации опытов, а от девочек требуют аккуратности и послушания, а не инициативы (Попова, 1995). Во время урока учителя в первую очередь отвечают на вопросы мальчиков, предоставляют им больше времени на ответ. Более требовательны педагоги и к соблюдению дисциплины девочками.

По-разному объясняют учителя успехи и неуспехи своих учеников: неуспех девочек объясняют отсутствием способностей, а неуспех мальчиков недостаточной прилежностью и недостатком затраченных усилий. Это способствует большей стимуляции на работу мальчиков, нежели девочек.

Такое неравномерное распределение внимания приводит к тому, что у девочек развивается модель поведения, основанная на послушании, ориентация на более точное воспроизведение учебного материала, боязнь совершить ошибку или привлечь к себе внимание. Мальчиков же ориентируют на достижения, на преодоление трудностей, на более высокий уровень притязаний.

Разделение школьных предметов на «мужские» и «женские» также способствует воспроизведению традиционных гендерных стереотипов и накладывают отпечаток на гендерную идентификацию подрастающего поколения. Н.В. Осетрова утверждает, что в современной школе «маскулинными» предметами считаются математика, физика, физкультура, компьютерные знания, а «феминными» до-

моводство, литература и история, этика и психология семейной жизни (Осетрова, 2002). Особые сложности с социализацией, по мнению И.С. Клециной, возникают у девочек, желающих заниматься математикой, физикой, информатикой, то есть теми сферами деятельности, которые традиционно считаются исключительно мужскими (Клецина,1998).

Последствия воздействия скрытого учебного плана достаточно полно описаны в работах Л.В. Поповой, Н.К. Радиной, А.В. Смирновой, О.В. Шныровой, Л.В. Штылевой и др. Обобщив приведенные исследователями данные, можно заключить, что учащиеся средних и старших классов придерживаются традиционных стереотипов относительно предназначения мужчин и женщин, что, в свою очередь, становятся объективными препятствиями для раскрытия природного потенциала как девочек, так и мальчиков, формирования у них гражданской ответственности, правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда. При этом яснее выделяются противоречия между традиционными моделями маскулинности и феминности и современными условиями жизни, которые требуют установления равенства между мужчинами и женщинами.

Очевидно, что школьное образование должно следовать за изменяющимися реалиями цивилизованного общества, следовательно, педагогика и образование нуждаются в осмыслении обозначенных изменений в гендерных вопросах и корректировке своих позиций. Поэтому, по мнению исследователей, занимающихся разработкой теоретических аспектов и практического применения гендерного подхода в образовании, гендерная проблематика и гендерные знания в той или иной форме могут и должны быть отражены в школьной программе (в первую очередь в содержании предметов социально-гуманитарного цикла), чтобы сформировать у учащихся современные гендерные представления о роли и возможностях мужчин и женщин, помочь им адаптироваться к динамичной современной действительности.

Особая роль в ряду обязательных предметов школьной программы отводится «Обществознанию», поскольку данный школьный предмет «обладает большим потенциалом интеграции знаний из различных общественных наук и проведения межпредметных связей (прежде всего, со школьными предметами социально-гуманитарного цикла). Данное содержательное объединение знаний из различных областей науки обеспечивает формирование у учащихся представлений о нормах и правилах, общественных отношениях и их закономерностях, процессах общественного развития, векторов направленности изменений, также собственного места и места своей страны в окружающем мире и др.» (Шаяхметова, 2015, С. 53).

На наш взгляд, именно «Обществознание», по сравнению с другими школьными предметами, обладает значительно большими возможностями включения знаний о гендере в содержание учебника, поскольку согласно ФГОС-ов основного и среднего общего образования должны обеспечить:

- сформированность знаний об обществе как целостной развивающейся системе в единстве и взаимодействии его основных сфер и институтов;
- понимание основных принципов жизни общества, основ современных научных теорий общественного развития;
- владение базовым понятийным аппаратом социальных наук;
- владение умениями выявлять причинно-следственные, функциональные, иерархические и другие связи социальных объектов и процессов;
- приобретение теоретических знаний и опыта применения полученных знаний и умений для определения собственной активной позиции в общественной жизни, для решения типичных задач в обла-

сти социальных отношений, адекватных возрасту обучающихся, межличностных отношений, включая отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий, возрастов и социальных групп.

Переход на новые Федеральные образовательные стандарты предполагает не только обновленные ожидаемые образовательные результаты, но и требует модернизации содержания образования, организационных форм, методов, средств обучения. Предъявляются и новые требования к современным учебникам.

Проблема школьного учебника, как основного образовательного ресурса для учащихся, является одной из ключевых в системе общего образования, поскольку именно он выступает в качестве проекта реализации ФГОС-ов нового поколения.

Е.В. Геддис отмечает, что по определению школьный учебник представляет собой комплексную подборку содержания для изучения предмета, отвечающую требованиям учебной программы (Геддис, 2019). Д.Д. Зуев определяет учебник, с одной стороны, как источник знания, носитель содержания образования, с другой стороны, как средство обучения, направленное на оказание помощи учащемуся в усвоении учебного материала (Зуев, 2015, С. 48).

По мнению Е. В. Геддис «школьный учебник должен являться ведущим средством построения учебного процесса. Поскольку основное содержание предмета может быть отражено оптимальным образом только в целостной структуре школьного учебника, то именно учебник следует считать неотъемлемым компонентом процесса обучения, основным средством школьного обучения» (Геддис, 2019, С. 90).

Тем не менее, в исследованиях В.Р. Шаяхметова, Е. В. Чернобай, Д. В. Тучковой (Шаяхметова, 2015; Чернобай, Тучкова, 2019), посвященных анализу содержательной и методической составляющей учебников по обществознанию, отмечается, что современные учебники представляют собой «слегка «подретушированные» издания, созданные в 1980-х и в более ранние годы» (Чернобай, Тучкова, 2019, С. 239).

Одним из направлений исследования педагогической практики, проводимого в рамках гендерного подхода в образовании, выступает гендерный анализ школьных учебников для начальной, средней и старшей школы по различным предметам, поскольку учебники являются одним из значимых каналов получения информации о социальных ролях женщин и мужчин, нормах поведения, принятых в обществе.

Гендерный анализ учебников по «Обществознанию» был проведен с интервалом почти 20 лет А.В. Смирновой (Смирнова, 2005) и Т.Е. Агафоновой (Агафонова, 2019; 2021). Результаты их исследований свидетельствуют о том, что в целом учебники по «Обществознанию» также как учебники по другим школьным предметам транслируют традиционные, патриархальные гендерные установки через иллюстративный материал; гендерную маркировку различных видов игровой, профессиональной и общественной деятельности; использование грамматических и лексических форм, характерных для определенного пола и др. При этом А.В. Смирнова и Т.Е. Агафонова в своих работах опираются на различные критерии анализа.

Заключение. Представленный теоретический анализ научной литературы позволил сформулировать проблему предстоящего исследования, которая заключается в дефиците знаний относительно освещенности гендерной проблематики и представленности современных гендерных отношений в учебниках по обществознанию, а также наличия неявных (скрытых) гендерных установок.

Список источников / References

Агафонова Т.Е. Гендерный анализ УМК по обществознанию под редакцией Л.Н. Боголюбова / Т.Е.

Агафонова // Мир педагогики и психологии. – 2019. – №4 (33). – С.6-20.

Агафонова Т.Е. Формирование гендерных представлений в рамках предмета обществознание / Т.Е. Агафонова // Наука и образование: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: Материалы XXIII Международной научно-практической конференции молодых ученых, студентов и учащихся (Бийск, 30 апреля 2021 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2021. – 351 с. – С.8-15.

Аргунова В. Н. Гендерные проблемы в школьных учебниках истории / В. Н. Аргунова // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: материалы международной научной конференции. – Иваново: Юнона, 1999. – С. 56-69.

Барчунова Т. В. Сексизм в букваре / Т. В. Барчунова // ЭКО. – Новосибирск. – 1995. – № 3. – С. 26-33.

Геддис, Е.В. Современный школьный учебник как средство построения процесса обучения журнал / Е.В. Геддис // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2019. – №193. – С. 84-91.

Зуев, Д.Д. Школьный учебник / Д.Д. Зуев. – Москва: Просвещение, 2015. – 317 с.

Клецина И. С. Гендерная социализация: Учебное пособие / И.С. Клецина. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 92 с.

Котлова Т.Б. Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы / Т.Б. Котлова, А.В. Смирнова // Женщины в российском обществе. – 2001. – №3-4. – С.53-61.

Митрофанова А.А. Гендерный подход в педагогике / А.А. Митрофанова // Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие для студентов ВУЗов / Под ред. И.В. Костиковой. – Москва: Аспект Пресс, 2005. – 252 с. – С.182-195.

Осетрова Н.В. Учителя о правах женщин и равенстве полов / Н.В. Осметрова // Социологические исследования. – 2002. – №12. – С.50-59.

Попова Л.В. Гендерные аспекты самореализации личности. Учебное пособие к спецсеминару / Л.В.

Agafonova T.E. Gender analysis of the UMK in Social Studies edited by L.N. Bogolyubov / T.E. Agafonova // The world of pedagogy and psychology. – 2019. – №4 (33). – P.6-20.

Agafonova T.E. The formation of gender representations within the subject of general knowledge / T.E. Agafonova // Science and education: problems and prospects [Electronic resource]: Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Students and students (Biysk, April 30, 2021) / Ed. by M.S. Vlasov. – Biysk: V.M. Shukshin AGSPU, 2021. – 351 p. - pp.8-15.

Argunova V. N. Gender problems in school history textbooks / V. N. Argunova // Gender relations in Russia: history, current state, prospects: materials of the international scientific conference. – Ivanovo: Juno, 1999. – pp. 56-69.

Barchunova T. V. Sexism in the primer / T. V. Barchunova // ECO. – Novosibirsk. – 1995. – No. 3. – pp. 26-33.

Geddis, E.V. Modern school textbook as a means of constructing the learning process journal / E.V. Geddis // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a. Herzen. – 2019. – No.193. – pp. 84-91.

Zuev, D.D. School textbook / D.D. Zuev. – Moscow: Prosveshchenie, 2015. – 317 p.

Kletsina I. S. Gender socialization: A textbook / I.S. Kletsina. – St. Petersburg: Publishing House of A.I. Herzen State Pedagogical University, 1998. – 92 p.

Kotlova T.B. Gender stereotypes in primary school textbooks / T.B. Kotlova, A.V. Smirnova // Women in Russian society. – 2001. – No.3-4. – pp.53-61.

Mitrofanova A.A. Gender approach in pedagogy / A.A. Mitrofanova // Introduction to Gender Studies: Textbook for University Students / Edited by I.V. Kostikova. – Moscow: Aspect Press, 2005. – 252 p. – p.182-195.

Osetrova N.V. Teachers on women's rights and gender equality / N.V. Osmetrova // Sociological research. – 2002. – No.12. – pp.50-59.

Popova L.V. Gender aspects of personal self-realization. Textbook for the special seminar / L.V. Popova; Moscow Pedagogical State University. – Moscow: Prometheus Publishing House, 1996. – 42 p.

Попова; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва: Изд-во «Прометей», 1996. – 42 с.

Попова Л.В. Как школа может способствовать реализации способностей одаренных девочек / Л.В. Попова, Н.А. Орешкина // Педагогическое обозрение. – 1995. – №3. – С.41-46.

Смирнова А.В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Анна Владимировна Смирнова, Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с.

Смирнова А.В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников / А.В. Смирнова. – Москва, 2005. – 26 с.

Чернобай Е.В. Нужны ли изменения в школьных учебниках по обществознанию: по результатам всероссийского опроса учителей / Е.В. Чернобай, Д.В. Тучкова // Вопросы образования. – 2019. – №3. – С.238-256.

Шаяхметова В.Р. Учебник по обществознанию в свете новых требований к организации учебного процесса в старшей школе / В. Р. Шаяхметова // Пермский педагогический журнал. – 2015. – №7. – С.53-59.

Штылева Л.В. Методические аспекты гендерной экспертизы образовательных программ и пособий / Л.В. Штылева // Гендерный подход в дошкольной педагогике: практика. – Мурманск: ООО Милори, 2001. – Ч.II. – 92 с. – С.70-73.

Ярская-Смирнова Е. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана / Е. Ярская-Смирнова // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 295-301.

Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований / Е.Р. Ярская-Смирнова / РАН ИНИОН, Саратов. Гос. тех. унт. Центр социальной политики и гендерных исследований. – Москва: Сарат. ГТУ. Центр соц. политики и гендер. исслед., 2001. – 252 с. – С. 93-111.

Popova L.V. How a school can contribute to the realization of the abilities of gifted girls / L.V. Popova, N.A. Oreshkina // Pedagogical review. – 1995. – No.3. – pp.41-46.

Smirnova A.V. Gender socialization in secondary school: abstract. dis. ... cand. Social Sciences: 22.00.04 / Anna Vladimirovna Smirnova, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. – Nizhny Novgorod, 2005. – 25 p.

Smirnova A.V. Learning to live in society. Gender analysis of school textbooks / A.V. Smirnova. – Moscow, 2005. – 26 p.

Chernobai E.V. Do we need changes in school textbooks on social studies: according to the results of the All-Russian survey of teachers / E.V. Chernobai, D.V. Tuchkova // Education issues. – 2019. – No.3. – pp.238-256.

Shayakhmetova V.R. Textbook on social studies in the light of new requirements for the organization of the educational process in high school / V. R. Shayakhmetova // Perm Pedagogical Journal. – 2015. - No.7. – pp.53-59.

Shtyleva L.V. Methodological aspects of gender expertise of educational programs and manuals / L.V. Shtyleva // Gender approach in preschool pedagogy: practice. – Murmansk: Milori LLC, 2001. – Part II. – 92 p. – p.70-73.

Yarskaya-Smirnova E. Gender inequality in education: the concept of a hidden curriculum / E. Yarskaya-Smirnova // Gender studies. – 2000. – No. 5. – pp. 295-301.

Yarskaya-Smirnova E.R. Clothes for Adam and Eve: Essays on gender studies / E.R. Yarskaya-Smirnova / RAS INION, Saratov. State Technical unt. Center for Social Policy and Gender Studies. – Moscow: Sarat. GTU. Center for Social Policy and Gender. research, 2001. – 252 p. – pp. 93-111.

Сведения об авторах

Скоморохова Наталья Александровна, магистрант
Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, Владивосток, Россия
Коршунова Наталья Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, Владивосток, Россия

Information about the author

Skomorokhova Natalia Aleksandrovna
Far Eastern Federal University, School of Pedagogy, Vladivostok, Russia
Korshunova Natalya Leonidovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Far Eastern Federal University, School of Pedagogy, Vladivostok, Russia

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Педагогические науки

Оригинальная статья
УДК 377.031

Инклюзивное образование как фактор формирования готовности будущих педагогов

Анастасия Юрьевна Церельникова, Олег Анатольевич Булавенко[1]
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре

Аннотация: *В данной статье рассматриваются условия подготовки будущих педагогов к работе в системе инклюзивного образования. Данное исследование направленно на изучение влияния комплекса педагогических условий, таких как: владение будущими педагогами информационной (знаниевой) системой для работы в системе инклюзивного образования; формирование психологической (личностной) готовности у будущих педагогов к работе в системе инклюзивного образования; включение будущих педагогов в профессиональную (деятельностный) деятельность с целью накопления опыта для работы в системе инклюзивного образования. Проведение педагогического эксперимента в рамках данной проблемы сопровождалось разработкой методологического, теоретического и методического обеспечения, осуществлением диагностических исследований. Эксперимент предусматривал проверку влияния каждого выделенного педагогического условия на уровень готовности будущих педагогов к работе в системе инклюзивного образования. В результате, данный эксперимент привёл к повышению показателей подготовки будущих педагогов к работе в системе инклюзивного образования.*

Ключевые слова: *Инклюзивное образование, педагогические условия, будущие педагоги, бакалавриат, эксперимент*

Для цитирования: *Церельникова А.Ю., Булавенко О.А. Инклюзивное образование как фактор формирования готовности будущих педагогов // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 76–82.*

Pedagogical Sciences

Original article

Inclusive education as a factor of formation readiness of future teachers

Anastasiya Yu. Tsirelnikova, Oleg A. Bulavenko
Amur Humanitarian and Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur

Abstract: *This article discusses the conditions for preparing future teachers to work in the inclusive education system. This study is aimed at studying the influence of a set of pedagogical conditions, such as: the possession of an information (knowledge) system by future teachers to work in the inclusive education system; the formation of psychological (personal) readiness of future teachers to work in the inclusive education system; the inclusion of future teachers in professional (activity) activities in order to gain experience to work in the system of inclusive education. Conducting a pedagogical experiment within the framework of this problem was accompanied by the development of methodological, theoretical and methodological support, the implementation of diagnostic studies. The experiment provided for testing the influence of each selected pedagogical condition on the level of readiness of future teachers to work in the inclusive education system. As a result, this experiment led to an increase in the indicators of training future teachers to work in the inclusive education system.*

Keywords: *Inclusive education, pedagogical conditions, future teachers, bachelor's degree, experiment*

For citation: *Tsirelnikova A.Yu., Bulavenko O.A. Inclusive education as a factor of formation of readiness of future teachers // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 76-82.*

[1] © Церельникова А.Ю., Булавенко О.А.

Изменения, происходящие в России, затрагивают все сферы жизни и деятельности общества, особенно это касается образования. Наиболее приоритетным и закономерным направлением модернизации современного общего и специального образования в изменяющейся России выступает инклюзивное образование. Термин «инклюзивное образование» (англ. Inclusion – включение; франц. Inclusif – включающий в себя; лат. Include – включаю), подразумевает обучение и воспитание в одном классе детей с разными особенностями развития при обеспечении поддержки всем, кто в ней нуждается. Толчком для развития данного направления стало принятие Национальной доктрины РФ (2000г.), задающей цели обучения и воспитания подрастающих поколений до 2025г., а тагже принятие в 2012г. Федерального закона «Об образовании в РФ» №273-ФЗ [4].

Проблема совместного обучения обычных и детей с ограниченными возможностями здоровья чрезвычайно сложна и многогранна. Её рассматривали отечественные педагоги и психологи ещё в начале XX века (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, В.П. Кащенко, П.О. Эфрусси и др.) [8].

Особенности инклюзивного образования и возможности его реализации в педагогической практике изучаются многими исследователями (И.Е. Аверина, Т.П. Дмитриева, Н.Г. Еленский, Д.В. Зайцев, Л.А. Зайцева, А.Н. Коноплёва, И.И. Лошакова, Н.Н. Малофеев, Е.А. Мартынова, Н.М. Назарова, Пер Ч. Гюнваль, Ф.Л. Ратнер, М.М. Семаго, Н.Я. Семаго, Л.М. Шипицына, Н.Д. Шматко, А.Ю. Юсупов, Е.Р. Ярская-Смирнова, T. Brandon, J. Charlton, A.-M. Hansen, J.-R. Kim, A. Minnaert, K. Scorgie и др.) [1].

Педагоги, работающие в современных общеобразовательных организациях, должны быть готовы к решению такой важной задачи, как осуществление психолого-педагогической помощи обучающимся с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ). Эта категория учащихся с каждым годом становиться все более многочисленной. В настоящее время в России насчитывается более двух миллионов детей с ограниченными возможностями здоровья, что составляет 8% детской популяции, из них около 700 тыс. составляют дети-инвалиды. По данным «Федеральной государственной информационной системы» в Хабаровском крае 5158 детей – инвалидов, по состоянию на 2021 год [10].

Готовность будущего педагога к системе инклюзивного образования является, и результатом его профессиональной подготовки в процессе обучения в вузе, и условием его успешной предстоящей педагогической деятельности. Исследователи (Д.З. Ахметова, А.П. Валицкая) считают, что наиболее остро стоит проблема обеспечения инклюзивных школ профессиональными кадрами: учитель прогрессивного типа должен не только владеть разнообразными психолого-педагогическими умениями, но и быть личностью подлинно образованной, способной понимать сложившуюся социокультурную ситуацию, обладать высоким уровнем нравственной культурной [7].

В связи с тем, что инклюзивное образование, внедряясь в общеобразовательную практику, выдвигает требования о новых знаниях, компетенциях, накладывает отпечаток не только на способы педагогической деятельности, но и на всю профессионально-педагогическую культуру, становиться актуальной проблема подготовки будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования [3].

В настоящее время в отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке проблема подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования, описана не достаточно широко.

По мнению С.В. Алехиной одной из основных проблем инклюзивного образования является недостаточная подготовленность и нехватка специалистов, в частности, практических психологов и

педагогов. Согласно современным исследованиям, роль практических психологов и педагогов в инклюзивном образовании значительна, от специалистов зависит обеспечение целостной системы поддержки, объединяющей всех субъектов образовательного пространства, делающей акцент на возможностях, а не на ограничениях детей [2].

А.П. Смансер считает, что в настоящее время требуется новая образовательная парадигма, новый подход к профессиональной подготовке будущего педагога, основанная на компетентностном подходе. Она должна быть нацелена на совершенствование теоретической и практико-ориентированной направленности курсов педагогики, психологи и педагогической практики в университете [5].

О.Л. Жук подчеркивает, что педагогическая подготовка студентов в классическом университете выступает эффективным средством личностного и профессионального совершенствования будущих специалистов путем овладения ими психолого-педагогическими компетенциями [9].

Т.В. Тимохина утверждает, что повышения качества образования в вузе можно добиться, подходя к профессиональной подготовке специалистов с позиций компетентностного подхода на различных направлениях и специализациях будущих педагогов, имеющих возможность работать в инклюзивной среде [6].

Анализ исследований В.М. Астапова, Г.Ф. Кумариной, Н.М. Назаровой и др., показывает, что растущая потребность общества в новом качестве образования, осознание важности фундаментальных знаний, общечеловеческих ценностей, приоритета образования и воспитания перед иными сферами культуры определяет необходимость изучать процесс профессионального становления будущего педагога, определения профессионально значимых качеств, среди которых особое значение приобретает профессионально-педагогическая компетентность, реализация которой позволяет осуществить психолого-педагогическое и методическое сопровождение в системе инклюзивного образования [11].

Согласно представлениям О.Л. Жук, проблемой профессионального образования студентов является проблема перехода от учения к труду, обусловленная противоречиями между содержаниями, формами, и условиями познавательной и осваиваемой профессиональной деятельности. По мнению автора, противоречия между мотивами поступления в вуз, реально действующими и профессиональными мотивами объясняются недостаточностью сведений у потенциальных студентов о содержательной стороне будущей профессии на этапе выбора профессионального пути [12].

Анализ научной литературы образовательной практики вузов, опыт собственной педагогической деятельности позволили определить цель исследования - выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить комплекс педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования готовности к работе в системе инклюзивного образования будущих педагогов обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование»:

— осмысление будущими педагогами важности, понимание сущности и сложности работы в условиях инклюзивного образования;

— формирование у будущих педагогов мотивационной готовности к работе в условиях инклюзивного образования;

— включение будущих педагогов гуманитарно-педагогического вуза в учебно-профессиональную деятельность с целью накопления опыта работы в условиях инклюзивного образования.

С целью проверки эффективности выделенного комплекса педагогических условий для подготовки будущих педагогов (направления подготовки «Педагогическое образование») к работе в системе инклюзивного образования нами был организован и проведен педагогический

эксперимент, в котором приняли участие студенты 4 курсов, обучающиеся по направлению «Педагогическое образование» разных профилей ФГБОУ ВО «АмГПГУ».

Цель нашего исследования определила характер основных задач, решаемых в ходе педагогического эксперимента:

1. Изучить в отечественной и зарубежной теории и практике проблему формирования готовности к работе в системе инклюзивного образования будущих педагогов.

2. Определить критерии и уровни подготовки будущих педагогов (направления подготовки «Педагогическое образование») разных профилей ФГБОУ ВО «АмГПГУ», к работе в системе инклюзивного образования.

3. Выявить и опытно-экспериментальным путем определить эффективность выделенных педагогических условий, по формированию готовности к работе в системе инклюзивного образования будущих педагогов (направления подготовки «Педагогическое образование») разных профилей ФГБОУ ВО «АмГПГУ».

В соответствии с поставленными задачами исследование было организовано и проведено в несколько этапов с 2016 г. по 2021 г.

Первый этап (2016-2018 гг.) – констатирующий, заключался в теоретическом анализе психолого-педагогической и методической литературы по исследуемой проблеме; формировался понятийный аппарат исследования; определены цель, задачи, объект и предмет исследования, сформулирована гипотеза, определена база исследования. Проведено пилотажное исследование по выявлению уровня готовности к работе в условиях инклюзивного образования будущих педагогов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование».

Второй этап (2018-2020 гг.) – формирующий, включал научное обоснование, разработку и проверку эффективности структурно-организационной модели и комплекса педагогических условий формирования готовности к работе в условиях инклюзивного образования будущих педагогов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование».

Третий этап (2020-2021 гг.) – контрольный, заключался в анализе, сравнении и систематизации полученных результатов исследования, формулировании выводов.

Сравнительный анализ динамики изменения уровня готовности к работе в условиях инклюзивного образования будущих педагогов направления подготовки «Педагогическое образование», на констатирующем и контрольном этапах опытно-экспериментальной работы представлен в таблице 1.

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о более выраженной динамике готовности к работе в условиях инклюзивного образования будущих педагогов ЭГ. В результате анализа полученных данных можно утверждать, что в ЭГ произошло существенное уменьшение доли будущих педагогов, имеющих низкий уровень готовности, и увеличение доли студентов, имеющих средний и высокий уровень готовности к работе в условиях инклюзивного образования.

Для оценки достоверности различий между процентными долями двух выборок ЭГ и КГ на момент окончания опытно экспериментальной работы был применен многофункциональный критерий Фишера (φ* - критерий). Так полученное φ*эмп.= 1,985 больше φ*критич.=1,24, то φ*эмп попало в зону «значимости различий», что дает основание утверждать, что имеются значимые различия процентных долей с средним и высоким уровнями готовности ЭГ и КГ на окончание опытно экспериментальной работы в сравнении с ее началом.

Данные различия позволяют сделать вывод о результативности реализации педагогических условий для формирования готовности к работе в условиях инклюзивного образования будущих педагогов.

Таблица 1. Различия в традиционном и компетентностном подходах

Критерий	Этап ОЭР	Уровни					
		низкий		средний		высокий	
		Кол-во чел	%	Кол-во чел	%	Кол-во чел	%
Экспериментальная группа (ЭГ)							
Информационный (знаниевый)	Начало ОЭР	39	76,5	11	21,6	1	1,9
	Окончание ОЭР	6	11,7	15	29,5	30	58,8
Психологический (личностный)	Начало ОЭР	40	78,5	9	17,6	2	3,9
	Окончание ОЭР	3	5,8	14	27,5	34	66,7
Профессиональный (деятельностный)	Начало ОЭР	41	80,4	10	19,6	0	0
	Окончание ОЭР	2	3,9	13	25,5	36	70,6
Контрольная группа (КГ)							
Информационный (знаниевый)	Начало ОЭР	29	64,5	14	31,5	2	4,4
	Окончание ОЭР	27	60,0	16	35,6	2	4,4
Психологический (личностный)	Начало ОЭР	33	73,4	11	24,4	1	2,2
	Окончание ОЭР	32	71,1	12	26,7	1	2,2
Профессиональный (деятельностный)	Начало ОЭР	36	80,0	7	15,6	2	4,4
	Окончание ОЭР	34	75,5	11	24,5	0	0

Список источников / References

Алашеев, С.Ю. Методические рекомендации по организации интегрированного образования детей с ограниченными возможностями здоровья [Текст] // С.Ю. Алашеев, С.А. Ефимова, Т.Г. Кутейницына.- Самара: ПРОФИ, 2003.-76 с.

Алехина, С.В. Подготовка педагогических кадров для инклюзивного образования [Текст] / С.В. Алехина. // Педагогический журнал Башкорстана.-2013.-№1(44).-С.26-32

Герасименко, Ю.А. Профессионально-личностная готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования [Текст] / Ю.А. Герасименко // Педагогическое образование в России. – 2015. - № 6 – С. 145-150.

Емельянова, Т.В. Основы инклюзивного образования [Текст]: практикум / Т.В. Емельянова, Ю.М.

Alasheev, S.Y. Methodological recommendations on the organization of integrated education of children with disabilities [Text] // S.Y. Alasheev, S.A. Efimova, T.G. Kuteynitsyna.- Samara: PROFI, 2003.-76 p.

Alyokhina, S.V. Training of pedagogical personnel for inclusive education [Text] / S.V. Alyokhina. // Pedagogical Journal of Bashkortostan.-2013.-№1(44).- Pp.26-32

Gerasimenko, Yu.A. Professional and personal readiness of a teacher to work in inclusive education [Text] / Yu.A. Gerasimenko // Pedagogical education in Russia. - 2015. - No. 6 – pp. 145-150.

Emelyanova, T.V. Fundamentals of inclusive education [Text]: practicum / T.V. Emelyanova, Yu.M. Alexandrov. – Togliatti: Publishing House of TSU, 2014.- 68 p.

Kozhekina, T.V. Training of pedagogical personnel

Александров. – Тольяти: Изд-во ТГУ, 2014.- 68 с.

Кожекина, Т.В. Подготовка педагогических кадров для инклюзивной практики [Текст] / Т.В. Кожекина // Научные исследования в образоовании: педагогика, психология, экономика. – 2013. - №: 6. – С. 52-56.

Малофеев, Н.Н. Специальное образование в России и за рубежом. М., 1996.

Организация работы с учащимися с ограниченными возможностями здоровья в условиях внедрения инклюзивного образования [Текст]: методические материалы / под научной ред. Н.А Палиевой. Ставрополь: ГБОУ ДПО СКИРО ПК и ПРО, 2012. 152 с.

Педагогика профессионального образования / под ред. В.А. Сластенина. – 4-е изд. – М. : Академия, 2008. – 368 с. – ISBN 978-5-7695-5254-0.

Психолого-педагогическая диагностика развития лиц с ограниченными возможностями здоровья [Текст]: учебник/Ред. И.Ю.Левченко; С.Д. Забрамная. 7-е изд., стер. М.: Академия, 2013. 335 с.

Развитие инклюзивного образования в Москве (коллективная монография) /Под ред. Назаровой Н.М., Яковлевой И.М. – М.: ЛОГОМАГ, 2014.

Самарцева, Е. Г. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию [Текст]: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Е.Г. Самарцева. Орел, 2012. 25с.

Сергеева, Н.Н. Комплексный подход к проблеме формирования профессиональной толерантности будущих учителей к детям с ограниченными возможностями здоровья / Н.Н.Сергеева, А. В. Демчук // Специальное образование.-2011.-№ 3,- С.111-118.

for inclusive practice [Text] / T.V. Kozhekina // Scientific research in education: pedagogy, psychology, economics. - 2013. - No.: 6. – pp. 52-56.

Malofeev, N.N. Special education in Russia and abroad. M., 1996.

Organization of work with students with disabilities in the context of the introduction of inclusive education [Text]: methodological materials / under the scientific editorship of N.A. Palieva. Stavropol: GBOU DPO SKIRO PC and PRO, 2012. 152 p.

Pedagogy of professional education / edited by V.A. Slastenin. - 4th ed. – Moscow : Akademiya, 2008. - 368 p. – ISBN 978-5-7695-5254-0.

Psychological and pedagogical diagnostics of the development of persons with disabilities [Text]: textbook/Ed. I.Y.Levchenko; S.D. Zabramnaya. 7th ed., ster. M.: Academy, 2013. 335 p.

Development of inclusive education in Moscow (collective monograph) / Ed. Nazarova N.M., Yakovleva I.M. – M.: LOGOMAG, 2014.

Samartseva, E. G. Formation of professional readiness of future teachers for inclusive education [Text]: abstract. dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / E.G. Samartseva. Eagle, 2012. 25c.

Sergeeva, N.N. An integrated approach to the problem of the formation of professional tolerance of future teachers to children with disabilities / N.N.Sergeeva, A.V. Demchuk // Special education.-2011.-No. 3,- pp.111-118.

Сведения об авторах

Церельникова А.Ю
Старший преподаватель кафедры педагогики профессионального образования ФГБОУ ВО «АмГПГУ» Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, e-mail: cerelnikova@mail.ru

Булавенко О. А.
Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования ФГБОУ ВО «АмГПГУ» Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, e-mail: o-bul@yandex.ru

Information about the author

Tsirelnikova a. yu
Senior Lecturer of the Department of Pedagogy of Vocational Education of the Amur Humanitarian Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, e-mail: cerelnikova@mail.ru

Bulavenko O.A.
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of Vocational Education, Amur Humanitarian Pedagogical State University, Komsomolsk-on-Amur, e-mail: o-bul@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Социологические науки

Оригинальная статья
УДК 316.4

Исследовательская традиция изучения феномена социальной дистанции в социальном знании

Анастасия Олеговна Дыня, Елена Николаевна Струк[1]
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия

Аннотация: *В статье анализируются особенности исследовательской традиции в социологической науке феномена социальная дистанция. В современном обществе растет интенсивность взаимодействий с «чужими» нормами, отличающими «своих» от «чужих». При этом та-кие контакты становятся все более конфликтными. Наблюдается рост социальной ди-станции между различными социальными группами в обществе. Терпимое отношение к «чужим», уступает место нетерпимости, враждебности, конфронтации и дискриминации. Данный поведенческий аспект выдвигает на первый план проблемы социального ди-станцирования и подчеркивает значительную потребность в изучении феномена соци-альной дистанции. Целью данной статьи является ретроспективный анализ исследова-тельской традиции изучения феномена социальной дистанции. В связи с этим в данной статье проведен анализ и синтез исследовательских работ вокруг выбранной темы для ускорения процесса разработки понятия социальная дистанция с учетом различных науч-ных теорий и на основе комплексной социологической методологии включающей макро и микро подходы. При этом использованы следующие методы научного исследования: ретроспективный анализ, анализ и синтез, научное обобщение, классификация, аналогия.*

Согласно литературному обзору в данной статье, социальная дистанция в совре-менных социологических исследованиях рассматривается как сложное многоуровневое социальное явление, отражающее модели личного и социального взаимодействия между группами и индивидами, сформированные в социально-культурном пространстве на ос-нове понимания / непонимания, симпатии / антипатии и проявляющиеся в поведении как степень их отдаленности / близости. При этом социальная дистанция является основой социальной дифференциации субъектов, представляет собой пространственную характе-ристику межличностного взаимодействия и обеспечивает личностное развитие, форми-рование адаптационных механизмов и показателей психологического и социального здо-ровья.

Ключевые слова: *социальная дистанция, история социологии, теоретическая социология, социальные группы*

Для цитирования: *Дыня А.О. Струк Е.Н. Исследовательская традиция изучения феномена социальной ди-станции в социальном знании // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С.83-94.*

Sociological sciences

Original article

The research tradition of studying the phenomenon of social distance in social knowledge

Anastasiya O. Diny, Elena N. Struk
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia

Abstract: *The article analyzes the features of the research tradition in the sociological science of the phenomenon of social distance. In modern society, the intensity of interactions with «alien» norms that distinguish «their own» from «strangers» is growing. At the same time, such contacts are be-coming more and more*

[1] © Дыня А.О., Струк Е.Н.

conflictual. There is an increase in the social distance between different social groups in society. Tolerant attitude towards «strangers» gives way to intolerance, hostility, confrontation and discrimination. This behavioral aspect highlights the problems of social dis-tancing and emphasizes the significant need to study the phenomenon at a social distance. The purpose of this article is a retrospective analysis of the research tradition of studying the phenom-enon of social distance. In this regard, this article analyzes and synthesizes research papers around the chosen topic to accelerate the process of developing the concept of social distance, taking into account various scientific theories and on the basis of a comprehensive sociological methodology including macro and micro approaches. The following methods of scientific re-search were used: retrospective analysis, analysis and synthesis, scientific generalization, classifi-cation, analogy.

According to the literature review in this article, social distance in modern sociological re-search is considered as a complex multilevel social phenomenon reflecting models of personal and social interaction between groups and individuals formed in the socio-cultural space on the basis of understanding/misunderstanding, likes/dislikes and manifested in behavior as the degree of their remoteness/ closeness. At the same time, social distance is the basis of social differentia-tion of subjects, represents a spatial characteristic of interpersonal interaction and provides per-sonal development, the formation of adaptive mechanisms and indicators of psychological and social health.

Keywords: *social distance, history of sociology, theoretical sociology, social groups.*

For citation: *Diny A.O. Struk E.N. The research tradition of studying the phenomenon of social distance in social knowledge // Social Competence. 2022. Vol. 7. No. 1. p. 83–94.*

Введение

Одной из серьезных проблем современного общества является проблема межгруп-повых отношений. Несмотря на несколько десятилетий внедрения идеологии мульти-культурализма и обучения толерантности, человечеству не удалость побороть межгруп-повую предвзятость, в основе которой лежат биологические предпосылки особенностей регулирования межличностного/межгруппового пространства, для достижения комфорт-ной дистанции взаимодействия с другими людьми/группами (Givon□Benjio N, 2020). Уве-личение межгрупповой предвзятости приводит к росту социальной дистанции между представителями различных социальных групп. В свою очередь, такой рост является ос-новой различных человеческих конфликтов. При этом вопрос о том, как можно смягчить межгрупповые противоречия представляет большой теоретический и практический инте-рес. В связи с этим анализ феномена социальная дистанция, который выступает как ин-дикатор социального развития в обществе, требует пристального исследовательского внимания. Поэтому в данной статье исследуются основные социологические концепции социальной дистанции, а ее целью является ретроспективный анализ исследовательской традиции изучения феномена социальной дистанции.

Методы

При подготовке статьи использовались преимущественно источники литературы в изданиях, включенных в базы данных научных источников: Scopus, Web of Science и eLIBRARY, по вышеуказанным ключевым словам. Для обзора отбирались статьи и мате-риалы классиков социологической мысли: Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Парка, П. Соро-кина, А. Шюца и других, содержащие доказательную базу по вопросам социальной ди-станции между группами в обществе. Так же методологическая основа исследования включает принципы ретроспективного анализа, основные общенаучные методы позна-ния, такие как анализ и синтез, научное обобщение, классификацию и аналогию.

Результаты

Изучение феномена социальной дистанции начинается в социологической мысли в XIX веке. В научный оборот оно было введено Габриэлем Тардом, который предполо-жил, что «каким бы далеким в пространстве ни был незнакомец, он близок, если мы име-ем с ним многочисленные и ежедневные отношения и если у нас есть все возможности удовлетворить наше желание подражать ему. Этот закон подражания ближнему, наименее отдаленному, объясняет постепенный и после-

довательный характер распространения примера, поданного высшими общественными чинами. Мы можем заключить, как след-ствие, когда мы видим, что низший класс впервые начинает подражать гораздо более вы-сокому классу, расстояние между ними сократилось» (Tarde G., 1903. с. 224).

Известный французский социолог Эмиль Дюркгейм в рамках теории солидарно-сти так же изучал межгрупповое взаимодействие, в том числе и феномен социальной ди-станции, которую он называл в своих трудах «динамической или моральной плотностью» (Levine D., 1976. с. 835), которая активно влияет на развитие разделения труда и форми-рование органической солидарности. Кроме того, моральная плотность коррелирует с фи-зической плотностью. По этому поводу Э. Дюркгейм писал: «моральная плотность не может увеличиваться без одновременного увеличения физической плотности, и послед-няя может служить для измерения степени первой. Кроме того, бесполезно исследовать, кто из двух повлиял на другого; достаточно понять, что они неразделимы» (Durkheim E., 1984. с. 202).

Таким образом, классиками социологии было положено начало изучению феноме-на социальная дистанция, поставлен вопрос об измерении этой дистанции как между, так и внутри социальных групп.

В американской социологии изучение феномена социальной дистанции было свя-зано с городскими исследованиями Чикагской школы. «В мегаполисе мы социализирова-ны как чужаки, и этот факт указывает на решающую дискуссию об инаковости. Способы взаимодействия с окружающими в современном мегаполисе связаны с созданием соци-альной дистанции».

В работах Р. Парка феномен социальная дистанция исследуется с позиции изуче-ния механизмов развития социального пространства города, городских сообществ и их поведения. По мнению ученого социальная дистанция относится к «уровням и степеням понимания и близости, которые характеризуют досоциальные и социальные отношения в целом» (Park R., 1924). Ученый, исследуя социальную дистанцию, фиксирует внимание на процессах взаимосвязи и взаимного влияния между группами и индивидами посред-ством показателя из близости-удаленности (чем ближе группы и индивиды друг к другу, тем более выражено они оказывают влияние друг на друга, чем более выражена удален-ность проявляется между ними, тем менее выражено и их взаимное влияние). Таким обра-зом, по представлениям Р. Парка, социальная дистанция позволяет измерить влияние групп и индивидов в социальном пространстве (Park R., 1928). Являясь ярким представи-телем Чикагской школы Р. Парк считал, что исследователю необходимо интерпретиро-вать поведение человека в процессе межгруппового взаимодействия через анализ его оценочных субъективных установок, представлений, суждений, вариативных паттернов поведения и позволяет систематизировать качественную характеристику проявления со-циальной дистанции в контексте взаимодействия различных социальных групп.

Коллега Р. Парка по Чикагской школе Э. Берджесс обращает внимание на межлич-ностные контакты как факторы развития социальной дистанции. Измерение социальной дистанции позволяет исследовать динамические показатели взаимодействия социальных групп на основе анализа формирования концентрических зон (сосредоточение опреде-ленных групп в определенном месте), которые исследуются для изучения структуры со-циального пространства. В дальнейшем, эта идея получила свое развитие в исследовани-ях проблем зонирования и картографирования социального пространства (Берджесс Э., 2002).

Значение социальной дистанции как фактора формирования социального положе-ния субъекта в процессе конструирования социальных отношений в

обществе представ-лено в работах Э. Богардуса. Как и его предшественники, он обращается к изучению со-циальных механизмов развития межгрупповых отношений в структурированном соци-альном пространстве. Интерес представляет позиция автора в отношении поведенческих тенденций индивида межгруппового и межличностного взаимодействия. С одной сторо-ны, он (индивид межгруппового и межличностного взаимодействия) имеет тенденцию к дистанцированию от других субъектов по взаимодействию («стремление к поддержанию дистанции»), с другой стороны, он же стремится к установлению устойчивого положения в межгрупповом и межличностном взаимодействии, проявляет потребность в удержании положительного сосуществования внутри данного взаимодействия (таким образом, в процессе социальной дистанции у индивидов проявляется стремление к единению) (Bo-gardus E., 1947). Исследования Э. Богардуса в отношении особенностей развития соци-альной дистанции, позволяет фиксировать внимание на роль и взаимозависимость ее раз-вития через призму возрастных и социально-статусных различий в обществе, через диф-ференциацию национальных, экономических и политических отношений отдельных ин-дивидуумов и групп. При этом социальная дистанция имеет определенные объективные характеристики, например, устойчивые границы на уровне сознания (индивидуального и общественного), является объективно обусловленной, и субъективные характеристики, которые имеет тенденцию к проявлениям бессознательных процессов, в том числе по-средством социальных установок, сформированных в обществе (Беляева Л.А., 2008). Со-циальная дистанция, которая имеет проявления в субъективной оценке «разрыва» между партнерами – оппонентами, возникает в сознании каждого из участников в процессе их взаимодействия. Наличие субъективной оценки «разрыва между партнерами» связано с социальными установками, выработанными в обществе (Маслоу А., 2008).

Эмпирический анализ феномена социальной дистанции началось с разработки в 1925 году Эмори Богардусом шкалы социальной дистанции. В дальнейшем Э. Богардусом и Р. Парком были проведены социологические обследования, целью которых было вы-явить различия в отношении к различным национальным группам. Эмпирическая тради-ция была продолжена Дж. Гилфордом и Л. Терстоуном, которые активно изучали соци-альную дистанцию по отношению к различным этническим и расовым группам.

Многие исследователи, изучая степень выраженности социальной дистанции в отношении разных социальных, как правило, этнических групп модифицировали шкалу Э. Богардуса. Так в США и других странах работу проводили: Терстоун Л., Додд С., Пар-рильо В., Донохью К., Веркуйтен М., Кинкет Б. и другие (Thurstone L., 1928; Dodd S., 1935; Verkuyten M., 2000; Parrillo V., 2013).

В России так же, с учетом региональных особенностей исследователи модифици-руют выше указанную шкалу (Шайхисламов Р. Б., 2020; Сонин В. А., 2004).

По словам Чарльза Кадушина, благодаря именно трудам Р. Парка и Э. Богардуса понятие социальная дистанция вошло в терминологию американской социологии и «за-крепилось как социально-психологический, а не как социально-структурный фактор» (Kadushin C., 1962. с. 519). Однако социальная дистанция «накрепко закрепилась под мас-кой шкалы установок и, таким образом, была в значительной степени исключена из рас-смотрения как элемент социальной структуры» (Kadushin C., 1962. с. 519).

При этом в американской социологической традиции «высказано предположение, что размышления классических социологов над проблемой социальной дистанции явля-ются следствием возникновения и консолидации индустриального

общества. Такие явле-ния, как социальные классы, разделение труда, близость между группами, которые влечет за собой новое общество, влияние новой жизни в мегаполисе и вытекающая из этого ано-нимность в социальных отношениях между группами интерпретируются социологиче-ским подходом через концепцию социальной дистанции» (Lopez D., 2021).

С точки зрения функционального подхода рассматривал феномен социальной ди-станции известный социолог Р. Мертон. Он считал, что изучение социальной дистанции позволяет выявить противоречия отдельных компонентов системы, напряжение между отдельными частями целого, возможности развития конфликтного взаимодействия, ам-бивалентность социальной структуры общества, противоречия интересов и ценностей.

Научное обоснование термина «социальная дистанция» было представлено и в трудах Г. Зиммеля. Социальная дистанция была определена им как пространственно-временная характеристика, раскрывающая процессы социального взаимодействия в фи-зическом пространстве. Эта позиция получила свое развитие в работе «Большой город и психическая жизнь», о стремлении человека «к самостоятельности и самобытности» как наивысшей ценности, определяющей особенности его духовного развития. Стремление к «самостоятельности и самобытности» способствует развитию замкнутости и отчужденно-сти по отношению к окружающим, приводит к напряжению аффективных проявлений в обществе (Simmel G., 1972). В работе «Социологическое значение Чужака» Г. Зиммель продолжает исследовать социальную дистанцию в сочетании с социальными феноменами исключительности и подвижности, которые в совокупности определяют особенности со-циального взаимодействия в непосредственном физическом и социальном пространстве (Simmel G., 1950; Simmel G., 1990; Simmel G., 1992). Его концепция социальной дистан-ции строится на размышлении о феномене чужого в контексте социальных проблем ин-дустриального общества и связанных с этим вызовами: социальное неравенство, расизм, ксенофобия и дискриминация. В дальнейшем разработку концепции чужого и типологи-зацию его типов продолжили Э. Стоунквист и М. Вуд (Wood M., 1934; Stonequist E., 1961). Социальная дистанция как динамическая характеристика социального простран-ства рассматривается в исследованиях П. Сорокина. Он выделяет и сопоставляет «гео-метрическую и социальную дистанцию». Геометрическая дистанция определяет физиче-ское положение (нахождение) человека среди других людей, а социальная дистанция определяет положение человека в социальном пространстве, что выражается в позициях и отношениях к другим людям и социальным явлениям, происходящим в процессе соци-ального взаимодействия. Таким образом, в процессе изучения структуры социального пространства, социальная дистанция занимает центральное место и выступает в качестве механизма групповой, статусной, политической, экономической, религиозной, этниче-ской и иной дифференциации сообщества (Сорокин П. А., 1992). В дальнейшем Этингтон (Ethington P., 1997) провел различие между метафорической и геометрической дистанци-ей. Метафорическая дистанция — это странность: «незнакомое». Геометрическая дистан-ция — это структура повседневной жизни в пространстве-времени, которая позволяет или способствует формированию знакомства. В этих терминах незнакомец характеризу-ется тем фактом, что его или ее «буквально не было здесь, когда мы установили наше зна-комство».

Для изучения социальной дистанции в современном социальном пространстве, особый интерес приобретают исследования, которые акцентируют внимание на изучении механизмов ее развития и формирования на основе культурологических различий. По мнению К. Манхейма уровень развития культуры в различных

социальных группах (со-циологическая концепция интеллигенции) определяет развитие социальной дистанции, исходя их различий в ценностных позициях, интересах, социальных функциях, возмож-ностях проявления в деятельности, в реализации возложенных предназначений в разви-тии общества. При этом разрушение социальной дистанции (феномен пролетаризации интеллигенции) может приводить к снижению уровня культуры в обществе в целом (Бромлей Ю. В., 1987; Манхейм К., 1993; Манхейм К., 2000).

Динамика развития социальной дистанции в социальном пространстве отражена и в работах П. Бурдье. Он вскрывает социальные механизмы развития социального про-странства посредством его дифференциации. Дистанция, как расстояние между группа-ми, с позиции П. Бурдье, определяется на основе культурного капитала (уровень образо-вания, речь, манеры, знания, культурные коды) (Бурдьё П., 2001).

Микросоциологический подход в исследовании социальной дистанции нашел от-ражение в работах Дж. К. Хоманса, И. Гофмана и Т. Шибутани. Интерес исследований был сосредоточен на изучении межличностного взаимодействия. С позиции структури-рования межгруппового и межличностного взаимодействия индивидов, авторы были сконцентрированы на изучение социальной дистанции, как механизма возникновения и развития межличностных отношений, которые развиваются в системе координат «симпа-ти-я-антипатия», «сплоченность-отчуждённость», «принятие-отвержение» (Goffman E., 1969; Духновский С. В., 2007; Духновский С. В., 2012; Зиммель Г., 1995; Хоманс Дж., 1984).

Э. Холл рассматривает социальную дистанцию, как вариант оптимального физи-ческого расстояния между людьми для эффективного общения и взаимодействия с учетом целевой направленности данного взаимодействия (интимное, персональное, социальное и публичное расстояния межличностного взаимодействия). Данная форма проявления со-циальной дистанции формируется посредством средовых факторов, например, особенно-стей и условий проживания. Структура определённого варианта персонального про-странства является фактором формирования психологический особенности личности – дистанцированность. Дистанцирование как способ взаимодействия индивидуумов явля-ется принципом формирования в сознании личности определенного варианта отношений и классификации субъектов по общению и взаимодействию на «свой-чужой» (Hall E. 1989).

Таким образом, социальная дистанция выступает в качестве структурной характе-ристики межгруппового и межличностного взаимодействия. Социальная дистанция определяет место (уровень) социальных групп и индивидов в социальном пространстве (формирование социального положения в обществе), дифференцирует социальное про-странство на достаточно устойчивые структурные компоненты. Социальная дистанция характеризуется наличием субъективных характеристик, определяющих особенности вза-имодействия социальных групп и индивидов, что выражается в переживании «близости или отдаленности», «отчужденности или взаимосвязанности» (Бромлей Ю. В., 1987).

По мере развития социальной дистанции в структуре социального пространства, она начинает приобретать функцию контроля и регулирования отношений. Социальная дистанция может устанавливаться институционально, может быть регламентирована за-коном, и как следствие, ее нарушение может санкционироваться формальными способа-ми. Также нарушение социальной дистанции может санкционироваться неформальными способами, как потребность поддержания социального контроля посредством сохранения обычаев, традиций, социальных установок.

В рамках феноменологической тра-

диции обеспечивает описание человеческого опыта и особенности социальной дистанции А. Щюц. Он формулирует свою картографи-ческую метафору в концепции социальной дистанции, обсуждая равенство и структури-зацию социального мира. Группа считает себя центром всего, по мнению А. Щюца, а все остальные масштабируются и оцениваются по отношению к ней (Schutz A., 1964. с. 244).

Особый интерес в исследовании социальной дистанции представляют теории, раз-работанные на основе принципов сетевого анализа. Так, например, Барри Уэллман в сво-их работах концертирует внимание на исследовании социальных связей, а не на исследо-вании групповой динамики. В дальнейшем эта идея находит свое развитие в работах М. Эмирбайера и Дж. Гудвина. Использование принципов сетевого анализа, позволяет ис-следовать социальную дистанцию, раскрывая индивидуальные и личностные отношения людей, которые развиваются и поддерживаются внутри вариативных групп и сообществ в повседневной жизни. Сетевой аналитический подход помогает сократить разрыв между метафорическим и геометрическим расстоянием. Исследователи сетевого анализа (Emirbayer M., 1994; Wellman B., 1979) критически относятся к изучению сообщества только на основе применения пространственного подхода. При разработки сущности со-общества они акцентируют внимание на социальные проявления и социальные характе-ристики, происходящие в нем. Они не игнорируют пространственные характеристики в общности, но определяют их через социальные проявления.

В рамках данного подхода в исследованиях (Marian B., 2004; Helfgott J., 2008) Karakayali N., 2009) присутствует убеждение о том, что различные группы смешиваются меньше, чем члены одной группы. Социальная дистанция проявляется в ощущении меры близости или удаленности, которую человек или группа чувствуют по отношению к субъекту социального взаимодействия (другому человеку или группе) в социальной сети, или уровень доверия - недоверия, которое одна группа оказывает другой, степень пред-полагаемого сходства убеждений и т.п.

Краткая ретроспектива показывает, что традиция изучения феномена социальной дистанции имеет длительную историю. При этом мы наблюдаем терминологическое раз-нообразите в определении социальной дистанции. Данное понятие развивается, приобре-тает новые аспекты, содержание ее изменяется.

Теоретический анализ исследований позволил сгруппировать различные варианты определения понятия «социальная дистанция»:

- социальная дистанция рассматривается как пространственно-временная характе-ристика, раскрывающая процессы социального взаимодействия в физическом и социаль-ном пространстве (Г. Зиммель);
- социальная дистанция рассматривается как межгрупповой феномен, определяю-щий различия экономического, политического, культурного и национального порядка (Р. Парк, Э. Берджесс);
- социальная дистанция рассматривается как механизм возникновения и развития межличностных отношений, развивающихся в системе координат «симпатия-антипатия», «сплоченность-отчужденность», «принятие-отвержение» (Д. Хоманс, И. Гофман);
- социальная дистанция как динамическая характеристика, которая определяет по-ложение человека в социальном пространстве через его отношения к другим людям и со-циальным явлениям (П. Сорокин);
- социальная дистанция рассматривается как проявление межгрупповых и меж-личностных способов взаимодействия в общении через призму возрастных и социально-статусных различий в обществе, через дифференциацию национальных, экономических и политических отношений отдельных индивидуумов и

групп (Э. Богардус);

- социальная дистанция рассматривается как способ проектирования пространственных характеристик общения для обеспечения эффективного взаимодействия (Э. Холл).

Обсуждение и заключение

Расширение понятия социальной дистанции как социального феномена, определяющего характер взаимодействия субъектов (личность и группа, межгрупповое взаимодействие), ставит задачу определения ее структурных компонентов, как механизмов, определяющих ее формирования. Социальная дистанция с позиции структурного анализа может быть представлена в двух вариантах: с позиции определения внутренней и внешней структуры.

Внутренняя структура социальной дистанции может быть представлена как система отношений и ценностных проявлений личности к субъекту по взаимодействию. Внешняя структура социальной дистанции находит свое проявление в действиях, поступках, статусно-ролевом поведении личности по отношению к субъекту по взаимодействию. Понимание различий в контексте внутренних и внешних проявлений социальной дистанции позволит вырабатывать механизмы измерения и механизмы влияния на ее развитие и преобразования.

Внутренние проявление социальной дистанции находятся во взаимосвязи с личностными отношениями. Личностные отношения к субъектам по взаимодействию выражаются системой ценностей, которые разделяются или не разделяются людьми и, как следствие, снижают или увеличивают границу социальной дистанции в пространстве.

Наиболее очевидной формой проявления внешних характеристик социальной дистанции выступает статусная позиция в социальном пространстве. По статусному положению социальная дистанция может задавать различные границы структурирования социального пространства (близкие – далекие) по разным факторам различия (политического, административного, символического, экономического и прочие).

Теоретическое обобщение научных исследований социального феномена «социальная дистанция» позволяет выработать собственное авторское понятие социальная дистанция – это целостная структура межгрупповых отношений, сформированных в социальном пространстве на основе дифференциации ценностных ориентаций, социально-культурных стереотипов, проявляющихся в оценочных суждениях и эмоциональных поведенческих паттернах.

По мнению Н. Каракаяли «социальная дистанция продолжит оставаться значимой областью исследований для современных ученых» (Karakayali N., 2009). Наиболее продуктивной позицией в ее изучении является использование комплексного методологического подхода, в контексте межгрупповых процессов, развивающихся в социальном пространстве.

Список источников / References

Givon-Benjio N, Oren-Yagoda R, Aderka IM, Okon-Singer H. Biased distance estima-tion in social anxiety disorder: A new avenue for understanding avoidance behavior // Depression and Anxiety. 2020. Vol. 37(12). P. 1243-1252

Tarde G. The laws of imitation. N. Y.: H. Holt and Company, 1903. 450 p.

Levine D, Carter E, Miller Gorman E. Simmel's

Givon-Benjio N, Oren-Yagoda R, Aderka IM, Okon-Singer H. (2020). Biased dis-tance estimation in social anxiety disorder: A new avenue for understanding avoidance behavior // Depression and Anxiety. Vol. 37(12). P. 1243-1252

Tarde G. (1930).The laws of imitation. N. Y.: H. Holt and Company. 450 p.

Levine D, Carter E, Miller Gorman E. (1976). Simmel's

influence on American sociology // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81(4). P. 813–845

Durkheim E. The division of labour in society. Basingstoke: Macmillan Press, 1984. 352 p.

Park R. The Concept of Social Distance As Applied to the Study of Racial Attitudes and Racial Relations // Journal of Applied Sociology, later Sociology and Social Re-search. Vol. 8, 1924. P. 339-344

Park R. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928; XXXIII(6). P. 881–893

Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность, культура, общество. 2002. Т. IV. № 1-2. С. 168-181

Bogardus E. Measurement of Personal-Group Relations // Sociometry. 1947. Vol. 10, № 4 P. 306–311

Беляева Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального про-странства современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-distantsii-kak-harakteristika-sotsialnogo-prostranstva-sovremennoy-rossii (дата обращения: 05.02.2022)

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

Thurstone L. An Experimental Study of Nationality Preferences. // Journal of General Psychology. 1928. № 1. P. 405-423

Dodd S. A Social Distance in the Near East // American Journal of Sociology. 1935. Vol. 41. P. 194–204

Verkuyten M., Kinket B. Social Distances in a Multi Ethnic Society: The Ethnic Hier-archy among Dutch Preadolescents // Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. №. 1. P. 75-85

Parrillo V., Donoghue C. The national social distance study: Ten years later // Sociolog-ical Forum. 2013. Vol. 28. №. 3. P. 597-614

Шайхисламов Р. Б., Максимова С. Г., Суртаева О. В., Омельченко Д. А. Соци-альная дистанция как фактор формирования межэтнических установок молоде-жи Алтайского края // Society and Security Insights. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-distantsiya-kak-faktor-formirovaniya-mezhetnicheskih-ustanovok-molodezhi-altayskogo-kraya (дата обращения: 02.02.2022)

influence on American soci-ology // American Journal of Sociology. Vol. 81(4). P. 813–845

Durkheim E. (1984).The division of labour in society. Basingstoke: Macmillan Press. 352 p.

Park R. (1924).The Concept of Social Distance As Applied to the Study of Racial Attitudes and Racial Relations // Journal of Applied Sociology, later Sociology and So-cial Research. Vol. 8. P. 339-344

Park R. (1928). Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. Vol. XXXIII(6). P. 881–893

Berdzhess E. (2002). Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skii proekt // Lichnost', kul'tura, obshchestvo. T. IV. № 1-2. S. 168-181 (In Russ.)

Bogardus E. Measurement of Personal-Group Relations // Sociometry. 1947. Vol. 10, № 4 R. 306–311

Belyaeva L. A. (2018). Sotsial'nye distantsii kak kharakteristika sotsial'nogo prostran-stva sovremennoi Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-distantsii-kak-harakteristika-sotsialnogo-prostranstva-sovremennoy-rossii (data obrashcheniya: 05.02.2022) (In Russ.)

Maslou A. 2008. Motivatsiya i lichnost'. SPb.: Piter. 352 s. (In Russ.)

Thurstone L. (1928). An Experimental Study of Nationality Preferences. // Journal of General Psychology. № 1. R. 405-423

Dodd S. A (1935). Social Distance in the Near East // American Journal of Sociolo-gy. Vol. 41. R. 194–204
13 Verkuyten M., Kinket B. (2000). Social Distances in a Multi Ethnic Society: The Ethnic Hierarchy among Dutch Preadolescents // Social Psychology Quarterly.. Vol. 63. №. 1. R. 75-85

Parrillo V., Donoghue C. (2013).The national social distance study: Ten years later // Sociological Forum. Vol. 28. №. 3. R. 597-614

Shaikhislamov R. B., Maksimova S. G., Surtaeva O. V., Omel'chenko D. A. (2020). Sotsial'-naya distantsiya kak faktor formirovaniya mezhetnicheskikh ustanovok mo-lodezhi Altaiskogo kraya // Society and Security Insights. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-distantsiya-kak-faktor-formirovaniya-mezhetnicheskih-ustanovok-molodezhi-altayskogo-kraya (data obrashcheniya: 02.02.2022) (In Russ.)

Sonin V. A. (2004). Shkala sotsial'noi distantsii (shkala

Сонин В. А. Шкала социальной дистанции (шкала Э. Богардуса, вариант Л. Г. Почебут) // Сонин В. А. Психодиагностическое познание профессиональной де-ятельности. СПб., 2004. С. 216-218

Kadushin C. Social distance between client and professional // American Journal of So-ciology. 1962. № 67. P. 517–531

Lopez D. A Phenomenological Approach to the Study of Social Distance // Human Study. 2021. Vol. 3. P. 1–30

Simmel G. The sociological significance of the stranger. Trans. By A. Small // Introduc-tion to the science of sociology / Ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1972.

Simmel G. The Metropolis and mental life. Trans, by K. Wolff. N. Y.: Free Press, 1950

Simmel G. The Philosophy of money. Ed. D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1990

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen fiber die Formen der Vergesellschaftung. Hrsg. von O. Rammstedt. (Ge-samtausgabe, Bd. 11). Frankfurt a. M: Suhrkamp, 1992

Wood M. The stranger: A study in social relationships. New York: Columbia University Press, 1934. 296 p.

Stonequist E. The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York: Russell & Russell Inc., 1961. 228 p.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. (Серия «Мыслители XX ве-ка»). М.: Издательство политической литературы 1992. 544 с.

Ethington P. The intellectual construction of ‘Social Distance’: toward a recovery of Georg Simmel’s social geometry // Cybergeo: European Journal of Geography. Episté-mologie, Histoire de la Géographie, Didactique. 1997. https://journals.openedition.org/cybergeo//227

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: Тео-рия, история современность. М.: Наука, 1987. 335 с.

Манхейм К. Проблема интеллигенции. Исследо-вания ее роли в прошлом и настоящем. Ч. 2. М : ИНИОН, 1993. 104 с.

Манхейм К. Избранное. Социология культуры. СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.

Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т.

E. Bogardusa, variant L. G. Pochebut) // Sonin V. A. Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional’noi deya-tel’nosti. SPb. S. 216-218 (In Russ.)

Kadushin C. (1962). Social distance between client and professional // American Journal of Sociology. № 67. R. 517–531

Lopez D. A. (2021). Phenomenological Approach to the Study of Social Distance // Human Study. Vol. 3. R. 1–30

Simmel G. (1972).The sociological significance of the stranger. Trans. By A. Small // Intro-duction to the science of sociology / Ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago: The Univer-sity of Chicago Press.

Simmel G. (1950). The Metropolis and mental life. Trans, by K. Wolff. N. Y.: Free Press.

Simmel G. (1990). The Philosophy of money. Ed. D. Frisby. N. Y.: Rutledge.

Simmel G. (1992). Soziologie. Untersuchungen fiber die Formen der Vergesellschaf-tung. Hrsg. von O. Rammstedt. (Ge-samtausgabe, Bd. 11). Frankfurt a. M: Suhrkamp.

Wood M. (1934). The stranger: A study in social relationships. New York: Columbia University Press,. 296 r.

Stonequist E. (1961). The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York: Russell & Russell Inc. 228 r.

Sorokin P. A. (1992). Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. (Seriya «Mysliteli XX veka»). M.: Izdatel’stvo politicheskoi literatury. 544 s. (In Russ.)

Ethington P. (1997). The intellectual construction of ‘Social Distance’: toward a re-covery of Georg Simmel’s social geometry // Cybergeo: European Journal of Geogra-phy. Epistémologie, Histoire de la Géographie, Didactique. https://journals.openedition.org/cybergeo//227

Bromlei Yu. V. (1987). Etnosotsial’nye protsessy: Teoriya, istoriya sovremennost’. M.: Nauka. 335 s. (In Russ.)

Mankheim K. (1993). Problema intelligentsii. Issledovaniya ee roli v proshlom i nas-toyashchem. Ch. 2. M : INION, 104 s. (In Russ.)

Mankheim K. (2000). Izbrannoe. Sotsiologiya kul’tury. SPb.: Universitetskaya kniga. 501 s. (In Russ.)

Burd’e P. (2001). Prakticheskii smysl / Per. s fr.: A.

Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Goffman E. Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. 160 p.

Духновский С. В. Изучение параметров социально-психологической дистанции в межличностных отношениях больных неврозом // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 3. С. 313-318 (Серия 12. Психология. Социология. Педагогика)

Духновский С. В. Разработка методики «Определение социально-психологической дистанции в межличностных отношениях» // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 19. С. 41-46 (Серия «Психология», выпуск 17)

Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология: XX век : антоло-гия / Ред. С.Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 378-398

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная соци-альная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82-91

Hall E. Beyond Culture. Anchor Books, 1989. 298 p.

Schutz A. Equality and the meaning structure of the social world / Collected papers II. Studies in social theory. In A. Brodersen (Ed.). Hague: Martinus Nijhoff, 1964. P. 226–269

Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, culture, and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99. № 6. P. 1411-1454

Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // Urban Affairs Quarterly. 1979. Vol. 14. № 3. P. 363-390

Marian B., Pastor-Satorras R., Díaz-Guilera A., Arenas A. Models of social networks based on social distance attachment // Physical Review. 2004. Vol. 70. P. 1-8

Helfgott J., Gunnison E. The influence of social distance on community corrections of-ficer perceptions of offender reentry needs // Federal Probation. 2008. Vol. 72(1). P. 2-12

Karakayali N. Social Distance and Affective Orientations // Sociological Forum. 2009. Vol. 23. № 3. P. 538-562.

T. Bikbov, K. D. Voznesen-skaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Otv. red. per. i Poslesl. N. A. Shmatko. SPb.: Al-eteiya. 562 s. (In Russ.)

Goffman E. (1969). Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 160 r.

Dukhnovskii S. V. (2007). Izuchenie parametrov sotsial'no-psikhologicheskoi dis-tantsii v mezhlichnostnykh otnosheniyakh bol'nykh nevrozom // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. № 3. S. 313-318 (Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika) (In Russ.)

Dukhnovskii S. V. (2012). Razrabotka metodiki «Opredelenie sotsial'no-psikhologicheskoi distantsii v mezhlichnostnykh otnosheniyakh» // Vestnik YuUrGU. № 19. S. 41-46 (Seriya «Psikhologiya», vypusk 17) (In Russ.)

Zimmel' G. (1995). Konflikt sovremennoi kul'tury // Kul'turologiya: XX vek : anto-lo-giya / Red. S.Ya. Levit. M.: Yurist, S. 378-398 (In Russ.)

Khomans Dzh. (1984). Sotsial'noe povedenie kak obmen // Sovremennaya zarubezh-naya sotsial'naya psikhologiya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. S. 82-91 (In Russ.)

Hall E. (1964). Beyond Culture. Anchor Books, 1989. 298 r.

Schutz A. Equality and the meaning structure of the social world / Collected papers II. Studies in social theory. In A. Brodersen (Ed.). Hague: Martinus Nijhoff. R. 226–269

Emirbayer M., Goodwin J. (1994). Network Analysis, culture, and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. Vol. 99. № 6. R. 1411-1454

Wellman B., Leighton B. (1979). Networks, Neighborhoods, and Communities: Ap-proaches to the Study of the Community Question // Urban Affairs Quarterly. Vol. 14. № 3. R. 363-390

Marian B., Pastor-Satorras R., Díaz-Guilera A., Arenas A. (2004). Models of social networks based on social distance attachment // Physical Review. Vol. 70. R. 1-8

Helfgott J., Gunnison E. (2008). The influence of social distance on community cor-rections officer perceptions of offender reentry needs // Federal Probation. Vol. 72(1). R. 2-12

Karakayali N. (2009). Social Distance and Affective Orientations // Sociological Fo-rum. Vol. 23. № 3. R. 538-562

Сведения об авторах

Дыня Анастасия Олеговна,
аспирант кафедры социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: struken@rambler.ru
Струк Елена Николаевна,
доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: struken@rambler.ru

Information about the author

Diny Anastasia Olegovna,
Postgraduate Student of the Department of Sociology and Psychology, Irkutsk National Re-search Technical University, 664074, Irkutsk, Lermontov str., 83, Russia, e-mail: struken@rambler.ru
Struk Elena Nikolaevna,
Doctor of Philosophy, Head of Department of Sociology and Psy-chology, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia, e-mail: struken@rambler.ru

Вклад авторов

Дыня А.О., Струк Е.Н. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью автор-ские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the authors

Diny A.O., Struk E.N. carried out research work, based on the results obtained, carried out a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyright rights to the article and are fully responsible for its originality

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Социологические науки

Оригинальная статья
УДК 316.648

Внешние факторы активного долголетия в оценках населения Вологодской области

Александра Владимировна Короленко[1]
Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Аннотация: *Исследование феномена активного долголетия и его факторов приобретает особую актуальность в свете необходимости повышения эффективности политики действий в интересах граждан старшего поколения. Преимущество авторского подхода к оценке факторов активного долголетия состоит в возможности дифференциации влияния внутренних и внешних факторов активного долголетия, типологизации населения по их соотношению. Выбранный метод социологического опроса позволяет осуществить оценку активного долголетия и его факторов на индивидуальном уровне. Цель статьи заключалась в изучении внешних факторов активного долголетия, в частности, роли доступности инфраструктуры, общественного одобрения и уровня жизни в поддержании населением долгой и активной жизни. Информационную базу составили данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы», проведенного Вологодским научным центром РАН в 2021 году. Установлено, что наиболее доступными для активного долголетия, по мнению населения, являются услуги в сфере информации и связи, общественного транспорта, торговли и бытовых услуг. В целом для жителей региона характерно благоприятное отношение к представителям старшего поколения. Уровень доходов населения достаточен для поддержания внешнего вида, обеспечения здорового питания, занятий хобби и посещения учреждений культуры, занятий физкультурой и спортом, однако его не хватает для получения образования, использования платных медицинских услуг, путешествий и туризма. Субиндексы внешних факторов активного долголетия демонстрируют, что в региональном сообществе преобладает положительное отношение к пожилым и в целом к активному долголетию, а также о том, что для большинства населения доступна необходимая для поддержания активного долголетия инфраструктура. Вместе с тем, среди жителей региона почти в равной степени представлены как те, кому личных доходов достаточно для полноценной жизни и поддержания активного долголетия, так и те, кому доходы не позволяют вести активную жизнь.*

Ключевые слова: *активное долголетие, внешние факторы, доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни, население Вологодской области.*

Для цитирования: *Короленко А.В. Внешние факторы активного долголетия в оценках населения Вологодской области // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 95–109.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Sociological sciences

Original article

External factors of active longevity in the estimates of the Vologda Oblast population

Aleksandra V. Korolenko
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract: *The study of the phenomenon of active longevity and its factors is becoming particularly relevant*

[1] © Короленко А.В.

in light of the need to improve the effectiveness of the policy of actions in the interests of older citizens. The advantage of the author's approach to assessing the factors of active longevity is the possibility of differentiating the influence of internal and external factors of active longevity, typologizing the population according to their ratio. The chosen method of sociological survey allows for the assessment of active longevity and its factors at the individual level. The purpose of the article was to study the external factors of active longevity, in particular, the role of accessibility of infrastructure, public approval and standard of living for maintaining a long and active life by the population. The information base is the data from sociological survey of the adult population of the Vologda Oblast «Active longevity and its factors» conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2021. It is established that the most accessible for active longevity, according to the population, are services in the field of information and communication, public transport, trade and household services. In general, the residents of the region are characterized by a favorable attitude towards the representatives of the older generation. The level of income of the population is sufficient to maintain the appearance, ensure a healthy diet, hobbies and visits to cultural institutions, physical education and sports, but it is not enough for education, the use of paid medical services, travel and tourism. Sub-indices of external factors of active longevity demonstrate that a positive attitude towards the elderly and active longevity in general prevails in the regional community, as well as that the infrastructure necessary to maintain active longevity is available for the majority of the population. At the same time, among the residents of the region, there are almost equally represented both those who have enough personal income to live a full life and maintain active longevity, and those whose incomes do not allow them to lead an active life.

Keywords: *active longevity, external factors, accessibility of infrastructure, public approval, standard of living, the Vologda Oblast population.*

For citation: *Korolenko A.V. External factors of active longevity in the estimates of the Vologda Oblast population // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 95-109.*

Введение

Ключевой задачей Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года выступает создание общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи[2]. Стратегия нацелена на повышение продолжительности, уровня и качества жизни людей старшего поколения. В документе обозначен ряд направлений, посвященных повышению качества жизни данной категории населения и обеспечению более эффективного использования их потенциала и участия в жизни общества[3]:

— финансовое обеспечение граждан старшего поколения и стимулирование их занятости;

— совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения, развитие гериатрической службы, включая профессиональную подготовку и дополнительное профессиональное образование специалистов в этой сфере;

— обеспечение доступа граждан старшего поколения к информационным и образовательным ресурсам;

— формирование условий для организации досуга граждан старшего поколения;

— развитие современных форм социального обслуживания, рынка социальных услуг;

— стимулирование производства товаров и оказание услуг в целях удовлетворения потребностей граждан старшего поколения;

— развитие общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения.

Перечисленные направления затрагивают важные аспекты жизнедеятельности граждан старшего поколения, в том числе в сфере поддержания активного долголетия, – здоровье, занятость, социальную активность, образование и саморазвитие. Внедрение политики активного долголетия – одно из решений адаптации социума и экономики к старению населения,

[2] Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утв. Пост. Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р // Правительство Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf (дата обращения: 7.03.2022)

[3] Там же

потенциально имеющее долгосрочный эффект и расширяющее возможности для использования ресурсного потенциала «стареющего» общества (Барсуков, Калачикова, 2021). В этой связи исследование феномена активного долголетия, в частности разработка методологического инструментария оценки его параметров и факторов, приобретает особую актуальность в свете необходимости повышения эффективности управленческих механизмов в данной сфере.

Международный индекс активного старения (Active aging index, AAI), разработанный А. Заиди с соавторами и активно применяемый экспертами ООН, помимо трёх показателей, демонстрирующих опыт активного и здорового старения (занятость, участие в жизни общества, независимость (автономия), здоровая и безопасная жизнь), содержит компонент, отражающий обеспечение благоприятных условий для активного и здорового старения (Sidorenko, Zaidi, 2013; Zaidi, 2020). В ряде отечественных исследований активного долголетия методика расчета индекса AAI была апробирована и для России (Zasimova, Sheluntcova, 2014; Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017; Barysheva et al., 2018). Так, в работе Л. Засимовой и М. Шелунцовой было доказано, что только 59% пожилых граждан России соответствуют всем трем критериям активного старения (здоровье, участие и безопасность), тогда как оставшиеся 41% россиян не могут считаться активными как минимум по одному компоненту активного долголетия (Zasimova, Sheluntcova, 2014). В исследовании М. Варламовой и соавторов было доказано, что основной вклад (более 1/3) в общий индекс активного долголетия населения страны вносит сфера потенциала и благоприятной среды для поддержания активного старения (Varlamova, Ermolina, Sinyavskaya, 2017). К аналогичным выводам приходят в своих работах Г.А. Барышева с соавторами (Barysheva et al., 2018). Таким образом, российские исследования активного долголетия, опирающиеся на методику расчёта индекса AAI, подтверждают факт благоприятных внешних условий для поддержания активного долголетия в России, в то время как внутренний потенциал активного долголетия в стране остаётся нереализованным.

Несмотря на авторитетность и релевантность методики AAI, в ней присутствуют определенные ограничения. В частности, данная методика рассчитывается исключительно для населения старших возрастов и не учитывает возможности активного долголетия для остальных возрастных групп. Так же практическое применение AAI в России осложняется тем, что данные по РФ есть не во всех волнах European Social Survey (ESS) и отсутствуют в трех других европейских обследованиях, на которых базируется оригинальный индекс активного долголетия – Европейского исследования рабочей силы (LFS), исследования доходов и условий жизни (SILC), исследования качества жизни (EQLS) (Фролова, Маланина, 2021). Индекс AAI интегрирует в себе как компоненты активного старения (долголетия), так и его внутренние (поведенческие) и внешние (условия среды) факторы, не позволяя рассмотреть их обособленно друг от друга (например, отделить внутренние факторы от компонентов активного долголетия). Кроме того, как отмечают в своей работе М. Барслунд, М. вон Вердер и А. Заиди, индекс AAI рассчитывается на данных, полученных из разных источников (то есть не принадлежащих одному и тому же человеку), что не позволяет судить об индивидуальных различиях в активном долголетии, в том числе об индивидуальном неравенстве в опыте активного долголетия, а даёт представление лишь об усреднённой по стране ситуации. Решить данную проблему может лишь построение индекса активного старения на основе данных из одного источника опроса (Barslund, Von Werder, Zaidi, 2017).

В рамках проекта РФФИ № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции ак-

тивного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения» был предложен авторский подход к оценке факторов активного долголетия, поскольку, с одной стороны, именно действием факторов можно эффективно управлять, а с другой стороны, понимание вклада различных факторов позволяет прогнозировать изменения в потенциале активного долголетия населения. Преимущество предлагаемого подхода состоит в том, что он предоставляет возможность дифференцировать влияние внутренних и внешних факторов активного долголетия, типологизировать население по их соотношению. Так, например, важность дифференцированного изучения внутренних и внешних факторов на примере изучения детерминации продолжительности здоровой жизни была подтверждена в работе Д.К. Танатовой, М.В. Вдовиной и Т.Н. Юдиной (Танатова, Вдовина, Юдина, 2021). Кроме того, предложенный в рамках нашего проекта метод социологического опроса (анкетирования) позволяет решить проблему оценки активного долголетия и его факторов на индивидуальном уровне.

В ранее опубликованной работе (Короленко, 2022) по результатам социологического опроса населения Вологодской области была осуществлена оценка компонентов активного долголетия населения и роли его внутренних факторов (установок, мотивов, действий). Цель данной статьи заключалась в изучении внешних факторов активного долголетия, в частности, роли доступности инфраструктуры, общественного одобрения и уровня жизни в поддержании долгой и активной жизни, по данным социологического опроса населения Вологодской области.

Задачи исследования:

Изучение оценок населением внешних факторов активного долголетия, а именно доступности объектов инфраструктуры, общественного одобрения пожилых и самооценок уровня жизни, в том числе в разрезе пола и возраста респондентов.

Апробация методики расчёта субиндексов и сводного индекса внешних факторов активного долголетия и их интерпретация, в том числе в разрезе пола и возраста респондентов.

Методы

Информационной базой исследования выступили данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы», проведенного Вологодским научным центром РАН в 2021 году. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования населения на территории городов Вологды, Череповца и восьми муниципальных районов области. Объем выборки составил 1500 респондентов.

Авторским коллективом проекта «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения» была разработана индексная методика внутренних и внешних факторов активного долголетия. В основу расчёта обоих индексов заложены ответы респондентов на вопросы анкеты социологического опроса взрослого населения Вологодской области. Внутренние (поведенческие) факторы активного долголетия, в том числе соответствующий индекс, подробно рассмотрены и проанализированы в работе (Короленко, 2022). В данной статье внимание сосредоточено на изучении роли внешних факторов (условий среды) в поддержании активного долголетия, в том числе посредством применения метода конструирования соответствующего интегрального (сводного) индекса. Преимущество интегральных индексов заключается в том, что, с одной стороны, они показывают соотношение совокупности явлений, состоящих из разнородных, непосредственно несоизмеримых элементов, с другой стороны, они необходимы для формирования удобных и эффективных методов и инструментов измерения явлений любой природы (Павлова и др.,

2018).

В качестве внешних условий активного долголетия в исследовании рассматривались доступность инфраструктуры для активного долголетия, общественное одобрение старшего поколения и уровень жизни, необходимый для поддержания долгой и активной жизни. Индекс внешних факторов активного долголетия базировался на ответах респондентов на соответствующие вопросы анкеты (табл. 1). Для обеспечения возможности расчёта индексов ответы были закодированы в интервальные шкалы, а именно в пятибалльную шкалу, позволяющую учесть степень изменчивости признака от крайнего отрицательного к крайне положительному значению. В состав индекса внешних факторов вошли три субиндекса – доступности инфраструктуры, общественного одобрения и самооценок уровня жизни. Расчёт субиндексов осуществлялся исходя из общепринятой в прикладной социологии формулы вычисления аналитических (обобщённых) индексов с пятичленной шкалой градации признака[4]:

$$I = \frac{n_1+0,5n_2-0,5n_4-n_5}{n_1+n_2+n_3+n_4+n_5}$$

– доля респондентов, выбравших варианты ответа «полностью доступны», «полностью согласен», «абсолютно достаточен» (крайнее положительное значение), а n_5 – доля респондентов, выбравших варианты ответа «совсем недоступны», «категорически не согласен», «абсолютно недостаточен» (крайнее отрицательное значение).

Сводный индекс внешних факторов активного долголетия вычислялся как среднее арифметическое всех трёх входящих в его состав субиндексов, исходя из предположения о равноценном вкладе каждого в детерминацию активного долголетия:

$$I_{ВнешнФ} = \frac{I_1+I_2-I_4}{3}$$

Максимальное значение всех субиндексов и сводного индекса – 1, тогда как минимальное – -1. Положительное значение индексов свидетельствует о преобладании наиболее выраженных (позитивных) ответов над наименее выраженными (негативными). Тогда как отрицательное значение свидетельствует об обратном. Значение индексов равное 0 демонстрирует равенство таких ответов (Короленко, 2022).

Результаты

Доступность инфраструктуры для ак-

Таблица 1. Различия в традиционном и компетентностном подходах

Субиндексы	Вопрос анкеты
Доступность инфраструктуры	Оцените, пожалуйста, насколько доступны для Вас основные объекты и услуги в следующих сферах жизнедеятельности (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале от 1 – совсем недоступны до 5 – полностью доступны)
	1. Здравоохранение 2. Культура (музеи, театры) 3. Общественный транспорт 4. Информация и связь 5. Образование 6. Социальная защита 7. Спорт и физкультура 8. Служба занятости 9. Жилой фонд 10. Торговля, бытовые услуги 11. Суды, органы прокуратуры, внутренних дел 12. Банки

[4] © Кулаков А.П. Измерение в социологии: учеб. пособие. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2005. С. 73.

Субиндексы	Вопрос анкеты
Общественное одобрение	Насколько Вы согласны с перечисленными утверждениями? (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале от 1 – категорически не согласны до 5 – полностью согласны)
	1. Долголетие граждан – залог развития государства и общества 2. Активное долголетие – заслуга государства и общества **3. Старшее поколение – носители ценного опыта, знаний, традиций** 4. Активное долголетие не зависит от финансового благосостояния 5. Активное долголетие – достижение самого человека **6. Пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях** 7. Чтобы сохранить здоровье и активность в пожилом возрасте требуется много денег 8. Пожилые люди сами требуют заботы и ухода 9. Компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее 10. Пожилой возраст – бедность, болезни, одиночество **11. Пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения** 12. Пожилой возраст ограничивает возможности досуга **13. Пожилой возраст – много свободного времени, мудрость, стабильность** **14. Жизненный опыт пожилых людей помогает им избежать многих ошибок** **15. В пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (хобби, общение, поездки и т.д.)** 16. Высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество 17. Знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений 18. Пожилые часто становятся жертвами мошенников
Уровень жизни	Достаточен ли для перечисленных занятий уровень Ваших доходов (оцените в каждой строке по шкале от 1 – абсолютно недостаточен до 5 – абсолютно достаточен)
	1. Получения образования и саморазвития 2. Занятий физкультурой и спортом 3. Посещения учреждений культуры 4. Занятий любимыми увлечениями, хобби 5. Обеспечения здорового питания 6. Путешествий, туризма 7. Поддержания внешнего вида (приобретение одежды, услуги парикмахерских, салонов красоты) 8. Для использования платных медицинских услуг
*утверждения, выделенные полужирным начертанием, включены в методику расчёта субиндекса общественного одобрения. Источник: составлено авторским коллективом проекта.	

тивного долголетия. Направления политики активного долголетия затрагивают вопросы доступности её объектов и услуг, а именно качественную медицинскую помощь и социальное обслуживание, стимулирование трудовой занятости и физической активности, создание безопасной среды, развитие культурно-досуговых интересов пожилых людей и информационная доступность для них (Соболева, 2018).

Наиболее высоко население Вологодской области оценивает доступность объектов и услуг в сфере информации и связи, общественного транспорта (по 3,9 балла соответственно), а также торговли и бытовых услуг (3,8 балла; рис. 1). Несколько меньше для жителей региона доступны услуги здравоохранения (3,6 балла), физкультуры и спорта, банковской сферы, судов, органов прокуратуры, внутренних дел и культуры (по 3,5 балла соответственно). Самыми малодоступными, по мнению респондентов, являются услу-

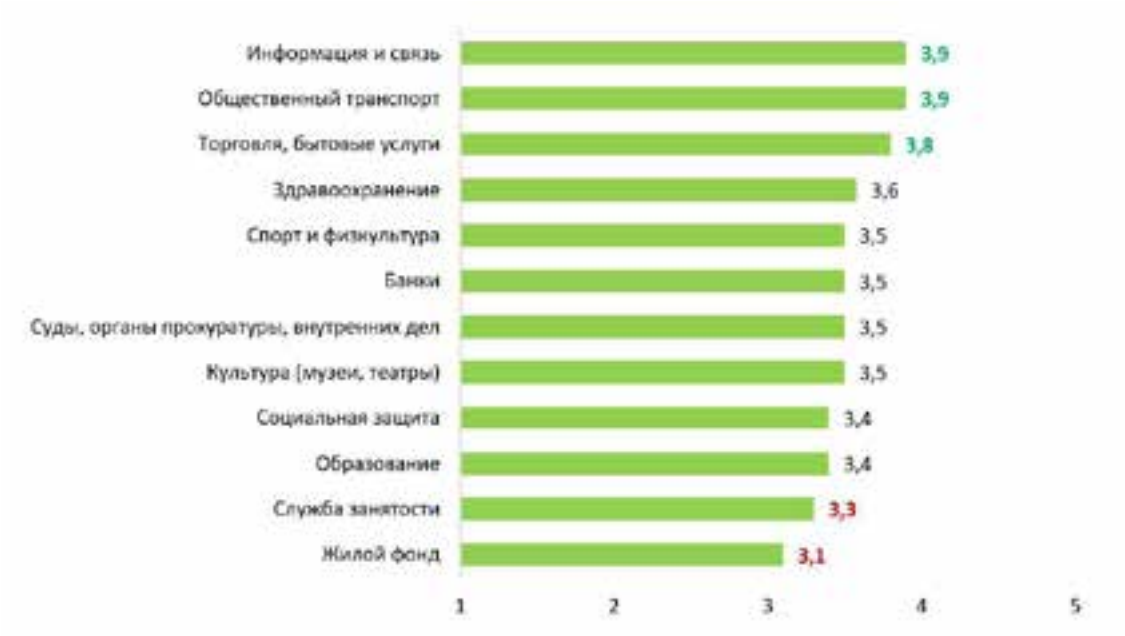

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для Вас основные объекты и услуги в следующих сферах жизнедеятельности» (средний балл по 5-балльной шкале от «1» – совсем недоступны до «5» – полностью доступны)

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».

ги службы занятости (3,3 балла) и объекты жилого фонда (3,1 балла).

Женщины давали более высокие баллы при оценке доступности услуг общественного транспорта, информации и связи (4,0 балла против 3,8 соответственно; табл. 2). В остальном оценки мужчин и женщин оказались примерно одинаковыми. Что касается возрастных различий, то молодежь в возрасте 18–22 лет выше по сравнению с другими возрастными группами оценивала доступность образования и физкультуры и спорта (по 3,9 балла соответственно), здравоохранения и культуры (по 3,8 балла соответственно), социальной защиты (3,6 балла). Респонденты в возрасте 23–29 лет более высоко оценивали доступность торговли и сферы бытовых услуг (4,0 балла) и службы занятости (3,5 балла). Население в возрасте 40–49 лет считает наиболее доступными услуги общественного транспорта (4,2 балла), информации и связи (4,2 балла), торговли и бытовых услуг (4,0 балла), культуры (3,8 балла), судов, прокуратуры и внутренних органов, а также банков (по 3,7 балла). Люди в возрасте 60–69 лет доступность услуг и объектов всех перечисленных сфер жизнедеятельности оценивали ниже по сравнению с другими группами респондентов.

Общественное одобрение. Отношение общества к представителям старшего поколения играет важную роль в активном долголетии, оно отражается в субъективном восприятии населением ценности опыта пожилого человека и в конструировании его образа. Негативным проявлением общественного восприятия старости и долгожительства служат эйджистские стереотипы в отношении представителей старшего поколения (Зеликова, 2020). В некоторых отечественных исследованиях подтверждается факт распространения негативных стереотипов по отношению к пожилым людям в российском обществе (Смирнова, 2008).

Население региона выразило наибольшее согласие со следующими утверждениями относительно роли представителей старшего поколения в общественном и социально-экономическом развитии: «по-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для Вас основные объекты и услуги в следующих сферах жизнедеятельности» по полу и возрасту респондентов (средний балл по 5-балльной шкале от «1» – совсем недоступны до «5» – полностью доступны)

Сфера	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18-22	23-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70+
Здравоохранение	3,5	3,6	3,8	3,7	3,6	3,6	3,6	3,4	3,6
Культура (музеи, театры)	3,5	3,6	3,8	3,7	3,6	3,6	3,5	3,3	3,3
Общественный транспорт	3,8	4,0	4,1	4,0	3,9	4,2	3,8	3,7	3,8
Информация и связь	3,8	4,0	4,1	4,1	4,0	4,2	3,9	3,7	3,8
Образование	3,3	3,4	3,9	3,6	3,4	3,6	3,2	3,0	3,4
Социальная защита	3,3	3,4	3,6	3,5	3,4	3,4	3,4	3,3	3,4
Спорт и физкультура	3,5	3,6	3,9	3,8	3,6	3,8	3,2	3,1	3,2
Служба занятости	3,2	3,3	3,4	3,5	3,3	3,5	3,2	3,0	3,2
Жилой фонд	3,1	3,1	3,2	3,2	3,1	3,3	3,8	2,8	3,1
Торговля, бытовые услуги	3,8	3,9	3,8	4,0	3,9	4,0	3,8	3,7	3,9
Суды, органы прокуратуры, внутренних дел	3,4	3,5	3,5	3,5	3,5	3,7	3,4	3,2	3,3
Банки	3,4	3,5	3,6	3,6	3,6	3,7	3,4	3,2	3,3
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».									

жилые люди часто становятся жертвами мошенников» (4,0 балла), «пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения» (4,0 балла), «старшее поколение – носители ценного опыта, знаний и традиций» (4,0 балла; рис. 2). Наименьшее согласие респонденты продемонстрировали в отношении утверждений о том, что знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений (3,1 балла), активное долголетие не зависит от финансового благосостояния (3,1 балла) и является заслугой государства и общества (3,1 балла), высокая продолжи-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с перечисленными утверждениями?» (средний балл по 5-балльной шкале от «1» – категорически не согласны до «5» – полностью согласны)

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».

тельность жизни создаёт нагрузку на государство и общество (3,0 балла).

Женщины по сравнению с мужчинами в большей степени согласны со следующими положениями: активное долголетие является залогом развития государства и общества (3,8 балла против 3,6), пожилой возраст – это много свободного времени, мудрость, стабильность (3,8 балла против 3,6), в пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (3,7 балла против 3,5), активное долголетие не зависит от финансового благосостояния (3,2 балла против 3,0; табл. 3). Молодёжь в возрасте 18–22 лет чаще выражала согласие с тем, что пожилые люди часто становятся жертвами мошенников (4,1 балла), компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее (3,7 балла), пожилой возраст связан с бедностью, болезнями, одиночеством (3,5 балла), а также ограничивает возможности досуга (3,5 балла). Вместе с тем также молодые респонденты часто придерживались мнения о том, что пожилой возраст – большое количество свободного времени, мудрость, стабильность (3,9 балла). Респонденты в возрасте 23–29 лет в большей степени оказались согласны с тем, что активное долголетие – это заслуга самого человека (3,8 балла), для сохранения здоровья и активности в пожилом возрасте требуется много денег (3,8 балла), в пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (3,7 балла), компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее (3,7 балла). Опрошенные в возрасте 40–49 лет

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с перечисленными утверждениями?» по полу и возрасту респондентов
(средний балл по 5-балльной шкале от «1» – категорически не согласны до «5» – полностью согласны)

Утверждение	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18-22	23-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70+
Долголетие граждан – залог развития государства и общества	3,6	3,8	3,6	3,7	3,6	3,8	3,6	3,7	4,0
Активное долголетие – заслуга государства и общества	3,1	3,2	3,3	3,1	3,1	3,3	3,0	3,1	3,0
Старшее поколение – носители ценного опыта, знаний, традиций	3,9	4,0	3,7	4,0	3,8	4,1	3,9	4,1	4,0
Активное долголетие не зависит от финансового благосостояния	3,0	3,2	3,4	2,9	3,0	3,1	3,3	3,2	3,0
Активное долголетие – достижение самого человека	3,7	3,8	3,7	3,8	3,8	3,8	3,6	3,7	3,7
Пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях	3,6	3,7	3,5	3,6	3,5	3,8	3,6	3,9	3,6
Чтобы сохранить здоровье и активность в пожилом возрасте требуется много денег	3,7	3,6	3,6	3,8	3,7	3,7	3,6	3,7	3,3
Пожилые люди сами требуют заботы и ухода	3,7	3,8	3,8	3,8	3,7	3,8	3,8	3,8	3,7
Компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее	3,5	3,5	3,7	3,7	3,5	3,6	3,4	3,4	3,7
Пожилой возраст – бедность, болезни, одиночество	3,3	3,3	3,5	3,2	3,1	3,4	3,4	3,3	3,2
Пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения	3,9	4,0	3,8	4,0	3,7	4,0	4,0	4,2	4,0
Пожилой возраст ограничивает возможности досуга	3,3	3,3	3,5	3,2	3,2	3,4	3,4	3,3	3,0
Пожилой возраст – много свободного времени, мудрость, стабильность	3,6	3,8	3,9	3,6	3,6	3,8	3,7	3,8	3,9
Жизненный опыт пожилых людей помогает им избежать многих ошибок	3,7	3,8	3,7	3,8	3,6	3,8	3,8	3,9	3,8

Утверждение	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18-22	23-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70+
В пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (хобби, общение, поездки и т.д.)	3,5	3,7	3,6	3,7	3,5	3,7	3,6	3,6	3,5
Высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество	3,0	2,9	3,4	3,2	3,0	3,0	3,0	2,8	2,5
Знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений	3,1	3,0	3,3	3,2	3,1	3,1	3,0	2,9	2,8
Пожилые часто становятся жертвами мошенников	3,9	4,0	4,1	4,0	3,9	4,1	3,9	3,9	3,8

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».

чаще признавали как ценный опыт, знания и традиции пожилых людей (4,1 балла), так и их большую подверженность обману мошенников (4,1 балла). Респонденты 60–69 лет в большей степени согласны с тем, что пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения (4,2 балла), носители ценного опыта, знаний, традиций (4,1 балла), пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях (3,9 балла), а жизненный опыт пожилых помогает им избежать многих ошибок (3,9 балла). Представители самой старшей возрастной группы (70+) чаще придерживались мнения о том, что долголетие граждан – залог развития государства и общества (4,0 балла), что пожилой возраст предоставляет много свободного времени, для пожилых характерны мудрость, стабильность (3,9 балла).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Достаточен ли для перечисленных занятий уровень Ваших доходов» (средний балл по 5-балльной шкале от «1» – абсолютно недостаточен до «5» – абсолютно достаточен)

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».

Самооценка уровня жизни. Финансовое положение определяет возможность позволить себе определенные виды досуга (Boudiny, 2013). Согласно мнениям респондентов, уровень доходов наиболее достаточен для поддержания внешнего вида (3,3 балла), несколько меньше – для обеспечения здорового питания, занятий хобби и посещения учреждений культуры

(3,2 балла), занятий физкультурой и спортом (3,1 балла; рис. 3). Доходы населения региона наименее достаточны для таких целей, как получение образования (2,9 балла), использования платных медицинских услуг (2,7 балла), путешествий и туризма (2,6 балла).

В оценках достаточности доходов для перечисленных занятий не выявлено различий между мужчинами и женщинами, но наблюдается расхождения в разрезе возрастных групп (табл. 4). Респонденты в возрасте 23–29 лет чаще называли свой уровень доходов достаточным для поддержания внешнего вида и обеспечения здорового питания (по 3,5 балла соответственно), занятий физкультурой и спортом (3,4 балла), получения образования и саморазвития (3,3 балла), использования платных медицинских услуг (3,0 балла), путешествий и туризма (2,9 балла). Население в возрасте 30–39 лет и 40–49 лет также, как и молодежь, выше оценивает достаточность доходов для поддержания внешнего вида (по 3,5 балла) и занятий физкультурой и спортом (по 3,4 балла). Респонденты 60–69 лет, напротив, чаще заявляли о недостаточности уровня доходов для всех перечисленных видов занятий.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Достаточен ли для перечисленных занятий уровень Ваших доходов» по полу и возрасту респондентов
(средний балл по 5-балльной шкале от «1» – абсолютно недостаточен до «5» – абсолютно достаточен)

Сфера	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18-22	23-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70+
Получения образования и саморазвития	2,9	3,0	3,2	3,3	3,1	3,2	2,9	2,4	2,7
Занятий физкультурой и спортом	3,1	3,0	3,2	3,4	3,4	3,4	2,9	2,5	2,6
Посещения учреждений культуры	3,1	3,2	3,1	3,4	3,4	3,5	3,1	2,6	3,0
Занятий любимыми увлечениями, хобби	3,2	3,2	3,0	3,3	3,3	3,5	3,2	2,8	2,9
Обеспечения здорового питания	3,2	3,2	3,0	3,5	3,3	3,4	3,2	2,9	3,0
Путешествий, туризма	2,6	2,5	2,7	2,9	2,8	2,8	2,5	2,2	2,1
Поддержания внешнего вида (приобретение одежды, услуги парикмахерских, салонов красоты)	3,2	3,3	3,1	3,5	3,5	3,5	3,2	2,9	2,9
Для использования платных медицинских услуг	2,7	2,7	3,7	3,0	2,9	3,0	2,5	2,3	2,5
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».									

Индекс внешних факторов активного долголетия. Согласно произведённым расчетам, индекс внешних факторов активного долголетия составил 0,24, что свидетельствует о преобладании положительных оценок доступности инфраструк-

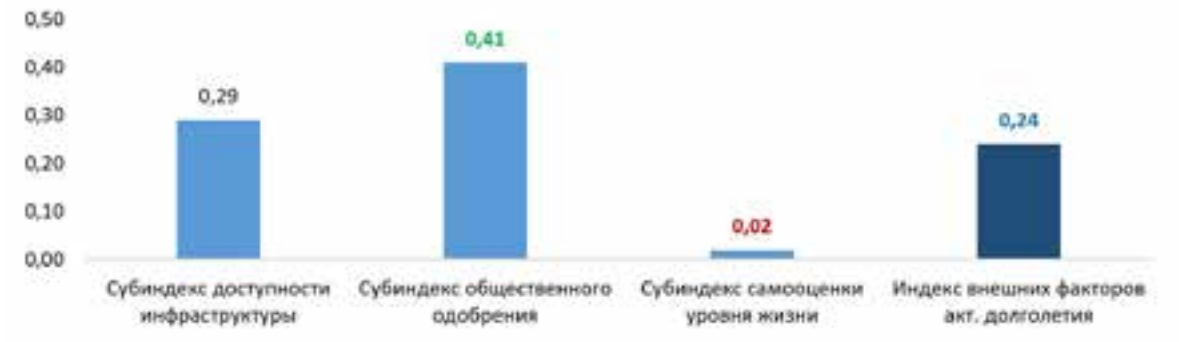

Рис. 4. Индекс внешних факторов активного долголетия и его субиндексы
Источник: рассчитано по данным социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».
Примечание: сводный индекс и составляющие его субиндексы рассчитывались по выборке, «очищенной» от пропусков необходимых ответов (1317 респондентов).

туры, общественного одобрения и уровня жизни над отрицательными (рис. 4). Среди компонентов индекса наибольшее значение приобрел субиндекс общественного одобрения (0,41), тогда как наименьшее – субиндекс самооценки уровня жизни, который принял значение 0,02. Значение субиндекса доступности инфраструктуры составило 0,29. Полученные результаты показывают, что положительное значение внешних факторов активного долголетия обеспечивается в большей степени преобладанием положительного отношения в обществе к пожилым и активному долголетию, а также доступностью инфраструктуры для активного долголетия. Однако значение субиндекса самооценок уровня жизни свидетельствует о том, что среди населения региона почти в равной степени представлены как те, кому личных доходов достаточно для полноценной жизни и поддержания активного долголетия, так и те, кому доходы не позволяют вести активную жизнь.

Согласно расчетам для женского населения по сравнению с мужским выше субиндексы доступности инфраструктуры (0,31 против 0,25) и общественного одобрения (0,44 против 0,37), и, как следствие, сводный индекс внешних факторов активного долголетия (0,26 против 0,21; табл. 5). Субиндекс доступности инфраструктуры приобрёл наибольшее значение для молодёжи 18–22 лет (0,37) и 23–29 лет (0,36), наименьшее – для населения старших возрастных групп – 60–69 лет (0,17) и 70 лет и старше (0,19). Максимальный индекс общественного одобрения отмечается для населения 40–49 лет, 60–69 лет (по 0,45 соответственно) и 70 лет и старше (0,46), минимальный – для возрастной группы 30–39 лет (0,34). Наибольшие значения индекса самооценки уровня жизни зафиксированы для категорий населения 23–29 лет (0,17) и 40–49 лет (0,16), наименьше – для населения 60–69 лет и 70 лет и старше, для которых он приобрёл максимальное отрицательное значение, что свидетельствует о преобладание ситуации недостаточности доходов для большинства занятий (-0,19 и -0,14 соответственно). Сводный индекс внешних факторов активного долголетия максимальное значение имеет для возрастной группы 40–49 лет (0,34), минимальное – для старших категорий населения – 60–69 лет (0,15) и 70 лет и старше (0,17).

Таблица 5. Индекс внутренних факторов активного долголетия и его субиндексы в разрезе пола и возраста респондентов

Сфера	Пол		Возраст						
	Мужчины	Женщины	18-22	23-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70+
Субиндекс доступности инфраструктуры	0,25	0,31	0,37	0,36	0,31	0,38	0,25	0,17	0,19
Субиндекс общественного одобрения	0,37	0,44	0,38	0,41	0,34	0,45	0,38	0,45	0,46
Субиндекс самооценки уровня жизни	0,02	0,03	0,00	0,17	0,13	0,16	-0,03	-0,19	-0,14
Индекс внешних факторов АД	0,21	0,26	0,25	0,31	0,31	0,34	0,20	0,15	0,17
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы».									

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что наиболее доступными для активного долголетия население Вологодской области считает услуги в сфере информации и связи, общественного транспорта, торговли и бытовых услуг, тогда как наименее доступны услуги службы занятости и объекты жилого фонда. В целом для жителей региона характерно благоприятное отношение к представителям старшего поколения. В оценках их роли в общественном и социально-экономическом развитии наблюдаются интересные особенности: с одной стороны, преобладают мнения о том, что пожилые люди являются незаме-

нимыми помощниками в воспитании подрастающего поколения, носителями ценного опыта и знаний, с другой стороны, распространенной оказалась позиция относительно уязвимости данной категории перед мошенническими действиями. По данным опроса уровень доходов населения достаточен для поддержания внешнего вида, обеспечения здорового питания, занятий хобби и посещения учреждений культуры, занятий физкультурой и спортом, однако его не хватает для получения образования, использования платных медицинских услуг, путешествий и туризма. В характере оценок доступности услуг и объектов инфраструктуры для активного долголетия, общественного одобрения старшего поколения, а также самооценок достаточности доходов также наблюдались заметные половозрастные особенности.

Субиндексы внешних факторов активного долголетия демонстрируют тот факт, что в региональном сообществе преобладает положительное отношение к пожилым и в целом к активному долголетию, а также о том, что для большинства населения доступна необходимая для поддержания активного долголетия инфраструктура. Вместе с тем, среди населения Вологодской области почти в равной степени представлены как те, кому личных доходов достаточно для полноценной жизни и поддержания активного долголетия, так и те, кому доходы не позволяют вести активную жизнь, что говорит о проблеме неравенства в уровне жизни, необходимом для активного долголетия. При этом наиболее остро проблема неравенства в уровне жизни для достижения активного долголетия стоит для представителей старшего поколения (60 лет и старше).

Результаты исследования обладают выраженной научной новизной в части развития теоретико-методологических подходов к измерению активного долголетия и его факторов. Кроме того, они представляют практический интерес для органов власти, занимающихся разработкой и реализацией направлений Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения, поскольку дают представление как о сложившихся в российской действительности благоприятных условия среды для активного долголетия граждан, так и о факторах-барьерах, препятствующих поддержанию долгой и активной жизни.

Список источников / References

Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Территориальные особенности распространенности активного долголетия // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 2. DOI: 10.15838/tdi.2021.2.57.3 URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28893 (дата обращения: 7.03.2022)

Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения // Успехи геронтологии. 2017. № 2 (30). С. 243–247.

Зеликова Ю. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 124–145. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145

Короленко А.В. Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. 2022. Т. 8.

Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2021) Territorial Features of Active Longevity Prevalence. Voprosy territorial'nogo razvitija = Territorial development issues. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.15838/tdi.2021.2.57.3 URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28893 (accessed at: 7.03.2022) (In Russ.)

Grigoryeva I.A., Kelasev V.N. (2017) Archaic stereotypes and modern approaches for understanding of aging. Uspehi gerontologii = Advances in Gerontology. Vol. 30. No. 2. P. 243–247. (In Russ.)

Zelikova Ju. (2020) "I Can Only Perceive Myself as a Babushka": Aging, Ageism, and Sexism in Contemporary Russia. Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij = Laboratorium: Russian Review of Social Research. Vol. 12. No. 2. C. 124–145. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145 (In Russ.)

№ 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2 URL: http://socialarea-journal.ru/article/29201 (дата обращения: 16.03.2022)

Павлова И.А., Гуменников И.В., Монастырный Е.А., Дхруви Ш. Что стоит за интегральными индексами благополучия? // Вестник науки Сибири. 2018. № 4 (31). С. 230–254. URL: http://jwt.su/journal/article/view/851/858 (дата обращения: 22.03.2022)

Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8 (292). С. 49–55.

Соболева Е.В. Социологический анализ макросоциальных процессов в области активного долголетия // Социология. 2018. № 2. С. 234–240.

Танатова Д.К., Вдовина М.В., Юдина Т.Н. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 3. С. 468–473. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473

Фролова Е. А., Маланина В. А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 209–222. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-16

Korolenko A.V. (2022) Active Ageing in the Life Practices of the Vologda Oblast Population. Social'noe prostranstvo = Social area. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2 URL: http://socialarea-journal.ru/article/29201 (accessed at: 16.03.2022) (In Russ.)

Pavlova I.A., Gumennikov I.V., Monastyrny E.A., Dhruvi Sh. (2018) What is behind composite wellbeing indices? Vestnik nauki Sibiri = Journal of Wellbeing Technologies. Vol. 31. No. 4. P. 230–254. URL: http://jwt.su/journal/article/view/851/858 (accessed at: 22.03.2022) (In Russ.)

Smirnova T.V. (2008) Ageing people: stereotypic image and social distance. Sociologicheskie issledovanija = Sociological Research. Vol. 292. No. 8. P. 49–55. (In Russ.)

Soboleva E.V. (2018) Sociological analysis of macrosocial processes in the field of active longevity. Sociologija = Sociology. No. 2. P. 234–240. (In Russ.)

Tanatova D.K., Vdovina M.V., Yudina T.N. (2021) The social factors increasing healthy life longevity (according sociological surveys materials). Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. Vol. 29. No. 3. P. 468–473. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473 (In Russ.)

Frolova E.A., Malanina V.A. (2021) Active Ageing Index in Siberian Regions. Ekonomika regiona = Economy of region. Vol. 17. No. 1. P. 209–222. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-16 (In Russ.)

Barslund M., Von Werder M., Zaidi A. (2017) Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries. Ageing and Society. Vol. 39. P. 1–27. https://doi.org/10.1017/S0144686X17001052

Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. (2018) Active Ageing Index: A Russian Study. In: Zaidi A., Harper S., Howse K., Lamura G., Perek-Białas J. (eds) Building Evidence for Active Ageing Policies. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19

Boudiny K. (2013) "Active ageing": From empty rhetoric to effective policy tool. Ageing and Society. Vol. 33. No 6. P. 1077–1098. https://doi.org/10.1017/S0144686X1200030X

Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active ageing in CIS countries: semantics, challenges, and responses. Current Gerontology and Geriatrics Research. Vol. 2013. P. 1–17. http://dx.doi.org/10.1155/2013/261819

Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. (2017) Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. Population Ageing. Vol. 10. P. 41–71. https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0

Zaidi A. (2020) Active Aging and Active Aging Index. In: Gu D., Dupre M. (eds) Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69892-2_208-1

Zasimova L., Sheluntcova M. (2014) Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia. Working papers by NRU Higher school of economics. Series PA «Public administration». 30 p.

Сведени об авторе

Короленко Александра Владимировна, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН). E-mail: coretra@yandex.ru Тел. 89633533791 160014, Вологда, ул. Горького 56а, Россия

Information about the author

Korolenko Aleksandra Vladimirovna, research assistant of department for the studies of lifestyles and living standards, Federal state budgetary institution of science “Vologda research center of the Russian academy of sciences” (FSBIS VolRC RAS). E-mail: coretra@yandex.ru Phone: 89633533791 Russia, 160014, Vologda, Gogol’ Street, 56A

Вклад автора

Короленко А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Korolenko A.V. performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Социологические науки

Оригинальная статья
УДК 316.354.4

Ценности и жизненные приоритеты олимпийских волонтеров

Марина Петровна Сухарькова[1]
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Москва, Россия

Аннотация: *В статье мы обратимся к рассмотрению ценностей и приоритетов, которыми руководствуются в повседневной жизни олимпийские волонтеры – участники олимпийской волонтерской программы «Сочи 2014». Эта программа является одной из первых комплексных программ о работе с волонтерами, реализуемая на федеральном уровне в нашей стране при участии государственных, некоммерческих, коммерческих организаций. Олимпийские волонтеры получили специальные знания и навыки для оказания волонтерских услуг в рамках организации и проведении крупного спортивного мероприятия (Олимпийских и/или Паралимпийских игр).*

Эмпирической базой статьи является онлайн опрос олимпийских волонтеров, который проводился в январе 2022 года. Участие в исследовании приняли 520 респондентов.

Результаты исследования позволяют нам сделать следующие выводы: значительная часть волонтеров строят планы на ближайшее и отдаленное будущее; подавляющее большинство волонтеров также сказали, что они имеют определенные цели, более трети респондентов ответили, что у них есть цели, но они могут меняться; для волонтеров члены семьи являются значимыми лицами при формировании панов на будущее.

Говоря о своих приоритетах в жизни, большая часть волонтеров выбрали, что для них наиболее важна семья, образование и саморазвитие, а также здоровье. Волонтеры ценят в других людях такие качества, как честность, доброта и порядочность. Участники исследования сказали нам о том, что в ближайшие три года они хотели бы уделять больше внимания семейной жизни и близким. Отдельно стоит отметить, что треть волонтеров ответили, что хотели бы больше внимания уделять волонтерской деятельности.

Ключевые слова: *волонтеры; жизненные стратегии; ценности; влияние волонтерства на ценности; жизненные приоритеты волонтеров.*

Для цитирования: *Сухарькова М.П. Ценности и жизненные приоритеты олимпийских волонтеров // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 110–118.*

Sociological sciences

Original article

Values and priorities of olympic volunteers

Marina P. Sukharkova
National Research University Higher School of Economics (HSE), Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, Moscow, Russia,

Abstract: *In the article we turn to the consideration of the values and priorities that guide the daily life of Olympic volunteers - participants in the Sochi 2014 Olympic volunteer program. This program is one of the first comprehensive programs on working with volunteers, implemented at the federal level in our country with the participation of state, non-profit, commercial organizations. Olympic volunteers have received special knowledge and skills to provide volunteer services in the organization and conduct of a major sporting event*

[1] © Сухарькова М.П.

(Olympic and / or Paralympic Games).

The empirical basis of the article is an online survey of Olympic volunteers, which was conducted in January 2022. 520 respondents took part in the research.

The results of the study allow us to draw the following conclusions: a significant part of the volunteers make plans for the near and distant future; the vast majority of volunteers also said that they have certain goals, more than a third of the respondents answered that they have goals, but they can change; for volunteers, family members are significant persons in shaping pans for the future.

Speaking about their priorities in life, most of the volunteers chose family, education and self-development, and health as the most important for them. Volunteers appreciate in other people such qualities as honesty, kindness and decency. The study participants told us that in the next three years they would like to pay more attention to family life and loved ones. Separately, it is worth noting that a third of the volunteers answered that they would like to pay more attention to volunteering.

Keywords: *volunteers; life strategies; values; the impact of volunteering on values; life priorities of volunteers.*

For citation: *Sukharkova M.P. Values and priorities of Olympic volunteers // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 110-118.*

Введение

Каждому человеку свойственно планировать свою жизнь на ближайшую или отдаленную перспективы, такое планирование обусловлено целями, то есть желаемым результатом жизнедеятельности и средствами его достижения, можно сказать о том, что человек выстраивает собственные жизненные стратегии (Зубок, 2020). В иностранной социальной науке исследования по тематике изучения стратегий жизненных путей людей зачастую рассматривается в рамках концепции «life course studies», где жизненный путь трактуется как динамичная темпоральная последовательность событий и ролей на протяжении жизни человека (Гаврилюк, Гаврилюк, 2021). В российской социологии исследования разных этапов жизни людей рассматриваются с помощью категорий жизненных приоритетов или жизненной стратегии, под которыми понимаются осознанный контроль и планирование человеком своей жизни через формирование представлений о будущем (Дмитриева 2021). Большинство исследований показывают, что люди с жизненными приоритетами и стратегиями, активные на рынке труда, в сочетании со стабильным партнерством (семейными отношениями) и родительством, как правило, демонстрируют наиболее высокий уровень социального благополучия (Comolli, Bernardi, Voorpostel, 2021). На протяжении последних десятилетий, исследования демонстрируют также, что люди, которые принимают участие в волонтерской работе, более успешны в профессиональной сфере, вместе с этим, отличаются более внимательным отношением к планированию собственного времени и жизни (Giancaspro, Manuti, 2021).

Рассматривая жизненные стратегии как систему, состоящую из совокупности множества элементов, которые позволяют создать большое количество разнообразных конструкций, одной из проблем их типологии является выбор ее критериев (Ельникова, Михайловская, 2018). Мы остановимся на изучении жизненных приоритетов волонтеров через ценности, так как именно они являются значимыми регуляторами поведения людей и демонстрируют приоритетные направления жизнедеятельности.

Исследования жизненного приоритетов

Существует ряд родственных понятий, таких как «жизненный путь», «жизненные приоритеты», «жизненная стратегия», «жизненная позиция», «жизненная роль», «варианты жизни», «стиль жизни», «жизненная задача», «временная перспектива», содержание которых не имеет четко закрепленных определений, часто смысл этих понятий пересекается (Костромина и др., 2018).

Исследования, посвященные жизненным стратегиям или приоритетам, связаны с изучением разных периодов нашей жизни (Mayer, 2009). При этом работы в данной сфере отслеживают изменения во

времени и выявляют причины этих изменений (Komp, Johansson, 2016). Этот фокус связывает исследования текущей жизни с исследованиями будущего, которые наблюдают за прошлым и последующими событиями, а также изучают возможные, исключительные и вероятность будущих событий (Inayatullah, 2008; Milojevic, Inayatullah, 2015).

Исследование жизненных приоритетов — широко используемый метод изучения жизни отдельных людей и их траектории (Koistinen et. al., 2020). Перспектива жизненных приоритетов строится на предположении, что нынешний опыт формирует базу для последующих этапов нашей жизни; это является частью общей стратегии жизни, изучение жизненный приоритетов позволяют запечатлеть эволюцию жизненного опыта человека (de Vries, 2013). Помимо изучения отдельных жизненных приоритетов, жизненных стратегий исследования в подобном направлении также охватывают жизнь людей в контексте отношений. Безусловно, жизненный приоритеты взаимосвязаны с категорией жизненного пути человека. Барбара Митчелл (2013) определила жизненный путь как «последовательность социально определенных событий и ролей, которые индивид разыгрывает в течение время», добавляя, что «эти события не обязательно происходят в заданном последовательности, а представляют собой совокупность фактического опыта». Фундаментальной особенностью перспективы жизненного пути является сосредоточение отношения между жизненными приоритетами, социальным окружением и жизненным опытом (Levy, Bühlmann, 2016).

Описанная выше направленность делает исследования, посвященные изучению жизненных приоритетов и ценностей важной частью социологии и дает им применение в социальной политике и демографии, а также среди других дисциплин (Mayer, 2009). Элеонора Барбьери Мазини (2000) в своих работах показала, что социология вносит свой вклад в изучение будущего через исследования жизненных приоритетов. Более того, она предположила, что исследования будущего в значительной степени опираются на социологию, чтобы лучше понять сложные социальные структуры.

Исследования жизненных приоритетов зачастую связывают с жизненным путем и объясняют изменения в жизни человека с течением времени (Komp-Leukkunen, 2020). Катрин Комп-Лейккунен (2020) использует две ключевые концепции для структурирования сложности человеческих жизней: жизненные события и жизненные фазы. Жизненные события — это впечатляющий опыт, который получают люди. Этот опыт каким-либо образом меняет жизнь человека, будь то какая-либо личность, жизненные обстоятельства или деятельность (Brüderl, Kratz, Bauer, 2019), хотя исследователи отмечают, что этот список не является исчерпывающим, ведь любое событие может стать важным событием жизни, при этом решающим фактором является реакция заинтересованного лица (Weststrate et al., 2018). Вторая ключевая концепция этого подхода - фаза жизни. Жизненная фаза – это период времени, который человек воспринимает как однородный. Однородность возникает из-за того, что люди сохраняют одинаковую идентичность и занимаются сходной деятельностью на протяжении всей жизни (Komp-Leukkunen, 2019).

Жизненные приоритеты и ценности волонтеров

Многочисленная литература о волонтерстве предполагает, что этот образ жизни и поведение связаны с мощной пользой для здоровья тех, кто занимается волонтерством, помещая его среди других хорошо зарекомендовавших себя полезных для здоровья моделей поведения, таких как отказ от курения, правильное питание и физические упражнения (Yamashita, Keene, Lu, Carr 2019). Так, участие в волонтерской деятельности способствует формированию у людей определенных привычек и норм, которые в свою очередь

влияют на формирование стереотипов, в этих процессах важная роль принадлежит тем ценностям и нормам, которым следует человек.

Кроме этого, волонтерство помогает людям всех возрастов вносить свой вклад и устанавливать связи со своими сообществами и социальными делами (Omoto A. M., Snyder M., Martino, 2018). Формирование определенных социальных контактов и сетей, активное участие в общественной жизни общества также влияют на формирование жизненных приоритетов и ценностей.

Таким образом, участие в волонтерской деятельности можно рассматривать как вид жизненной активности, который оказывает влияние на жизненные приоритеты и ценности, с одной стороны, а с другой стороны, волонтерство может формировать определенные ценности и приоритеты.

Об исследовании

В период с 10 по 20 января 2022 года нами был проведен онлайн-опрос, посвященный изучению влияния участия в волонтерской деятельности на жизненные стратегии. Участие в исследовании приняли 520 волонтеров. Участники исследования – волонтеры, принимавшие участие в организации и проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2014 г., то есть участники олимпийской волонтерской программы.

Доля женщин среди участников опроса составила 65%, доля мужчин – 25 %. Среди женщин 55% опрошенных составили респонденты в возрасте 18–30 лет, 35 % – это мужчины в возрасте 31–55 лет, 10% старше 55 лет. Среди мужчин большинство (60%) составили молодые люди в возрасте 18–30 лет, 30% мужчин в возрасте от 31 до 55 лет и 10% старше 55 лет. Большинство опрошенных волонтеров (50%) отнесли себя к средне материально обеспеченным; еще 16% – к высоко материально обеспеченным; 20% – к низко материально обеспеченным; 3% – к живущим за чертой бедности; 11% затруднились оценить свое материальное положение. Большинство участников опроса (60%) проживают в областном, краевом, республиканском центре; 24% – в мегаполисах; 11% – в небольших городах и районных центрах; 3% – в селах; 2% – в поселках городского типа.

Результаты исследования

Говоря о своих планах на будущее, более половины участников исследования (57%) сказали нам о том, что они строят планы на ближайшее и отдаленное будущее, 16% - строят планы только на отдаленное будущее, 15% - только на ближайшее будущее. Каждый десятый участник исследования сказал, что он не стоит планов на будущее.

Стоит отметить, что старшего возраста (старше 55 лет) (22%) чаще других возрастных категорий, ответили, что они строят планы только на ближайшее будущее, молодые люди (в возрасте от 18 до 30 лет) (24%) чаще других отвечали, что они строят планы на отдаленное будущее, люди среднего возраста (от 31 до 55 лет) чаще участников исследования других возрастных групп (60%) ответили, что они строят планы и на ближайшее и на отдаленное будущее. Молодые люди продемонстрировали наиболее высокий уровень (14%) в выборе варианта ответа, согласно которому они не строят планов на будущее.

Рассказывая же о своих целях, более трети участников исследования (42%) сказали, что они имеют определенные цели, 36% респондентов ответили, что у них есть цели, но они могут меняться. Вместе с этим, 18% от общего числа участников исследования ответили, что у них нет определенных целей.

Половина участников исследования в возрасте от 31 до 55 лет (50%) ответили, что они имеют определенные цели в жизни. Об этом же нам сказали 44% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет и 32% - старше 55 лет. Половина же участников исследования старшего возраста (50%) ответили, что они имеют цели в жизни, но

они могут меняться. Это вариант ответа выбрали 38% респондентов средней возрастной группы и 30% - младшей. Молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет чаще представителей других возрастных групп (20%) отвечали, что у них нет определенных целей в жизни. Об этом же сказали 14% участников исследования в возрасте от 55 лет и 10% - средней возрастной группы.

Участникам исследования предлагалось рассказать о том, что мешает им определится со своими целями в жизни. 48% ответили, что внешние условия мешают им в определении с целями, 44% - сложность принятия решений, 38% - непредсказуемость будущего, 32% - ответственность перед близкими.

Говоря о том, что мешает людям определиться со своими целями, женщины чаще выбирали варианты ответов: непредсказуемость будущего 56% (против 20% среди мужчин); внешние условия 56% (против 40% среди мужчин); ответственность перед близкими 44% (против 20% среди мужчин). Мужчины же чаще выбирали положение - сложность принятия решений 50% (против 38% среди женщин).

В анкете для участников исследования содержался вопрос, в котором респондентам необходимо было выделить людей, которые оказывает наибольшее влияние на формирование их планов на будущее. Более половины участников исследования (52%) сослались при ответе на этот вопрос на членов семьи, 35% - на родителей, 30% - на учителей или преподавателей, 28% - на друзей, 25% - на наставников, 18% - на коллег, 15% - на знакомых, 14% - на средства массовой информации.

При ответе на вопрос о том, кто оказывает наибольшее влияние на формирование Ваших планов на будущее, мужчины чаще выбирали друзей 35% (против 21% среди женщин); знакомых -20% (против 10% среди женщин); средства массовой информации - 18% (против 10% среди женщин). Женщины же чаще указывали, что члены семьи - 54% (против 50% среди мужчин), учителя и преподаватели - 40% (против 20% среди мужчин), коллеги - 21% (против 15% среди мужчин).

Выделяя собственные приоритеты, 72% участников исследования ответили, что для них наиболее важна семья, для 62% респондентов наиболее важно образование и саморазвитие, для 60% - здоровье. 48% ответили, что них наиболее важна дружба и социальные контакты, для 46% - отдых и развлечения. 42% участников исследования сказали, что для них наиболее важна помощь окружающим. Карьера/профессиональная реализация и материальная обеспеченность важна для 38% и 36% от общего числа участников.

Представители младшей возрастной группы (от 18 до 30 лет), чаще представителей других возрастных групп выделяли образование и саморазвитие - 70% (против 65% в средней возрастной группе и 51% в старшей возрастной группе), материальную обеспеченность - 40% (против 38% в средней возрастной группе и 30% в старшей возрастной группе) и дружбу и социальные контакты - 50% (против 49% в старшей возрастной группе и 45% в средней возрастной группе). Участники исследования в возрасте от 31 до 55 лет чаще представителей других возрастных групп выбрали вариант ответа карьера и профессиональная реализация - 50% (против 40% в младшей возрастной группе и 24% в старшей возрастной группе). Представители старшей возрастной группы чаще выбирали семью - 80% (против 70% в средней возрастной группе и 66% в младшей), здоровье - 80% (против 62% в средней возрастной группе и 38% в младшей) и отдых и развлечения - 50% (против 48% в младшей и 40% в средней возрастной группе).

Среди того, что является несчастьем, 68% респондентов выделили смерть, 48% - болезни, 33% - одиночество, 22% - материальные проблемы, 20% - трудность в самореализации.

Мужчины в качестве несчастья чаще выбирали одиночество - 36% (против 30% среди женщин), материальные проблемы - 28% (против 16% среди женщин), болезни - 50% (против 46% среди женщин), смерть - 70% (против 66% среди женщин) и трудности в самореализации - 24% (против 16% среди женщин).

Среди человеческих качеств, которые ценят волонтеры, самым часто упоминаемым было честность (62%), 55% отметили доброту, 50% - порядочность, 40% - человечность, по 30% выбрали целеустремленность и надежность, 20% - образованность.

Участники исследования в возрасте от 55 лет ответили, что они выше других ценят в людях: человечность - 44% (против 42% в средней и 34% в младшей возрастных группах), порядочность - 60% (против 54% в средней и 36% в младшей возрастных группах), надежность - 40% (против 38% в средней и 12% в младшей возрастных группах) и доброту - 58% (против 56% в средней и 51% в младшей возрастных группах). Участники исследования в возрасте от 31 до 55 лет чаще выбирали в списке тех качеств, которые они ценят в людях: честность - 66% (против 60% в младшей и старшей возрастных группах) и профессионализм - по 40% в средней и младшей возрастных группах (против 19% в старшей возрастной группе). Участник исследования в возрасте от 18 до 30 лет чаще выбирали: целеустремленность - 38% (против 30% в средней и 22% старшей возрастных группах), образованность - 30% (против 20% в средней и 10% в старшей возрастных группах).

55% от общего числа участников исследования рассказали нам о том, что в ближайшие три года они хотели бы уделять больше внимания семейной жизни и близким, 40% - профессиональной реализации, 35% - хотели бы больше внимания уделять образованию, 20% - приятному времяпрепровождению. 35% от общего числа участников ответили, что в ближайшие три года хотели бы больше внимания уделять волонтерской деятельности.

Представители младшей возрастной группы в ближайшие три года чаще других хотели бы уделять внимание образованию - 48% (против 30% в средней и 27% в старшей возрастных группах) и приятному времяпрепровождению - 24% (против 20% в старшей и 16% в средней возрастных группах). Представители старшей возрастной группы ответили, что хотели бы уделять больше внимание в ближайшие три года семейной жизни и близким - 75% (против 55% в средней и 35% в младшей возрастных группах). Представители средней возрастной группы при ответе на этот же вопрос чаще других выбирали: профессиональную реализацию - 48% (против 44% в младшей и 28% в старшей возрастных группах) и волонтерской деятельности - 40% (против 35% в старшей и 30% в младшей возрастных группах).

Выводы

Эта статья посвящена олимпийским волонтерам – участникам одной из наиболее масштабных программ по работе с волонтерами в России. На основе результатов онлайн опроса, мы изучили ценности и приоритеты, которым следуют волонтеры в жизни.

Нами были определено, что большая часть волонтеров, при ответе на вопросы анкеты сказали, что они строят планы на ближайшее и отдаленное будущее. Только каждый десятый участник исследования сказал, что он не стоит планов на будущее. При этом, подавляющее большинство волонтеров также сказали, что они имеют определенные цели, более трети респондентов ответили, что у них есть цели, но они могут меняться. Среди причин, которые мешают им определится со своими целями в жизни, наиболее популярными вариантами ответов волонтеров были: внешние условия и сложность принятия решений. При этом, половина участников исследования сказали, члены семьи оказывают наибольшее влияние на формирование их планов на будущее.

Говоря о своих приоритетах в жизни,

большая часть волонтеров выбрали, что для них наиболее важна семья, образование и саморазвитие, а также здоровье. Самый популярной причиной несчастья волонтеры выбрали смерть.

Среди человеческих качеств, которые ценят волонтеры в других людях, самыми часто упоминаемыми было следующие качества: честность; доброта и порядочность. Чуть более половины участников исследования сказали нам о том, что в ближайшие три года они хотели бы уделять больше внимания семейной жизни и близким. Треть волонтеров ответили, что хотели бы больше внимания уделять волонтерской деятельности.

Результаты описанного исследования способствовали получению информации о ценностных представлениях олимпийских волонтеров, что может использоваться при разработке программ мотивации волонтеров, с целью привлечения наибольшего числа людей в волонтерскую деятельность.

Список источников / References

Дмитриева В. А. Жизненный путь молодого предпринимателя как проекция социально-психологических особенностей личности //Человеческий капитал. 2021. №. 6. С. 140-153.

Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В. Жизненный путь и жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса //Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. №. 1. С. 29-45.

Ельникова Г. А., Михайловская З. В. Типология жизненных стратегий молодежи //Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. №. 2. С. 33-37.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №. 3 (157). С. 13-41.

Костромина С. Н., Гришина, Н. В., Зиновьева, Е. В., Москвичева, Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. №. 4. С. 341-155.

Brüderl J., Kratz F., Bauer G. Life course research with panel data: an analysis of the reproduction of social inequality //Advances in Life Course Research. 2019. Vol. 41. P. 100247.

Comolli C. L., Bernardi L., Voorpostel M. Joint Family and Work Trajectories and Multidimensional Wellbeing //European Journal of Population. 2021. Vol. 37. №. 3. P. 643-696.

de Vries B. Lifelines: A review of content and context //The International Journal of Reminiscence and Life Review. 2013. Vol. 1. №. 1. P. 31-35.

Dmitrieva V. A. The life path of a young entrepreneur as a projection of the socio-psychological characteristics of the personality // Human capital. 2021. no. 6. S. 140-153. (In Russ.)

Gavrilyuk T. V., Gavrilyuk V. V. Life path and life strategies of the youth of the new working class // News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics. 2021. no. 1. S. 29-45. (In Russ.)

Elnikova G. A., Mikhailovskaya Z. V. Typology of youth life strategies // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2018. no. 2. S. 33-37. (In Russ.)

4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Life strategies of youth: realization of expectations and social moods // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. no. 3 (157). pp. 13-41. (In Russ.)

Kostromina S. N., Grishina, N. V., Zinovieva, E. V., Moskvicheva, N. L. Life model as a construct for studying the life scenario of a person // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2018. Vol. 8. No. 4. C. 341-155. (In Russ.)

Brüderl J., Kratz F., Bauer G. Life course research with panel data: an analysis of the reproduction of social inequality //Advances in Life Course Research. 2019. Vol. 41. P. 100247.

Comolli C. L., Bernardi L., Voorpostel M. Joint Family and Work Trajectories and Multidimensional Wellbeing //European Journal of Population. 2021. Vol. 37. №. 3. P. 643-696.

de Vries B. Lifelines: A review of content and context //The International Journal of Reminiscence and Life Review. 2013. Vol. 1. №. 1. P. 31-35.

Giancaspro M. L., Manuti A. Learning to be employable through volunteering: A qualitative study on the development of employability capital of young people

Giancaspro M. L., Manuti A. Learning to be employable through volunteering: A qualitative study on the development of employability capital of young people //Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 353.

Koistinen K., Teerikangas S., Mikkilä M., Linnanen L. Active sustainability actors: A life course approach //Sustainable Development. 2020. Vol. 28. №. 1. P. 208-223.

Komp K., Johansson S. Population ageing in a lifecourse perspective: developing a conceptual framework //Ageing & Society. 2016. Vol. 36. №. 9. P. 1937-1960.

Komp-Leukkunen K. Capturing the diversity of working age life-courses: A European perspective on cohorts born before 1945 //PLoS One. 2019. Vol. 14. №. 2. P. e0212400.

Komp-Leukkunen K. What life-course research can contribute to futures studies //Futures. 2020. Vol. 124. P. 102651.

Levy R., Bühlmann F. Towards a socio-structural framework for life course analysis //Advances in Life Course Research. 2016. Vol. 30. P. 30-42.

Masini B. Futures research and sociological analysis. S.R. Quah, A. Sales (Eds.), The International Handbook of Sociology, Sage, London

Mayer K. U. New directions in life course research // Annual review of sociology. 2009. Vol. 35. P. 413-433.
17. Milojević I., Inayatullah S. Narrative foresight //Futures. 2015. Vol. 73. P. 151-162.

Mitchell, B. (2013). Life course theory. International encyclopedia of marriage and the family. Available online: http://www.encyclopedia.com/doc/1G23406900275.html (accessed on 29.11.17)

Omoto A. M., Snyder M., Martino S. C. Volunteerism and the life course: Investigating age-related agendas for action //Special Issue: The Social Psychology of Aging. Psychology Press. 2018. P. 181-197.

Weststrate N. M., Ferrari M., Fournier M. A., McLean K. C. “It was the best worst day of my life”: Narrative content, structure, and process in wisdom-fostering life event memories //The Journals of Gerontology: Series B. 2018. Vol. 73. №. 8. P. 1359-1373.

Yamashita T., Keene J. R., Lu C. J., Carr D. C. Underlying motivations of volunteering across life stages: A study of volunteers in nonprofit organizations in Nevada //Journal of Applied Gerontology. 2019. Vol. 38. №. 2. P. 207-231.

//Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 353.

Koistinen K., Teerikangas S., Mikkilä M., Linnanen L. Active sustainability actors: A life course approach //Sustainable Development. 2020. Vol. 28. №. 1. P. 208-223.

Komp K., Johansson S. Population ageing in a lifecourse perspective: developing a conceptual framework //Ageing & Society. 2016. Vol. 36. №. 9. P. 1937-1960.

Komp-Leukkunen K. Capturing the diversity of working age life-courses: A European perspective on cohorts born before 1945 //PLoS One. 2019. Vol. 14. №. 2. P. e0212400.

Komp-Leukkunen K. What life-course research can contribute to futures studies //Futures. 2020. Vol. 124. P. 102651.

Levy R., Bühlmann F. Towards a socio-structural framework for life course analysis //Advances in Life Course Research. 2016. Vol. 30. P. 30-42.

Masini B. Futures research and sociological analysis. S.R. Quah, A. Sales (Eds.), The International Handbook of Sociology, Sage, London

Mayer K. U. New directions in life course research // Annual review of sociology. 2009. Vol. 35. P. 413-433.

Milojević I., Inayatullah S. Narrative foresight // Futures. 2015. Vol. 73. P. 151-162.
18. Mitchell, B. (2013). Life course theory. International encyclopedia of marriage and the family. Available online: http://www.encyclopedia.com/doc/1G23406900275.html (accessed on 29.11.17)

Omoto A. M., Snyder M., Martino S. C. Volunteerism and the life course: Investigating age-related agendas for action //Special Issue: The Social Psychology of Aging. Psychology Press. 2018. P. 181-197.

Weststrate N. M., Ferrari M., Fournier M. A., McLean K. C. “It was the best worst day of my life”: Narrative content, structure, and process in wisdom-fostering life event memories //The Journals of Gerontology: Series B. 2018. Vol. 73. №. 8. P. 1359-1373.

Yamashita T., Keene J. R., Lu C. J., Carr D. C. Underlying motivations of volunteering across life stages: A study of volunteers in nonprofit organizations in Nevada //Journal of Applied Gerontology. 2019. Vol. 38. №. 2. P. 207-231.

Сведения об авторе

Марина Петровна Сухарькова, аналитик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, 101978, Москва, ул. Мясницкая, 20, Россия, MSukharkova@hse.ru

Information about the author

Marina P. Sukharkova, analyst, National Research University Higher School of Economics (HSE), Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, 20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101978, Russia, MSukharkova@hse.ru

Вклад автора

Марина П.С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результа-тов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность..

Contribution of the author

Sukharkova M.P. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for pub-lication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Социологические науки

Оригинальная статья
УДК 316.022.4 316

Ценности и самоидентификация коренных малочисленных народов Югры

Наталья Витальевна Ткачук[1]
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация: *В материале представлены результаты проведенного исследования ценностных суждений, маркеров этнической самоидентификации представителей из числа коренных малочисленных народов Севера (далее - КМНС), проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (далее - Югра). Респондентами выступили титульные этносы (ханты, манси, ненцы) автохтонных территорий Югры – Октябрьский, Березовский, Кондинский районы. Методом анкетирования и смешанных по типу вопросов получены ответы, в результате чего выстроена иерархия основных ценностных составляющих в жизнедеятельности представленных этносов, а также показаны основные этномаркеры, которые выступают в вопросе самоидентификации обских угров и ненцев Югры. Утверждения о семейном благополучии, материнстве, здоровье были высказаны большинством опрошенных. Обские угры и ненцы проявили свою привязанность к малой родине, месту своего рождения. Отмечается, что в структуре ценностных суждений основные позиции остаются за витальными («здоровье», «семья», «дети»), этническими ценностями («национальность»). Подчеркивается, что положительная этническая самоидентификация усиливается рядом этномаркеров, преимущественно территориальными («родная земля», «природа» «своим краем»), а также этнической принадлежностью («национальность»).*

Ключевые слова: *опрос, коренные малочисленные народы, Югра, ценности, традиции, самоидентификация.*

Для цитирования: *Ткачук Т.В. Ценности и самоидентификация коренных малочисленных народов Югры // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. № 1. С. 119–126.*

Sociological sciences

Original article

Values and self-identification of the indigenous peoples of Ugra

Natalia V. Tkachuk
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract: *The article presents the results of a study of value judgments, markers of ethnic identity of representatives from among the indigenous small-numbered peoples of the North (hereinafter - KMNS) living in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra (hereinafter - Yugra). The respondents were titular ethnic groups (Khanty, Mansi, Nenets) of autochthonous territories - Oktyabrsky, Berezovsky, Kondinsky districts of Yugra. The answers were obtained by the method of questionnaires and mixed questions, as a result of which a hierarchy of the main value components in the life of the represented ethnic groups was built, and also the main ethnomarkers that act in the issue of self-identification of the Ob Ugrians and Nenets Yugra were shown. Statements about family well-being, motherhood, and health were made by the majority of respondents. Ob Ugrians and Nenets showed their affection for their small homeland, the place of their birth. It is noted that in the structure of value judgments, the main positions remain vital («health»»family», «children»), ethnic values («nationality»). It is emphasized that the positive ethnic self-identification is reinforced by a number of ethnomarkers, mainly territorial («native land», «nature» by «its edge»), as well as ethnicity («nationality»).*

Keywords: *survey, indigenous peoples, Yugra, values, traditions, self-identification.*

[1] © Ткачук Н.В.

For citation: *Tkachuk N.V. Values and self-identification of the indigenous peoples of Ugra // Social competence. 2022. Vol. 7. No. 1. pp. 119-126.*

Введение

В научной литературе давно обсуждается подъем национального самосознания, фундаментальных потребностях, в том числе потребность в корнях, современных тенденциях в системе ценностей, которым свойственны переосмысление и переструктуаризация (Губогло, 2003. С. 67, 81, 89). В социальных, гуманитарных науках обращено внимание изучению социокультурного пространства различных народов, в том числе малых (Бутенко, 2021), исследователи подчеркивают, что современные формы и способы этнокультурного взаимодействия на урало-западносибирском пространстве коренятся в многослойном комплексе идентичностей (Перевалова, 2019. С. 8). Отмеченный наукой рост национального самосознания также составляет одну из актуальных тенденций культуры. В частности, в данный период он мощно заявил о себе в финно-угорском мире, что выразилось в обращении этносов к своим истокам, архаической культуре древности, попытках осмыслить родственные связи, существующие между этносами, их активных и весьма плодотворных попытках позиционирования локальных культур в глобальном культурном пространстве. В науке отчетливо проявилась тенденция изучения культурного наследия финно-угорских народов, которое включает в себя «материальные и духовные ценности (Беломоева, 2021. С. 448).

Представленная работа имеет целью исследование ценностных суждений коренных малочисленных народов угорской группы (ханты, манси), самодийской (лесные ненцы), проживающих на территории Югры. Поставлено задачей - выяснить решающие ценности и их взаимосвязь с маркерами самоидентичности представленных этносов. Полагаем, что с помощью сохранившихся устойчивых традиционных установок в культуре титульных этносов современные ханты манси ненцы открывают и познают себя - происходит положительная этническая самоидентификация; маркеры этнической самоидентичности и ценности в культуре коренных народов тесно взаимосвязаны, выступают приоритетными, что в свою очередь влияет на положительную этническую самоидентификацию. Изучение категорий «ценность», «этническая самоидентификация» коренных народов востребованы особенно в быстроменяющемся мире.

Методология

В рамках изучения этнической идентичности коренных малочисленных народов (далее - КМН) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее - Югра) состоялся социологический мониторинг (2017-2019 гг.) в муниципальных образования автономного округа, N – 287 респондентов – представителей этнических групп: ханты, манси, ненцы. Выбраны муниципальные образования для проведения социологического опроса неслучайно, каждый район имеет свою структуру по численности представителей КМНС Югры. Так, по плотности расселения коренных жителей Югры Березовский район занимает первое место в округе, в целом по району представителей КМНС насчитывается 6378 чел., что соответствует 26 % от общей (24691 чел.) численности населения района. Так, например, распределение коренных малочисленных народов по административным поселениям района следующее: Саранпауль 35,6 %; Березово – 27,5%, Игрим – 24,9 %; Хулимсунт –9,6 %, Светлый – 1,7 %, Приполярный – 0,7% . По официальным статистическим данным администрации районного центра Междуреченский, в Кондинском районе проживают более 5 тыс. чел. представителей КМНС, преимущественно в населенных пунктах: Шугур, Кама, Карым, Алтай, Болчары, Кондинское . Численность КМНС Октябрьского района по сравнению с Березовским и Кондинским незначи-

тельна: около двух тысяч человек: ханты – 1827 чел, манси – 546 чел., ненцы – 23 чел .

Опрошенные респонденты Октябрьского района это уроженцы национальных поселений - Нижние Нарыкары, Шеркалы, Большой Атлым. Количество опрошенных составило 88 чел. По национальному составу наибольшую группу из числа опрошенных представили ханты 83%, и лишь 17 % манси. В городских и сельских поселениях Кондинского района: Кондинское, Междуреченский, Шугур количественное преобладание по национальному составу пришлось на респондентов, указавших национальность манси – 65,5 % от числа опрошенных, респондентов-ханты оказалось 8,6%, наименьшей по численности оказалась группа ненцев – 0,9 %. Выборка составила 116 респондентов. В Березовском районе, респондентами выступили жители национальных поселений Теги, Няксимволь, Саранпауль. Общий объем выборки составил 83 человека. В данных поселениях среди представителей КМНС еще сохранены родной язык, традиционные культура и уклад жизни.

На вторичном этапе обработки социологические результаты получены с помощью программного обеспечения «Vortex». Согласно задачам прикладного исследования – выяснить основные ценностные суждения, влияющие на формирование компонентов (маркеров) этнической самоидентификации, респондентам предлагалось ответить на открытые и закрытые вопросы анкеты: «Чем Вы лично можете уверенно гордиться?», «Что Вас сближает с людьми вашей национальности?», «На какие ценности первостепенно Вы опираетесь в своей жизни?».

Исследование

На междисциплинарном подходе существует немало работ в психологии, социологии, философии, политологии и других науках в которых рассматривается категория «ценность». Так, Б.Р. Мандель обращается к работе Р. Линтон «Изучение человека» (1936), в которой автор трактует, что ценности находятся в системе скрытой культуры, а не внешней. Культура разделялась на внешнюю (доступные наблюдению поведенческие аспекты культуры) и скрытую (установки, эмоции, ценности и т.д., лежащие в основе культурного поведения) (Мандель, 2014, С. 30). Как отмечает Стефаненко: «длительность существования, достаточная для возникновения не только специфического языка и каналов внутригрупповых коммуникаций, но и коллективных истории (традиций, воспоминаний, ритуалов) и культуры (представлений, ценностей, символов, памятников), оказывающих унифицирующее воздействие на мироощущение членов группы и тем самым сближающих их» (Стефаненко, 1999. С. 41). М.Н. Губогло, опираясь на многолетние свои исследования обращает внимание, что с возрастом у человека «происходит серьезное переосмысление и переструктуаризация в системе идентичностей и ценностей (Губогло, 2003. С.89). Такие характеристики как язык, историческая память, представления о родной земле, миф об общих предках, религия, национальный характер, ценности, список этот бесконечен, выступают этнодифференцирующими в вопросе этнической самодиентичности (Стефаненко, 1999, С.41). Вопрос об идентичности встает именно тогда, когда происходит давление «чужих» ценностей. Столкновение ценностей, как правило, и приводит к самоидентификации, и чем более оно интенсивно, тем более болезненно (но вместе с тем и более определенно) протекает этот процесс (Кортунов, 2009. С. 34). Особую роль в жизни нации играют ее национальные интересы, отражающие ценности этнической общности и служащие сохранению ее единства и целостности. Они являются важнейшей движущей силой поведения и деятельности как отдельных личностей, так и нации, государства в целом. Российские ученые исследовали и описывают, что в основе национальных интересов лежат ценности нации — совокупность духовных идеалов

ее представителей, в которых находит отражение своеобразие исторического развития и культуры. Национальные ценности выступают в роли социальных и психологических регуляторов поведения людей одной этнической принадлежности (Крысько, 2004. С. 80-81). Современные авторы подчеркивают высокий интерес на осмысление глобальных проблем человека, в частности ценностей (Оганесян, 2021. С.82), ценностным основаниям (Аргамакова, 2021. С. 65), быстрого принятия западных ценностей (Струк, 2021).

Понятие «ценность» имеет широкое значение: совокупность одобряемых и разделяемых большинством людей представлений о желаемом для индивида или группы индивидов; социологические конструкты культуры, набор иерархически организованных прескрипций, предписывающих выбор действия или способ существования, которые принимают отчетливые формы в разных культурах, имеют тенденцию сохраняться на протяжении длительного времени. Могут быть ценности витальные - то, что непосредственно связано с жизнью, с ее продолжением и сохранением (питание, экология, здоровье, продолжение рода и т.д.); высшие моральные и эстетические ценности, они отражают представления о добре, справедливости, чести, верности, патриотизме, любви, дружбе, порядочности, честности и т.д.; ценности материальные; ценности этнические — совокупность культурных традиций этноса, которые выделяются самим этносом в качестве наиболее специфичных черт, маркирующих его историческое и культурное своеобразие, относят некоторые черты национального характера, традиционные формы жизнеобеспечения, бытовые обычаи и особенности этикета, особенности религиозности, элементы обыденного мировоззрения, национальную мифологию и т.п. ценностная картина мира (Жукова, 2013. С. 454-457). Энциклопедическое определение ценности трактуется как понятие, используемое в философии и гуманитарных науках для обозначения объектов и явлений, значимых в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов (Большая российская энциклопедия).

Опираясь на социологическое исследование, представим ответы на традиционные вопросы о том, какие ценности выступают решающими в социокультурном пространстве титульных этносов и как с

Таблица 1. Ответы на вопрос: «Чем Вы лично можете уверенно гордиться?»
(% от числа опрошенных)

Варианты ответа	Респонденты Березовского района (n=83)	Респонденты Кондинского района(n =116)	Респонденты Октябрьского района(n =88)	В целом по массиву
Высшим образованием	3,6	9,5	9,1	7,4
Своей семьей, детьми	37,3	48,3	71,6	52,4
Национальностью	32,5	6,9	6,8	15,4
Своей работой	10,8	8,6	6,8	8,73
Успехами в работе	3,6	16,4	5,7	8,57
Культурой своего народа	21,7	11,2	3,4	12,1
Своим внешним видом	8,4	12,9	1,1	7,47
Спортивными достижениями	2,4	9,5	2,3	4,73
Своим краем	50,6	56,9	45,5	51,0
Другое	1,2	2,6	0	1,27
Затрудняюсь ответить	10,8	1,7	3,4	5,3

этим связан процесс этической самоидентификации. В первую очередь положительные ощущения многие респонденты ханты, манси, ненцы связывают со своим краем (51,0%), семьей, детьми (52,4%) (табл.1).

Не менее значимой для опрошенных является этническая принадлежность. Треть респондентов Березовского района (32,5%) считают свою «национальность» предметом гордости. Для кондинцев и респондентов Октябрьского района оказались не приоритетными такие признаки национального самоощущения, как этническое происхождение, культура народа. Вариант ответа «национальность» в качестве предмета гордости и уверенности выбран меньшинством из них (6,9% / 6,8%)

Таблица 2. Ответы на вопрос: «Что Вас сближает с людьми Вашей национальности?»
(в% от числа опрошенных)

Варианты ответа	Респонденты Кондинского района(n =116)	Респонденты Октябрьского района(n =88)
Язык	20,7	6,8
Религия	5,2	4,5
Менталитет, психологические особенности	3,4	2,3
Родная земля, ее природа	87,1	94,3
Внешний облик	7,8	0,0
Национальная одежда	0	1,1
Затрудняюсь ответить	2,6	0

(табл.2). Для большей части респондентов территориальная принадлежность (87,1% / 94,3%) является выраженным и определяющим признаком этнического самоощущения.

Социологический мониторинг показал, что определяющим признаком этнического самоощущения для опрошенных из числа КМНС является в первую очередь их территориальная принадлежность. Предполагаем, что место рождения и проживания могут являться не только одним из оснований социальной-экономической стабильности, но и этнической уверенности, самоидентификации югорчан. Этномаркер «своя земля», «малая родина» в структуре этнической идентичности коренных народов Югры был рассмотрен этнографами: понятие «своя земля» в культуре коренных народов Севера содержит глубокий духовный, эмоциональный подтекст и не ограничивается лишь интересом к её ресурсам. В условиях ассимиляции, обрусения народов Севера, урбанизации их культуры, угасания традиционных хозяйственных занятий этнообразующим фактором всё больше становится память об истории и культуре народа, о связи с землёй, на которой они живут и на которой жили их предки, чувство Родины. Этническая идентичность становится ценностью высшего метафизического плана, и образ «своей земли» активно участвует в определении тенденции к этническому самоопределению (Сподина, 2009. С. 80).

Ценности служат важным фактором социальной регуляции поведения людей и их отношений. Следующий вопрос был открытого типа, данные систематизированы по частоте упоминания представленных вариантов респондентами.

Обобщающий анализ ценностных взглядов опрошенных показывает, что

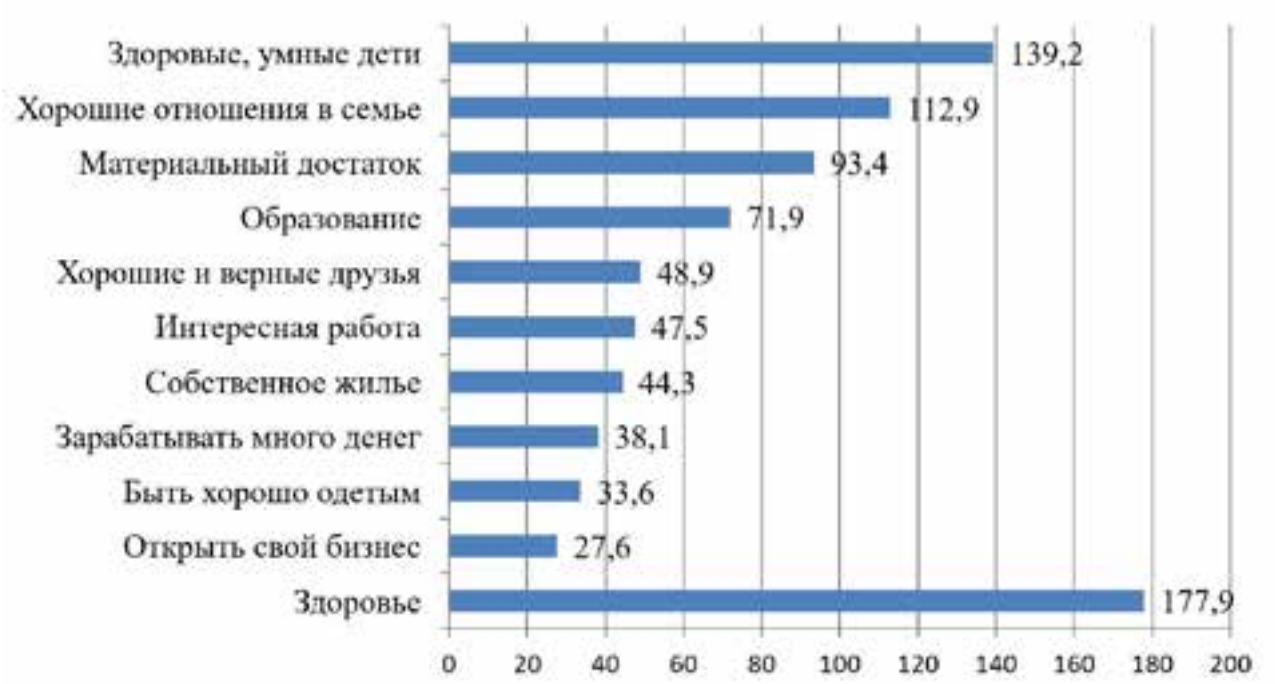

Рис 1. Ответы на вопрос: «Какие жизненные ценности являются для Вас наиболее важными?» n=287, 2017-2019 гг.
(в % от числа опрошенных)

приоритетны универсальные ценности (здоровье, семья и дети, образование, материальный достаток), по результатам ответов ценностные суждения выстроены в определенную иерархию: здоровье (177,9%), хорошие отношения в семье (112,9%), материальный достаток (93,4%), образование (71,9%). Между данной группой ценностей (здоровье, хорошие отношения в семье, образование) и группой, которую образовали по приближенным показателям следующие ценности (хорошие и верные друзья – 48,9 %, интересная работа – 47,5%) существенная разница. Оказались второстепенными и замыкают гистограмму вариации: быть хорошо одетым (33,6%), открыть свой бизнес (27,6%) (рис 1.).

На примере социологических данных сходные в иерархии ценности рассмотрены были ранее, но среди молодых (в возрастном разрезе 16-35 лет) представителей из числа коренных малочисленных народов Югры (Ткачук, 2016). Кроме этого, встречаются положительные этнические идентичности, а в вопросе этнической идентификации КМНС отмечается роль этнокультурных факторов (Ткачук, 2021. С.150).

Выводы.

Согласно полученным данным, в совокупности материальных и духовных ценностных ориентаций опрошенными выбраны наиболее предпочитаемые блага: благополучие в семье, здоровье детей, стремление к образованию, возможность заниматься интересной работой, удовлетворять материальные потребности. Для анализа этнического самочувствия респондентов из числа КМНС были включены факторы самооценки самими респондентами ощущений этнического единения, этнического самоощущения. Объективные и субъективные причины определили положительную этническую самоидентфикацию. В результате исследования выявлены факторы положительного этнического настроя респондентов: идентичность своим краем, национальностью, культурой своего народа, своей семьей, несомненно, способствующие готовности к самостоятельным действиям в решении социокультурных вопросов.

Список источников / References

Аргамакова А.А. Взгляды М.Вебера и Р. Мертона на природу научных ценностей // Ценности и смыслы 2019. № 5. С. 65-82.

Большая российская энциклопедия – электронная версия URL: https://bigenc.ru (дата обращения: 24.03.2022).

Бутенко Н.А. Этническая идентичность коренных народов Севера в современных условиях: теоретические основания и проблема сохранения // Манускрипт 2021. Т. 14. № 7. С.1409-1414. URL: http://manuscript-journal.ru. (дата обращения:11.02.2022).

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 764 с.

Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.

Перевалова Е.В. Обские-угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭР РАН, 2019. 350 с

Беломоева О.Г., Кондратенко Ю.А. Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект // Финно–угорский мир. 2020. Т.12, № 4. С. 447-454.

Кортунов С. В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: Учеб. пособие для студентов вузов / С. В. Кортунов. М.: Аспект Пресс, 2009. 376 с.

Крысько В. Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 320 с.

Этнопсихология [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Б.Р. Мандель. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 320 с. URL: http:// ru.z-lib.org/ (дата обращения: 09.11. 2021).

Оганесян С. С. О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире // Ценности и смыслы 2019. № 5. С. 82-95.

Сподина В.И. Ценностные характеристики «своей земли» в традиционной культуре коренных народов Югры как маркер этнической идентичности // Вестник ТГУ. 2009. № 328. С.77-80.

Argamakova A.A. (2019) Views of M.Weber and R. Merton on the nature of scientific values. Cennosti i smysly = Values and Meanings. No. 5. P. 65-82 (In Russ.)

The Great Russian Encyclopedia - electronic version. URL: https://bigenc.ru (Accessed: 24 march 2022).

Butenko N.A. (2021) Ethnic identity of the indigenous peoples of the North in modern conditions: theoretical foundations and the problem of conservation. Manuskript = Manuskript. P.1409-1414. URL: http://manuscript-journal.ru. (Accessed: 11 february 2022). (In Russ.).

Guboglo M.N. (2003) Identification of identity: Ethnosociological essays. Moscow: Nauka, P.764 p. (In Russ.)

Zhukova I.N. (2013) Dictionary of terms of intercultural communication. Moscow: Flinta: Nauka, 632 p. (In Russ.).

Perevalova E.V. (2019) Ob-Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and Power. St.Petersburq. 350 p. (In Russ.)

Belomoeva OG., Kondratenko IuA. (2020) Ethnocultural tradition in the modern world: functional aspect. Finno–ugorskii mir=Finno-Ugric World. No. 4. P. 447-454. (In Russ.).

Kortunov S. V. (2009) The formation of national identity: What kind of Russia the world needs: study guide. Aspekt Press. 376 p. (In Russ.).

Krys'ko V. G. (2004) Ethnic psychology. study guide. Moscow: «Akademiya», 320 p. (In Russ.).

Ethnopsychology (2014): study guide.B.R. Mandel`. Moscow: FLINTA, URL: http:// ru.z-lib.org/ (Accessed: 09 november 2021) (In Russ).

Oganesyan S. S. (2019) About the concept of «universal values» in the modern world. Cennosti i smysly = Values and Meanings. No. 5. P. 82-95 (In Russ.)

Spodina V.I. (2009) Value characteristics of «one's own land» in the traditional culture of the indigenous peoples of Ugra as a marker of ethnic identity. Vestnik TGU = bulletin of Tomsk state University. No. 328. P. 77-80 (In Russ.)

Stefanenko T. G. (1999) Ethnopsychology. Moscow:«Akademicheskij proekt». 320 p.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

Струк Е.Н., Ван Хао Ценности китайской молодежи: теоретический анализ // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 4. С. 458 – 466.

Ткачук Н.В. Здоровье в системе ценностей молодежи коренных малочисленных народов Севера и факторы, влияющие на здоровье (по результатам социологических опросов) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред.-сост. С.А. Герасимова. Ижевск: «Принт-2», 2016. 214 с.

Ткачук Н.В. Этническая идентичность коренных малочисленных народов Югры: социологический анализ // Социальная компетентность. 2021. Т. 5. № 1. С. 142–152.

Struk E.N., Van Hao (2021) Values of Chinese youth: a theoretical analysis. Social'naya kompetentnost'= Social competence. No. 4. P. 458 – 466. (In Russ.)

Tkachuk N.V. (2016) Health in the value system of the youth of the indigenous peoples of the North and factors affecting health (according to the results of sociological surveys). Izhevsk: «Print-2». 214 p. (In Russ.)

Tkachuk N.V. (2021) Ethnic identity of the indigenous small-numbered peoples of Ugra: a sociological analysis. Social'naya kompetentnost' = Social competence. No. 1. P. 142 – 152. (In Russ.).

Сведения об авторе

Ткачук Наталья Витальевна Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
Почтовый адрес организации 628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А.
Научный сотрудник отдела Социально-экономического развития и мониторинга тел. сот.89505007636
e-mail Naksik1@yandex.ru

Information about the author

Natalia Vitalievna Tkachuk BI of KhMAO-Ygra «Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development»,
628011, Mira str. 14A, Khanty-Mansiysk, Russian Federation.
Researcher of the Department of Socio-economic development and monitoring тел.сот.89505007636
e-mail Naksik1@yandex.ru

Вклад автора

Автор Ткачук Н.В. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Contribution of the author

The author Tkachuk N.V. conducted research, issued scientific results and is responsible for plagiarism

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author claim no conflict of interest.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022

Information about the article

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Том 7 № 1
2022

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 1 2022

Сетевое издание зарегистрировано 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Е.Г. Копалкина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Верстка А.И. Копалкин

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Почтовый адрес ДВФУ:
690922, Приморский край, г. Владивосток,
о. Русский, п. Аякс, 10.
E-mail: sociacom@mail.ru
Тел.: +7 902 5 687 647

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»